

ISSN 0235-1188 (Print)
ISSN 2618-8961 (Online)

67(2) 2024

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФН

**RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES**

- ◆ *РАЗМЫВАНИЕ «Я-КОНЦЕПЦИИ»*
- ◆ *УГРОЗЫ РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ*
- ◆ *МЕДИАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА*
- ◆ *ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ДИАЛОГ*
- ◆ *ТРИХОТОМИЧЕСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ*
- ◆ *СПРАВЕДЛИВОСТЬ VS РАЦИОНАЛЬНОСТЬ*
- ◆ *СОЦИОИНДИВИДУАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ*

МОСКВА
ГУМАНИТАРИЙ

MOSCOW
HUMANIST PUBLISHING HOUSE

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Том 67. № 2/2024

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года

Журнал включен в «Реферативный журнал» и в базы данных
**ВИНИТИ РАН, Российский индекс научного цитирования,
EBSCO Academic Complete Search, The Philosopher's Index.**

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям
«**Ulrich's Periodicals Directory**»

DOI: 10.30727/0235-1188

Москва
Гуманитарий

Международная редакционная коллегия

Председатель международной редакционной коллегии **Гусейнов А.А.**

Амиллеби С.А., д.филол., проф. Ун-та Джорджа Вашингтона (США); **Бараш Дж.Э.**, д.филол., проф. Ун-та Пикардии им. Ж. Верна (Франция); **Брес И.**, проф., гл. ред. «Revue philosophique de la France et de l'étranger» (Франция); **Даллмайр Ф.Р.**, д.филол., проф. Ун-та Нотр-Дам (США); **Дени М.**, д.филол., проф., координатор отношений и международных проектов с Россией и странами Восточной Европы Ун-та Бордо им. Монтея (Франция); **Майнцер К.**, проф. Мюнхенского технического университета, научный директор Академии им. Карла фон Линде (Германия); **Тиханов Г.**, д.филол., зав. кафедрой сравнительного литературоведения Лондонского ун-та Королевы Марии (Великобритания); **Чжан Байчунь**, проф. Пекинского педагогического университета (Китай); **Штольценберг Ю.**, д.филол., проф. Ун-та Галле-Виттенберга им. М. Лютера (Германия); **Эпштейн М.**, проф. Ун-та Эмори (США), директор Центра обновления гуманитарных наук Даремского ун-та (Великобритания); **Эспехо Р.**, д.филол., президент Международной организации систем и кибернетики (Великобритания), приглашенный проф. Ун-та Сантьяго (Чили).

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии **Смирнов А.В.**

Автономова Н.С., ак. Академии гуманитарных исследований (АГИ), д.филол.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Аршинов В.И.**, д.филол.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Блауберг И.И.**, д.филол.н., в.н.с. ИФ РАН; **Вдовина И.С.**, д.филол.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Володазов Г.Г.**, ак. Академии политической науки (АПН), вице-президент АПН, проф. МГИМО (У); **Гусейнов А.А.**, ак. РАН, ВРИО директора ИФ РАН; **Давыдов А.П.**, д.культурологии, гл.н.с. ИС РАН; **Дубровский Д.И.**, д.филол.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Журавлев А.Л.**, ак. РАН, научный руководитель ИП РАН; **Кашников Б.Н.**, д.филол.н., проф. НИУ ВШЭ; **Клюев А.С.**, д.филол.н., проф. РГПУ им. А.И. Герцена; **Лепский В.Е.**, д.психолог.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Михайлов И.А.**, к.филол.н., с.н.с. ИФ РАН; **Пантин В.И.**, ак. АПН, зав. отделом ИМЭМО РАН; **Порус В.Н.**, д.филол.н., руководитель Школы философии факта гум. наук НИУ ВШЭ; **Розин В.М.**, д.филол.н., г.н.с. ИФ РАН; **Рябов В.В.**, чл.-корр. РАО, президент МГПУ; **Сиземская И.Н.**, д.филол.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Смирнов А.В.**, ак. РАН, зам. академика-секретаря Отделения общественных наук РАН, ВРИО зам. директора ИФ РАН; **Смолин О.Н.**, ак. РАО, 1-й зам. пред. комитета ГД ФС РФ по образованию и науке; **Соловьёв А.В.**, к.филол.н., доц. МГУ имени М.В. Ломоносова; **Степанянц М.Т.**, ак. АГИ, д.филол.н., зав. кафедрой ЮНЕСКО ИФ РАН; **Тульчинский Г.Л.**, д.филол.н., проф. НИУ ВШЭ (СПб); **Федотова В.Г.**, ак. РАЕН, д.филол.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Черниговская Т.В.**, чл.-корр. РАО, д.б.н., д.ф.н., проф., зав. кафедрой СПбГУ; **Шевченко В.Н.**, д.филол.н., гл.н.с. ИФ РАН.

Редакция:

Главный редактор Дубровский Д.И.

Научный редактор Винник Д.В.

Редактор отдела культурологии и религиоведения Дуркин Р.А.

Литературный редактор Чулкова Е.С.

Верстка: Топилина В.М.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Шеф-редактор Мариносян Х.Э.

THE MINISTRY OF SCIENCE
AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION

ACADEMY FOR
RESEARCH INTO
THE HUMANITIES

ФН

RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES
(FILOSOFSKIE NAUKI)

Vol. 67. No. 2/2024

Scientific and Educational Journal
Published since the Year 1958

The journal is listed in the *Abstracts Journal* and **databases of the VINITI** (All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences), **Russian Index of Science Citation, EBSCO Academic Complete Search, The Philosopher's Index.**

The information about the journal is published annually
in the international information system on serial publications

Ulrich's Periodicals Directory

DOI: 10.30727/0235-1188

Moscow
Humanist Publishing House

International Editorial Board:

Chairman of the International Editorial Board **Guseynov A.A.**

Barash J.A., Dr., Prof., Jules Verne University of Picardy (France); **Brès Y.**, Dr., Prof. em., Paris Diderot University – Paris 7, Editor-in-Chief of the *Revue philosophique de la France et de l'étranger* (France); **Dallmayr F.R.**, Ph.D., Packey J. Dee Professor at the University of Notre Dame (USA); **Dennes M.**, Dr., Prof., coordinator of relations and international projects with Russia and other Eastern European countries, Montaigne Bordeaux 3 University (France); **Epstein M.**, Ph.D., S.C. Dobbs Prof. at Emory University (USA), Director of the Centre for Humanities Innovation at Durham University (UK); **Espejo R.**, Ph.D., President of the World Organisation of Systems and Cybernetics (UK), Visiting Prof. at the University of Santiago (Chili); **Mainzer K.**, Dr., Prof. em., Technical University of Munich (Germany); **Stolzenberg J.**, Dr., Prof. em., Martin Luther University of Halle-Wittenberg (Germany); **Tihanov G.**, Ph.D., George Steiner Professor of Comparative Literature at Queen Mary University of London (UK); **Umpleby S.A.**, Ph.D., Prof., The George Washington University (USA); **Zhang Baichun**, Prof., Beijing Normal University (China).

Editorial Board:

Chairman of the Editorial Board **Smirnov A.V.**

Arshinov V.I., D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Avtonomova N.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Blauberg I.I.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Chernigovskaya T.V.**, RAE Corr Memb., D.Sc., Prof., Head of the Department at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Davydov A.P.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., Institute of Sociology of the RAS; **Dubrovsky D.I.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Fedotova V.G.**, RANS Full Memb., Prin.Res.Fell., IPhRAS, Ph.D.; **Guseynov A.A.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Kashnikov B.N.**, D.Sc., Prof., NRU HSE; **Klujev A.S.**, D.Sc., Prof., Herzen University; **Lepskiy V.E.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Mikhaylov I.A.**, Ph.D., Sen.Res.Fell., IPhRAS; **Pantin V.I.**, Academy of Political Sciences (Russia) Full Memb., Head of the Department at the Institute of World Economy and International Relations of the RAS; **Porus V.N.**, D.Sc., Head of the Department at the NRU HSE; **Rozin V.M.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Ryabov V.V.**, RAE Corr. Memb., President of the Moscow City Teacher Training University; **Shevchenko V.N.**, D.Sc., Prin. Res. Fell., IPhRAS; **Sizemskaya I.N.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Smirnov A.V.**, RAS Full Memb., Deputy Academician-Secretary of the Department of Social Sciences of the RAS, Acting Deputy Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Smolin O.N.**, RAE Corr. Memb., Firs Deputy Chairman of the Russian State Duma Committee for Education; **Soloviev A.V.**, Ph.D., Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University; **Stepanyants M.T.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., UNESCO Chairholder at the IPhRAS; **Tulchinskii G.L.**, D.Sc., Prof., NRU HSE (St. Petersburg); **Vdovina I.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Vodolazov G.G.**, APS Full Memb., Vice President of the Academy of Political Sciences (APS), Prof., Moscow State Institute of International Relations; **Zhuravlev A.L.**, RAS Full Memb., Chief Scientific Officer of the Institute of Psychology of the RAS.

Editorial Staff:

Main Editor Dubrovsky D.I.

Scientific Editor Vinnik D.V.

Cultural and Religious Studies Department's Editor Durkin R.A.

Literary editor Chulkova E.S.

Page Layout: Topilina V.M.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Editor-in-Chief Marinossyan Kh.E.

ОГЛАВЛЕНИЕ

МОДУСЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ:
КОЛЛЕКТИВИЗМ И ИНДИВИДУАЛИЗМ

<i>М.Ф. ЧЕРНЫШ</i>	Межсубъектные отношения в ракурсе медиационного мышления	7
<i>А.П. ДАВЫДОВ</i>	Медиация и диалог: новые горизонты межсубъектных отношений	10
Эпистемологические основания диалога ■		
<i>В.А. ЛЕКТОРСКИЙ</i>	Индивидуализация, коллективность, диалог	13
<i>Г.Д. ЛЕВИН</i>	Гносеологический анализ переговорного процесса	26
<i>Т.А. ЛЕЩЕНКО</i>	Начала системно-диалектической проблематизации диалога	46
Медиация и диалогизация в динамике социокультурного развития ■		
<i>В.М. РОЗИН</i>	Социальный диалог как проблема и условие медиации	65
<i>О.В. АКСЕНОВА</i>	Индивидуализм и коллективизм в условиях технологического прогресса	81
<i>И.А. САВЕЛЬЕВ</i>	Полисубъектность как фактор социального развития в контексте диалогизации и дифференциации отношений «центр – регионы» в федеративном государстве	97
<i>А.Х. МАРИНОСЯН</i>	Инструментальный разум как третья субъектность в системе «Я – Другой»	117
<i>А.П. ДАВЫДОВ</i>	Медиация и конвергентная социальность. К теории социального диалога	135

CONTENTS

**MODES OF SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT:
COLLECTIVISM AND INDIVIDUALISM**

M.F. CHERNYSH Intersubjective Relations from
the Perspective of Mediational Thinking 7

A.P. DAVYDOV Mediation and Dialogue: New Horizons
in Intersubjective Relations 10

**Epistemological
Foundations of Dialogue ■**

V.A. LEKTORSKY Individualization, Collectivity,
Dialogue 13

G.D. LEVIN Epistemological Analysis
of the Negotiation Process 26

T.A. LESHCHENKO Prolegomena to the Systemic-Dialectical
Problematization of Dialogue 46

**Mediation and Dialogization
in the Dynamics
of Sociocultural Development ■**

V.M. ROZIN Social Dialogue as a Problem
and Prerequisite for Mediation 65

O.V. AKSENOVA Individualism and Collectivism
in the Context of Technological Progress 81

I.A. SAVELEV Polysubjectivity as a Factor of Social
Development in the Context
of Dialogization and Differentiation
of Center–Region Relations
in the Federal State 97

A.K. MARINOSYAN Instrumental Reason as
a Third Subjectivity
in the Self–Other System 117

A.P. DAVYDOV Mediation and Convergent Sociality:
Toward a Theory of Social Dialogue 135

МОДУСЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ: КОЛЛЕКТИВИЗМ И ИНДИВИДУАЛИЗМ

Введение в раздел
Section introduction

Межсубъектные отношения в ракурсе медиационного мышления

В Москве 23–24 мая 2024 года в Институте социологии РАН, Институте философии РАН и Институте психологии РАН прошла Всероссийская научная конференция «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе», посвященная 300-летию Российской академии наук. Кроме ученых из названных учреждений, в конференции приняли участие специалисты других научных организаций. Работали десять секций, в том числе три философских, одна психологическая, шесть социологических, и более 100 участников: студенты вузов, аспиранты, кандидаты и доктора наук, члены РАН из Москвы и ряда городов страны, многие выступали онлайн.

Какие ожидания подвигли институты РАН на проведение этой конференции? В условиях, когда в мире происходят тектонические трансформации, а в России формируется ее новая биография и каждый человек определяет свое отношение к этим процессам, российская научная рефлексия должна ответить себе на вопрос о том, как она понимает ключевые вопросы российского социального бытия, т.е. смыслы индивидуализма и коллективизма, межсубъектные Я/Ты/Мы-отношения, индивидуализацию социального и социализацию индивида, логику и динамику социально-экономического и социокультурного развития страны. И, если элитарное сознание нашего общества обеспокоено вопросами формирования выбора дальнейшего пути России, отличного и от эго-индивидуального неолиберального, доминирующего сегодня на Западе, и от коллективистского советского типа, то оно должно уже сегодня формировать экспериментальную теоретическую площадку

для изучения идей и форм возможных социоиндивидуальных конвергентных процессов.

За несколько месяцев до проведения конференции была разработана программа конференции, которая предложила участникам будущей дискуссии особый взгляд на ее методологию. Программа размещена на сайте Института социологии РАН. Пленарного заседания конференции не предусматривала, акцент сделан на автономной работе секций.

Настоящий выпуск журнала «Философские науки» посвящен работе секции № 4 «Культура, общество, междисциплинарные отношения в ракурсе медиационного мышления. Проблемы социального диалога». Кратко: «Проблемы медиации и диалога».

Секция задала методологический ракурс темы «индивидуализация – коллективизм» в виде двух вопросов: 1. Каким образом возможен синтез индивидуального и социального в условиях социального развития страны, региона, индивида? 2. Как строить диалог между индивидуальным и социальным в условиях социального развития? Участникам предложено обсудить возможность введения в научный оборот таких относительно новых понятий, как «социально ориентированный индивид», «индивидуализация социального», «поиск меры взаимопроникновения индивидуализации и социализации в процессе социального развития общества», «социоиндивидуализм», в контексте строительства диалога между индивидуальным и коллективным (социальным).

Работа секции прошла успешно. Об этом говорит тот факт, что участники не отказались от теоретического и методологического ракурса рассмотрения темы «индивидуализация – коллективизм», предложенного программой конференции, что существенно обогатило ее проблематику. В частности, темы медиации и диалога стали основными в дискуссии.

В секции участвовали 19 человек из Института социологии ФНИСЦ РАН, Института философии РАН, Института психологии РАН, Института экономики РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова, Плехановского института и других учреждений Москвы, Воронежа, Ярославля, Томска. Многие выступали в режиме онлайн. Хотя эта секция была посвящена социологи-

ческой тематике и проведена силами Института социологии РАН, она отличалась тем, что в ней превалировала тема эпистемологических оснований межсубъектных отношений и социального диалога. Нашла отражение и еще одна специфика: записались для участия и участвовали в работе секции не столько научные сотрудники Института социологии РАН, сколько ученые из других научных учреждений. Почему? Потому что идея диалога и синтеза индивидуального и социального в новых (третьих) социоиндивидуальных смыслах оказалась гораздо более межпредметной, чем только социологической. Участники неизбежно обращались к философскому, экономическому, психологическому и политологическому методологическому инструментарию. Это оказалось несколько неожиданным для организаторов и вместе с тем существенно обогатило дискуссию.

Деловой и полемический тон заседанию задали академик РАН и РАО, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета ГАУГН, главный научный сотрудник Института философии РАН В.А. Лекторский, доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова А.А. Аузан и доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института экономики РАН Р.С. Гринберг.

Каждый из участников, помимо того, что выступил на заседании секции, еще и представил научную статью в контексте темы своего выступления. В предлагаемую читателю журнальную подборку вошли выступления и статьи только социально-философского и социологического направления: работы академика В.А. Лекторского, О.В. Аксеновой, Т.А. Лещенко, В.М. Розина, И.А. Савельева, А.Х. Мариносяна, А.П. Давыдова. Статьи экономистов, в частности А.А. Аузана, Р.С. Гринберга, Н.М. Плискевич, социолога А.А. Мерзлякова и анализ социально-экономических работ академика РАН В.М. Полтеровича будут представлены в следующем выпуске журнала.

*Доктор социологических наук,
профессор, член-корреспондент РАН,
директор ФНИСЦ РАН
М.Ф. ЧЕРНЫШ*

Медиация и диалог: новые горизонты межсубъектных отношений

Журнал «Философские науки» представляет вниманию читателей подборку статей по проблемам межсубъектных отношений в ракурсе медиационного мышления. Проблематика работ задана программой Всероссийской научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе», прошедшей 23–24 мая 2024 года, но круг авторов журнального проекта не ограничен участниками этой конференции.

Основной целью исследовательской программы, реализация которой будет представлена в настоящем и последующем номерах журнала, является изучение медиации как предпосылки диалога и самого диалога как медиационного процесса. Руководить этим журнальным проектом, равно как и прошедшим заседанием секции № 4 «Культура, общество и межсубъектные отношения в ракурсе медиационного мышления. Проблемы диалога», было поручено мне – доктору культурологии, эксперту РАН по социологии, главному научному сотруднику Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН Алексею Платоновичу Давыдову.

У читателей могут возникнуть вопросы: «Что такое медиация и медиационное мышление?», «Почему мышление полярными смыслами как крайностями по формуле “либо-либо” отодвигается на задний план нашей рефлексии?», «Как понять поиск медиационной альтернативы через выстраивание третьих оснований и что значит, опираясь на них, через диалог сооружать адекватные компромиссы, в частности компромиссы между индивидуальным и коллективным?». Поэтому следует сказать несколько слов о «середине» как методе.

Понятие «середины» ввел в научный оборот Аристотель (в Китае – Конфуций). Аристотель писал в «Никомаховой этике» о безнравственности чрезмерностей во всем: «Добродетели – это середина, и чем добродетель выше, тем в большей мере она середина». Академик РАН А.А. Гусейнов, исследуя «середину» по Аристотелю, в работе «Мораль и разум» пишет: «Аристотель – очень трезвый мыслитель, он озабочен тем, чтобы душа держалась посередине, постоянно отгоняет ее от опасных краев».

Г.В.Ф. Гегель в «Науке логики» перешел из этики Аристотеля в теорию познания и первым сказал, что в мышлении дуальными оппозициями не два, а три полюса: полюс, противоположный полюс и межполюсное смысловое пространство, центр, середина. И что деятельность человека может исходить не только из двух полюсов как оснований, но и из третьей точки – из межполюсной середины, а дуальное мышление может переходить в тернарное. Французские антропологи Л. Леви-Брюль и К. Леви-Стросс, сообщают, что члены первобытных племен, которые они исследовали, интерпретируют образ своего тотема, птицы или животного, в середине между жизнью и смертью: если племя будет строго соблюдать все жреческие ритуалы, оно будет успешно воспроизводиться и выживет. Если же нарушит ритуал, может распасться и погибнуть. Первобытная середина в данном случае – это жестко непротиворечивая и одновременно изоцирено сложная статичная обрядовая культура, в которой доминирует «аристотель-гегелевская» центростремительность, но которая не ведет культуру первобытного человека к видовой эволюции.

Выдающийся отечественный культуролог, философ, социолог А.С. Ахиезер (1929–2007) изменил методологию – на российском материале он превратил «середину» в «поиск середины», медиацию, обосновал идею медиационного процесса, нацеленного на решение медиационной задачи, как динамику качественного социального развития, субъектом которого является самокритичная и диалогичная личность, формирующая демократическое общество и государство. Именно Ахиезер ввел понятие «медиация» в оборот российской науки о человеке и обществе. Ознакомившись с работами Т.И. Заславской, Ахиезер говорил, что ею предложена медиационная парадигма и социальные группы, которые заинтересованы в модернизации общества, являются носителями медиационной идеи. Сегодня, после Ахиезера и Заславской, можно утверждать, что теория медиации, нацеленная на формирование сложных, противоречивых, рискогенных индивидуально-социальных, социокультурных, государственно-частных, управленческо-самоуправленческих методологий, нацеленных на описание переходных и диалогичных процессов, сложилась. Вот некоторые имена, которые внесли вклад в осмыслении медиационных процессов и совершенствование медиационной теории и медиационных методологий. В философии – М.М. Бахтин, В.С. Библер, В.А. Лекторский, В.Г. Федотова, А.С. Ахиезер;

в экономике – Г.О. Греф, Р.С. Гринберг, А.Я. Рубинштейн, Н.М. Плискевич, ознакомившись с трудами В.М. Полтеровича и, прослушав многие лекции А.А. Аузана, полагаю, что и они находятся в этом ряду; в социологии – Т.И. Заславская, М.Ф. Черныш, Н.Е. Тихонова, А.В. Тихонов, А.А. Мерзляков, О.В. Аксенова и ваш покорный слуга. Список ученых, которые работают сегодня в рамках медиационного подхода к изучению социальной динамики гораздо шире, в нем присутствуют десятки и десятки специалистов.

В русле поиска новых медиационных технологий проходила конференция и проводилась исследовательская работа авторами, представленных в номере журнала статей. Авторы изучают индивидуализацию и коллективизм в современном российском обществе, их модификации, меру их взаимопроникновения и взаимодополнительности в межсубъектных отношениях. Особое внимание уделяется проблематике диалога между коллективизмом и индивидуализмом, порождающим социоиндивидуальные формы. Поскольку в процессе диалога проявляются эпистемологические основания и актуальная мера совместности индивидуального и коллективного.

Журнал «Философские науки» приглашает к сотрудничеству философов, социологов, экономистов, психологов и юристов, разделяющих исследовательскую программу проекта. Именно через конвергенцию различных научных дисциплин и подходов возможно прийти к нахождению тех форм социоиндивидуального, которые обеспечат самореализацию человека как субъекта социального развития.

*Руководитель проекта
А.П. ДАВЫДОВ*

DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-13-25
Оригинальная исследовательская статья
Original research article

Индивидуализация, коллективность, диалог

В.А. Лекторский

Институт философии РАН, Москва, Россия;

*Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Россия*

Аннотация

В статье рассматриваются процессы индивидуализации в их соотношении с наличием и возникновением разного рода коллективностей. Проанализированы сложности этого процесса, который является необходимой характеристикой современного общества и вместе с тем может приводить к атомизации, фрустрации, потере жизненного смысла. Особое внимание уделяется проблеме природы индивидуализации: с одной стороны, она предполагает уникальность каждого человека, с другой – невозможна вне отнесения индивида к определенным коллективам и усвоения надындивидуальных ценностей. Утверждается, что в современную эпоху возникают новые формы коллективности, не подавляющие, а способствующие творческой самореализации личности. Отдельно рассматриваются проблемы деперсонализации и псевдоколлективности, соотношения свободы и ответственности в условиях глобальной цифровизации. Показаны опасности, связанные с виртуализацией личности, размыванием границ между приватным и публичным пространствами, возможностями тотального контроля над индивидом. Современные формы виртуальной индивидуализации, создавая иллюзию свободы, в действительности могут приводить к потере личностной индивидуальности. Проводится анализ влияния цифровых технологий на трансформацию и эволюцию памяти, как индивидуальной, так и коллективной, и их роль в формировании идентичности. Подчеркивается, что цифровизация создает не только новые возможности, но и представляет собой серьезный антропологический вызов. Исследуется роль диалога как способа снятия конфликтов и создания возможности индивидуальной и коллективной самореализации. Автор противопоставляет диалогический подход М.М. Бахтина экзистенциалистской трактовке отношений «Я» и Другого Ж.-П. Сартра. Подчеркивается, что полноценный диалог предполагает взаимное

признание и уважение участников, наличие общего пространства для общения и готовность к изменению собственной позиции. В заключение отмечено, что для решения многих проблем, порождаемых современными процессами индивидуализации и коллективизации в эпоху глобальной цифровизации, необходимо именно создание условий для межличностного, межгруппового и межкультурного диалога.

Ключевые слова: социальная философия, жизненный смысл, идентичность, цифровизация, искусственный интеллект, деперсонализация, дезинформация, неопределенность, антропологический вызов, манипуляция, теория диалога.

Лекторский Владислав Александрович – доктор философских наук, профессор, академик РАН, академик РАО, главный научный сотрудник Института философии РАН, декан философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук.

v.a.lektorski@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8496-7814>

Для цитирования: Лекторский В.А. Индивидуализация, коллективность, диалог // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 13–25. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-13-25

Individualization, Collectivity, Dialogue

V.A. Lektorsky

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

Abstract

The article examines the processes of individualization in relation to the emergence and existence of various forms of collectivity. It analyzes the complexities of this process, which, while a necessary characteristic of modern society, can lead to atomization, frustration, and loss of meaning in life. Particular attention is paid to the nature of individualization: on one hand, it presupposes the uniqueness of each individual; on the other, it is inextricably linked to an individual's association with certain collectives and the internalization of supra-individual values. The article asserts that new forms of collectivity are emerging in the modern era that, rather than suppressing individuality, foster creative self-realization. The research explores issues of depersonalization and pseudo-collectivity, as well as the interplay between freedom and responsibility in the context of global digitalization. The author elucidates the dangers associated with the virtualization of personality, the erosion of boundaries between private and public

spheres, and the potential for total control over individuals. Contemporary forms of virtual individualization, while creating an illusion of freedom, may in fact lead to a loss of personal individuality. The article further explores the impact of digital technologies on the transformation and evolution of both individual and collective memory, as well as their role in shaping identity. It underscores that digitalization not only offers new opportunities but also poses significant anthropological challenges. Dialogue is examined as a means of resolving conflicts and facilitating both individual and collective self-realization. The author contrasts M.M. Bakhtin's dialogical approach with J.-P. Sartre's existentialist interpretation of the relationship between the Self and the Other. It is emphasized that genuine dialogue requires mutual recognition and respect among participants, a shared space for communication, and a willingness to reconsider one's own position. In conclusion, the study posits that addressing many of the problems generated by modern processes of individualization and collectivization in the age of global digitalization necessitates the creation of conditions conducive to interpersonal, intergroup, and intercultural dialogue.

Keywords: social philosophy, meaning of life, identity, digitalization, artificial intelligence, depersonalization, disinformation, uncertainty, anthropological challenge, manipulation, theory of dialogue.

Vladislav A. Lektorsky – D.Sc. in Philosophy, Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Full Member of Russian Academy of Education, Chief Research Fellow of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Dean of the Department of Philosophy, State Academic University for the Humanities.

v.a.lektorski@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8496-7814>

For citation: Lektorsky V.A. (2024) Individualization, Collectivity, Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 13–25. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-13-25

Тема коллективизма и индивидуализации – одна из фундаментальных проблем философии, культурологии, социологии на современном этапе. Только в рамках философии эта тема обсуждается и в философии сознания, и в философской антропологии, и в этике, и в философии науки, и в социальной философии. Проблема отношений между индивидом, с одной стороны, и другими людьми, коллективом, с другой, давно существует в философии. Но ввиду некоторых причин она стала крайне актуальной именно в XX столетии.

Как известно, Декарт провозгласил «*cogito ergo sum*» в качестве единственной несомненной истины. Мир, другие люди – производные от этого «*ego*». Эта точка зрения на протяжении нескольких столетий определяла развитие всей европейской философии. Э. Гуссерль даже назвал развитие философской европейской мысли за 300 лет «эгологией» [Гуссерль 2010], поскольку в центре ее находилось «*ego*», т.е. «личность», «Я». Это влияло не только на философию, но и на науки о человеке, на психологию, в частности, которая возникла в конце XIX века. В XX веке ситуация изменилась. Стали утверждать, что бессмысленно говорить об индивидуе, если не связать его с его включенностью в отношения с Другим, с социальными системами. Проблема индивидуализации современной жизни и отношения этого процесса к традиционным и новым формам коллективности приобретает все большую остроту.

Индивидуальная идентичность и коллективизм

Конечно, люди изначально существуют как индивиды, каждый из которых не похож на остальных. Это определено и врожденными особенностями человека, и его отличной от всех биографией, и местом, которое он занимает в жизни в данное время. У каждого человека свое представление о себе, свои воспоминания. У каждого свой взгляд на мир, то, что философы называют «пониманием мира от первого лица». Каждый совершает собственные поступки и отвечает за свои действия. Так было всегда и во всех культурах. Существуют, однако, различия в формах связанности индивида с другими людьми (индивидами и коллективами) в разных культурах и в разные исторические периоды.

В не столь давние времена образ жизни человека, степень его самостоятельности и даже профессиональная занятость определялись тем или иным коллективом, в состав которого он входил: будь это расширенная семья, племя, крестьянская община, ремесленный цех, сословие, этнос, культура или государство. Ярко выраженная личная индивидуальность могла проявляться не большинством, а лишь теми, кто играл особую роль в общественной и культурной жизни: государственными деятелями, полководцами, творцами искусства, писателями, учеными, изобретателями, чьи имена сохранились в истории. Сегодня ситуация в корне изменилась. Ушли в прошлое племена, большие семьи (современная семья нуклеарна), ремесленные цеха, крестьянские общины, сословия. Человек сам выбирает свою профессию, подбирает спутника жизни, про-

ектирует собственное будущее, строит для себя «линию жизни». В демократических странах (а таковых большинство на нашей планете) каждый имеет право на свободное и активное участие в политической жизни. Каждый индивид имеет право на собственное достоинство, означающее уважение других и самоуважение. Для все большего количества людей особую роль начинает играть потребность в индивидуальной самореализации, т.е. в такого рода деятельности, которую не может осуществить никто иной. К тому же современный этап социального и технологического развития, приводящий к глубинным трансформациям природной и социальной среды, порождает все больше непредвиденных и рискованных ситуаций, преодоление которых предполагает нахождение нетривиальных решений. Такие решения – дело свободных индивидов, обладающих творческим, критическим мышлением и готовых взять на себя груз ответственности за подобные решения. Спрятаться за спину коллектива в этом случае невозможно. Поэтому существуют все основания считать, что настоящее время – это время растущей индивидуализации. Но известна и другая, не менее значимая сторона этого процесса. Индивидуальная идентичность возможна лишь в условиях самоотнесения индивида с тем или иным коллективом. Вне коллектива человек как личностная индивидуальность не существует. Это связано с тем, что в основе имеющегося у индивида образа самого себя (психологи называют это «Я-концепцией») находятся представления об определенной системе принимаемых ценностей, которые влияют на поставленные индивидом цели. Между тем ценности носят надындивидуальный характер. Индивид не изобретает их, а обретает в рамках той или иной коллективной общности: культуры, страны, социальной группы. Это происходит в результате вхождения человека в тот или иной (большой или малый) коллектив. Особенность великой личности, отличающая ее от других, состоит не в том, что она не похожа на остальных людей, мы все не похожи друг на друга. Ее особенность заключается в том, что такая личность наиболее полно выражает и осуществляет всеобщие, надындивидуальные, сверхиндивидуальные смыслы. Философский парадокс: чем более всеобщий характер имеет деятельность такой личности, тем более она личностно индивидуальна. Индивидуализация современной жизни сопровождается появлением новых форм коллективной жизни и предполагает

нахождение индивидом такой коллективной общности, в рамках которой он может наиболее полно самореализоваться.

Сегодня решение этой задачи оказывается не настолько простым, как это было раньше, когда вопрос о том, к какому коллективу принадлежит индивид, решался за него. В настоящее время индивидуализация нередко приводит к атомизации общества, появлению эгоистических наклонностей, возникновению чувства одиночества, фрустрации, размыванию «Я-концепции» и кризису индивидуальной идентичности, потере жизненного смысла. Речь идет о проблемах, которые интенсивно исследуют современные философы, социологи, психологи. Известный психолог В. Франкл считал одной из главных проблем нашего времени, выраженных в росте невротических заболеваний, именно потерю жизненного смысла [Франкл 1990]. Философ и социолог З. Бауман, писавший об «индивидуализированном обществе», обосновывал тезис о том, что индивидуализация в виде атомизации приводит к параличу не только коллективных, но и индивидуальных действий [Бауман 2005].

Между тем сегодня возникают формы таких коллективов, которые не только не подавляют творческую индивидуальность, но в рамках которых она может полноценно самореализоваться. Среди них – семья, основанная на любви и взаимопонимании, творческие коллективы, коллективы по интересам, волонтерские группы, различные объединения гражданского общества. Конечно, не исчезают и не могут сойти со сцены коллективные образования, жестко определяющие способы поведения индивида: производственные коллективы, политические партии, властные структуры, воинские подразделения. Без такого рода дисциплины жизнь в современном большом обществе была бы невозможной. Интересен, однако, тот факт, что внешняя дисциплина и творческая самореализация нередко переплетаются. Это относится не только к научным, театральным коллективам и объединениям гражданского общества, но и ко многим другим.

Индивидуальная и коллективная идентичность в условиях цифровизации

Далее хочу обратить внимание на то, что в наше время возникает принципиально новая ситуация в контексте вопроса об индивидуализации и формах коллективной жизни. Эта ситуация связана с вступлением человечества в эпоху глобальной цифровизации и использования систем искусственного интеллекта.

Вне рамок цифровизации современная жизнь во всех сферах, от экономики и до образования и систем национальной безопасности, немислима. Возникли новые возможности для человека, которые до недавних пор казались фантастикой. Вместе с тем появились невозможные ранее угрозы для индивидуальной и коллективной идентичности, угрозы расчеловечивания. Я имею в виду особые формы псевдоиндивидуализации и псевдоколлективизации. Жизнь в интернете, виртуальной реальности ведет не просто к росту индивидуализации, а к атомизации. Психологи и педагоги обнаружили огромные сложности в связи с процессом социализации у детей, которые с ранних лет много времени проводят с гаджетами.

Участвуя в социальных сетях, можно создать себе искусственную, виртуальную личность, не похожую на реальную, выступая под псевдонимом – ником. Кажется, что интернет увеличивает пространство индивидуальной свободы. Но в реальном мире свобода выбора предполагает ответственность за предпринимаемые действия. Индивид, живущий в интернете, такой ответственности не несет: он всегда может укрыться под своим ником. Это означает, что виртуальный индивид теряет важнейшие характеристики личности. На самом деле виртуальная индивидуализация – это потеря реальной личностной индивидуализации.

Существует и еще одна не менее опасная сторона этого процесса. Глобальная цифровизация, создавая атомизацию и виртуальную деперсонализацию (под видом индивидуализации), порождает одновременно новые формы контроля над жизнью индивида, которые до недавних пор нельзя было даже вообразить [Лекторский 2018].

На основе цифровой обработки «следов» взаимодействия человека с его окружением (отдельными людьми и социальными институтами) определенные властные структуры могут выносить оценку его действиям и контролировать его поведение (эта возможность уже реализована в некоторых регионах Земли). Автобиографическая память, находящаяся в основе индивидуальной идентичности, будучи оцифрованной, может быть отчуждена от индивида и превращена в орудие манипулирования им. Память выступает конституирующим элементом психики, формируя как индивидуальную, так и коллективную идентичность. Лишение человека базовых знаний, умений и навыков приводит к утрате его полноценности, в то время как стирание существенной доли

воспоминаний грозит потерей личностной уникальности. «Я» человека базируется на воспоминаниях о пережитом опыте, воплощенных в нарративах – повествованиях о событиях, развернувшихся во временном континууме [Рикер 2000; Рикер 2004; Narrative Psychology... 1986]. Если объективированная память проникает в публичное пространство, она становится доступной для посторонних. Это открывает возможности для манипуляций с идентичностью и памятью Другого, подрывая его личную автономию. Поэтому у человека должно быть право на цифровое «забвение» [Meyer-Schonberger 2011]. Современные цифровые технологии позволяют с легкостью создавать фальсифицированные изображения событий, не имевших места в действительности. Трансформация и эволюция памяти влекут за собой изменение идентичности. Полное исчезновение памяти равносильно гибели идентичности как для отдельных индивидов, так и для целых коллективов [Лекторский 2020].

Сегодня появляются предложения отказаться от признания презумпции невиновности [Schwab, Mallerte 2020]. Это означает, что люди, не совершившие преступления, но, как свидетельствует цифровая обработка следов их поведения, способные в принципе сделать это, должны быть заключены в тюрьму, и не следует дожидаться того момента, когда они нанесут ущерб другим. Но ведь и принцип свободы воли, лежащий в основе личностной индивидуальности и обосновывающий ответственность человека за свои поступки, и презумпция невиновности, и связанное с этим уважение к человеческому достоинству находятся в фундаменте современной культуры и системы права. Отказ от них – путь к расчеловечиванию.

Индивидуализация предполагает наличие приватного пространства, отличного от пространства публичного. Однако глобальная цифровизация взламывает эту границу и позволяет внешним силам все больше и больше вторгаться в личную жизнь.

В рамках цифровизации возникают новые формы коллективной жизни: социальные сети и разные виртуальные сообщества. Это создает дополнительные возможности для индивидуальной самореализации: можно устанавливать контакты с людьми, живущими далеко друг от друга и даже в разных странах, но разделяющих общие интересы. Однако существует иная, гораздо менее приятная сторона процесса. Во-первых, эти сообщества могут состоять (и нередко состоят) из виртуальных индивидов, псевдоличностей,

а в иных случаях из интернет-ботов, т.е. искусственных, нечеловеческих образований. Становится понятным, что общение в рамках таких псевдоколлективов – это не реальное человеческое общение. Во-вторых, виртуальные сообщества сегодня широко используют для дезинформации под видом информации (в частности для ведения информационных войн), в целях мошенничества. Иными словами, не для индивидуальной самореализации посредством коммуникации, а для манипулирования людьми.

Глобальная цифровизация – это новые возможности и одновременно антропологический вызов [Лекторский 2022]. Чтобы человек не исчез в результате такого процесса, а поднялся на новую высоту в своем развитии, необходима разработка разного рода мер – от правовых запретов до культивирования способов налаживания межличностного, межгруппового, межкультурного общения.

Значение диалога для индивида и общества

В этой связи я хотел бы обратить внимание на диалог как особую форму достижения взаимопонимания и форму личностного развития. Поскольку человек живет в обществе, в коллективах разного типа, жизнь и действие в таком обществе предполагают доверие к тем, с кем он имеет дело (это одно из двух основных качеств у человека в жизни наравне с критицизмом: следует критически анализировать и доверять). Человек не может перепроверять всех, с кем общается. Доверие стоит выше всего. Если никому и ничему не доверять, то жить нельзя, распадаются все социальные связи. Доверие связано с взаимоотношениями индивидов. И доверие достигается путем диалога.

Диалог находился в центре интересов выдающегося философа М.М. Бахтина. Для того, чтобы понять его концепцию диалога, попытаемся сравнить его позицию с позицией другого величайшего мыслителя.

В философии XX века отражены две влиятельные концепции отношений «Я» и Другого. Первая из них принадлежит известному экзистенциалисту Ж.-П. Сартру [Сартр 2000]. По Сартру, изначальное сознание (самость) тождественно свободе. Если в процессе взаимодействия с другими изначальная самость превращается в «Я», ее свобода ограничивается: другие навязывают изначальной индивидуальности определенные способы жизни и осмысления мира. Я вынужден жить в этом отчужденном от

меня мире внешних необходимостей, но в случае, если я не желаю потерять свою изначальную аутентичность, то должен время от времени сбрасывать эти путы. В одной из пьес Сартра герой произносит фразу о том, что «ад – это другие». Такое «болезненное» отношение к другим можно найти не только у Ж.-П. Сартра, но и, например, у М. Хайдеггера [Хайдеггер 1997]. Каждый человек, будучи одиноким и будучи на себя замкнутым, одновременно является свободным существом. Но это свободное существо знает о своей смертности, боится умереть. И, чтобы уйти от этого страха смерти, он пытается уйти от самого себя в общество других, которые, в свою очередь, навязывают определенную линию поведения. Общество, с одной стороны, противопоставлено индивиду, подавляет его, с другой – избавляет индивида от забот и тревог.

Бахтин совершенно иначе понимает отношения «Я» и Другого [Бахтин 1986]. Конечно, Другой отличен от меня. Я знаю о себе то, что не знает обо мне Другой. Другой знает о себе то, что я о нем не знаю. Но самое важное состоит в том, что Другой видит во мне то, что я сам в себе не вижу. Другой может в ряде случаев понять меня лучше, чем я сам себя понимаю. Полноценным «Я» становится лишь в результате общения с Другим. Настоящее «Я» возможно лишь как продукт диалога, когда я пытаюсь понять Другого, а Другой меня. Если для Декарта несомненным является лишь существование собственного «Я», если для Сартра другие люди ограничивают мою полноценность, то для Бахтина «Я» существует как отклик на зов Другого. Для Бахтина диалог – это ключ к пониманию человеческой индивидуальности и культуры в целом. Бахтин оказал огромное влияние на науки о человеке в XX веке. На Западе его воспринимают как классика современной философско-гуманитарной мысли.

О диалоге много писал А.С. Ахиезер, для которого именно с помощью такого рода общения можно разрешать не только межличностные, но и межгрупповые, межпоколенческие, межкультурные конфликты [Ахиезер, Шуровский 2005].

Диалог в самом деле играет особую роль в разрешении проблем, возникающих в процессе индивидуализации, при столкновении индивидуальных и коллективных интересов, в ходе глобальной цифровизации. Но он возможен лишь при соблюдении определенных условий.

Во-первых, диалог предполагает взаимное признание и взаимное уважение его участников. Во-вторых, он возможен при

наличии не только разных позиций, но при нахождении определенного общего пространства для диалога: ряда общих ценностей и общего понимания основных характеристик ситуации. Если этого нет, если участники живут будто в разных и несоизмеримых мирах, диалог неосуществим. В-третьих, он предполагает желание участников изменять позицию в процессе и результате диалога. О такой роли диалога писал А.С. Ахиезер [Ахиезер 2008; Лекторский 2019, 12, 15]. Диалог – это не отбрасывание одной позиции, не инверсия, а попытка найти некоторую середину, которая устраивала бы каждого из участников, это процесс, в котором каждый бы изменялся. Важно подчеркнуть, что это изменение не означает отказа от собственной позиции или растворения в точке зрения Другого: в случае полноценного диалога каждый из его участников развивает и углубляет собственную позицию, осмысливая иную точку зрения и переосмысливая свою. Иными словами, полноценный диалог позволяет не только снимать возникающие конфликты, но и делает возможной индивидуальную и коллективную самореализацию. И диалог такой, конечно, имеет место и в науке, и в культуре, и все большие культуры развивались в процессе диалога с другими культурами, не теряя от этого. Можно утверждать, что российская культура, которая внесла огромный вклад в мировую культуру, постоянно развивалась в процессе диалога с западноевропейской культурой, а сегодня – и в диалоге с другими регионами мира.

* * *

Создавать условия для полноценных диалогов и практиковать их – нелегкая задача в нашем сложном и неопределенном мире. Цифровизация и искусственный интеллект не в силах преодолеть фундаментальную неопределенность будущего. Неопределенность встроена в саму ткань мироздания. И это, пожалуй, к лучшему: в мире абсолютной предопределенности не было бы места самому ценному для человека – творчеству, диалогу, любви и нравственному выбору. Поэтому, представляется, что именно межличностный, межгрупповой и межкультурный диалог может быть одним из важнейших средств решения многих проблем, порождаемых современными процессами индивидуализации и коллективизации, происходящими в эпоху глобальной цифровизации.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ахиезер 2008 – *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта / 3-е изд. – М.: Новый хронограф, 2008.

Ахиезер, Шуровский 2005 – *Ахиезер А.С., Шуровский М.А.* От диалога к диалогизации (в свете концепции В.С. Библера) // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 58–70.

Бауман 2005 – *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005.

Бахтин 1986 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986.

Гуссерль 2010 – *Гуссерль Э.* Картезианские медитации / пер. с нем. В.И. Молчанова. – М.: Академический проект, 2010.

Лекторский 2018 – *Лекторский В.А.* Социальные технологии и человек // *Лекторский В.А.* Человек и культура. – СПб.: СПбГУП, 2018.

Лекторский 2019 – *Лекторский В.А.* Культура, общество, медиация. Теория А.С. Ахиезера // *Философские науки.* 2019. Т. 62. № 8. С. 9–15.

Лекторский 2020 – *Лекторский В.А.* Индивидуальная и коллективная память: старые проблемы и новые вызовы // *Вопросы философии.* 2020. № 6. С. 11–17.

Лекторский 2022 – *Лекторский В.А.* Глобальная цифровизация как антропологический вызов // *Человек и системы искусственного интеллекта* / под ред. В.А. Лекторского. – СПб.: Юридический центр, 2022. С. 18–29.

Рикер 2000 – *Рикер П.* Время и рассказ: в 2 т. / пер. Т.В. Славко. – М.: ЦГНИИ ИНИОН РАН; СПб.: Культурная инициатива, 2000.

Рикер 2004 – *Рикер П.* Память, история, забвение / пер. с фр. И.И. Блауберг [и др.]. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004.

Сартр 2000 – *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл. В.И. Колядко. – М.: Республика, 2000.

Франкл 1990 – *Франкл В.* Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990.

Хайдеггер 1997 – *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. – М.: Ad Marginem, 1997.

Meyer-Schonberger 2011 – *Meyer-Schonberger V.* Delete: The Virtue of Forgetting in the Digital Age. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011.

Narrative Psychology... 1986 – *Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct* / ed. by T.R. Sarbin. – New York: Praeger, 1986.

Schwab, Mallerte 2020 – *Schwab K., Mallerte T.* COVID-19: The Great Reset. – Geneva: Forum publishing, 2020.

REFERENCES

Akhiezer A.S. (2008) *Russia: A Critique of Historical Experience* (3rd ed.). Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Akhiezer A.S. & Shurovsky M.A. (2005) From Dialogue to Dialogization (in Light of V.S. Bibler's Concept). *Voprosy filosofii*. No. 3, pp. 58–70 (in Russian).

Bakhtin M.M. (1986) *Aesthetics of Verbal Creativity*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Bauman Z. (2005) *The Individualized Society* (V.L. Inozemtsev, Ed. & Trans.). Moscow: Logos (Russian translation).

Frankl V. (1990) *Man's Search for Meaning*. Moscow: Progress (Russian translation).

Heidegger M. (1997) *Being and Time* (V.V. Bibikhin, Trans.). Moscow: Ad Marginem (Russian translation).

Husserl E. (2010) *Cartesian Meditations* (V.I. Molchanov, Trans.). Moscow: Akademicheskii proekt (Russian translation).

Lektorsky V.A. (2018) Social Technologies and Man. In: Lektorsky V.A. *Man and Culture*. Saint Petersburg: SPbGUP (in Russian).

Lektorsky V.A. (2019) Culture, Society, Mediation. A.S. Akhiezer's Theory. *Filosofskie nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences*. Vol. 62, no. 8, pp. 9–15 (in Russian).

Lektorsky V.A. (2020) Individual and Collective Memory: Old Problems and New Challenges. *Voprosy filosofii*. No. 6, pp. 11–17 (in Russian).

Lektorsky V.A. (2022) Global Digitalization as an Anthropological Challenge. In: Lektorsky V.A. (Ed.) *Man and Artificial Intelligence Systems* (pp. 18–29). Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr (in Russian).

Meyer-Schonberger V. (2011) *Delete: The Virtue of Forgetting in the Digital Age*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Ricœur P. (2000) *Time and Narrative* (2 Vols.; T.V. Slavko, Trans.). Moscow: TsGNII INION RAN; Saint Petersburg: Kulturnaya initsiativa (Russian translation).

Ricœur P. (2004) *Memory, History, Forgetting* (I.I. Blaumberg et al., Trans.). Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury (Russian translation).

Sarbin T.R. (Ed.) (1986) *Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct*. New York: Praeger.

Sartre J.-P. (2000) *Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology* (V.I. Kolyadko, Trans. & Foreword). Moscow: Respublika (Russian translation).

Schwab K. & Mallerte T. (2020) *COVID-19: The Great Reset*. Geneva: Forum publishing.

Гносеологический анализ переговорного процесса

Г.Д. Левин

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

Переговоры рассматриваются в статье как диалоги о противоречиях интересов их участников. Утверждается, что переговоры – основной, наиболее социально значимый тип диалогов. Этим объясняется и то, что им посвящено в несколько раз больше исследований, чем остальным диалогам, и то, что они изучаются комплексом наук. Цель статьи – исследовать переговоры средствами одной из этих наук – гносеологии. Автор полагает, что переговоры – это гносеологические процессы, подчиняющиеся гносеологическим закономерностям. Для изучения последних в статье эксплицированы категории – инструменты исследования, прежде всего дано определение понятиям «переговоры» и «интерес». Рассмотрено соотношение интереса с желанием, потребностью и благом. Автор различает два типа диалогов: об истинности описаний и о рациональности предписаний. Выявлена специфика переговоров как диалогов о предписаниях. Показано значение категорий «исследование» и «коммуникация» для понимания природы переговоров. Поскольку переговоры – это коммуникация, исследование противоречий интересов их участников и поиск средств разрешения этих противоречий в задачу переговоров не входят. Эти задачи решаются до начала переговоров, на стадии исследования. Цель переговоров – обсудить и принять или отвергнуть результаты этих исследований, в частности уже подготовленные договоры о том, как разрешить противоречия интересов. На основе этой концепции в статье исследованы гносеологические механизмы переговоров о разделе, объединении и обмене благ, а также подвергнута гносеологическому анализу Гарвардская программа переговоров, основная идея которой – превратить переговоры из конфронтации мнений в совместный поиск решения общей проблемы. Рассмотрена роль эмпатии в решении этой задачи. В заключение отмечается, что гносеологический анализ переговоров не только углубляет понимание их природы как особого вида коммуникации, но и предоставляет инструментарий для совершенствования практики ведения переговоров, способствуя такому разрешению противоречий интересов в различных социальных конфликтах, которое не требует физического столкновения.

Ключевые слова: гносеология, исследование, коммуникация, монолог, диалог, истинность описаний, рациональность предписаний, переговоры, интерес, потребность, желание, благо, Гарвардская школа переговоров, эмпатия.

Левин Георгий Дмитриевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН.

g.d.levin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3720-9305>

Для цитирования: *Левин Г.Д.* Гносеологический анализ переговорного процесса // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 2. С. 26–45. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-26-45

Epistemological Analysis of the Negotiation Process

G.D. Levin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article examines negotiations as dialogues concerning conflicting interests among participants. It argues that negotiations represent the primary and most socially significant type of dialogue. This is evidenced by the disproportionate volume of research dedicated to negotiations compared to other forms of dialogue, as well as the multidisciplinary approach to their study. The purpose of the article is to investigate negotiations through the lens of epistemology, one of the disciplines involved in their analysis. The author contends that negotiations are epistemological processes governed by epistemological principles. To elucidate these principles, the article explicates key categories serving as research instruments, primarily focusing on the concepts of “negotiation” and “interest.” The relationship between “interest” and related concepts such as “desire,” “need,” and “benefit” is explored. There are two types of dialogue: those concerning the veracity of descriptions and those focused on the rationality of prescriptions. The article elucidates the distinct nature of negotiations as dialogues about prescriptions. The article also underscores the importance of the categories of “research” and “communication” in understanding the nature of negotiations. Since negotiations are fundamentally a form of communication, the examination of conflicting interests and the search for solutions to these conflicts do not fall within the negotiation process itself. These tasks are addressed prior to negotiations, during the research phase. The purpose of negotiations is to discuss and either accept or reject the outcomes of these preliminary investigations, particularly pre-drafted agreements on resolv-

ing conflicts of interest. Based on this framework, the article explores the epistemological mechanisms underlying negotiations related to the division, consolidation, and exchange of benefits. Additionally, the Harvard Negotiation Program, which seeks to transform negotiations from a confrontation of positions into a collaborative search for a shared solution, is subjected to epistemological analysis. The role of empathy in facilitating this transformation is also discussed. In conclusion, it is argued that an epistemological analysis of negotiations not only deepens our understanding of their nature as a distinct form of communication but also offers tools for enhancing negotiation practices, promoting the resolution of divergent interests in various social conflicts without resorting to physical confrontation.

Keywords: epistemology, research, communication, monologue, dialogue, veracity of descriptions, rationality of prescriptions, negotiations, interest, need, desire, benefit, Harvard Negotiation Project, empathy.

Georgy D. Levin – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow, Department of the Theory of Knowledge, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

g.d.levin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3720-9305>

For citation: Levin G.D. (2024) Epistemological Analysis of the Negotiation Process. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 26–45.

DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-26-45

Введение

В условиях современных социальных вызовов проблема социального диалога, в частности «диалога субъектов, стоящих на различных основаниях» [Давыдов 2023, 151–152], приобретает особую значимость. Для эффективного решения этой проблемы, помимо прочего, требуется разработанная теория диалога. В контексте этого следует обратить внимание на переговоры как специфическую форму диалога, направленную на разрешение противоречий интересов. В настоящей статье представлен гносеологический анализ переговоров, способный стать одним из компонентов более широкой теории социального диалога, применимой для решения актуальных проблем социальной коммуникации в современном обществе. Гносеологический анализ переговорного процесса не только раскрывает механизмы достижения согласия между различными социальными субъектами, но и способствует более глубокому пониманию природы социальных взаимодействий в целом.

Переговорами сегодня называют и диалог с террористами, захватившими заложников, и беседу президентов двух компаний в одном из лучших ресторанов, и обсуждение дипломатами воюющих стран условий заключения мира. У всех этих диалогов общий предмет – противоречие интересов их участников – и общая цель – заключить соглашение или договор, на основе которого будут совершены действия, направленные на разрешение противоречия. На это назначение переговоров указывает Х. Эрбахер, определяющий переговоры, *Verhandlungen*, как действия, *Vor-Handlungen*, как «коммуникативный процесс с целью будущих совместных действий» [Erbacher 2018, 19].

Хотя переговоры – лишь одна из разновидностей «коммуникативных процессов», количество посвященных им статей и книг в разы превышает количество статей и книг об остальных коммуникативных процессах (см., например: [Андреев 1995; Белланже 2003; Гейтс 2020; Фишер, Эртель 1996; Корнелиус, Фэйр 1992; Малхотра, Базерман 2021; Шелл 2020]). Практически все эти исследования написаны профессиональными переговорщиками на основе их собственного опыта. Поэтому можно согласиться с Г. Кеннеди, утверждающим, что к концу XX века на основе этого опыта все правила и принципы переговоров были открыты и описаны [Кеннеди 2013, 7].

Возникает следующая задача: опираясь на эти эмпирические обобщения, осуществить теоретическое исследование переговорного процесса. Данную задачу решает сегодня целый класс наук: риторика, логика, психология, лингвистика, аксиология, этика, политология, конфликтология и гносеология. Цель статьи – принять участие в исследовании «гносеологического скелета» переговорного процесса. Конечно, это исследование не сформирует целостной картины переговоров, как и рентгеновский снимок не сможет дать целостного представления об анатомии человека. Но без него целостную *теорию* переговорного процесса создать невозможно. Я не смог найти ни одной работы, специально посвященной исследованию именно гносеологической структуры переговоров. Поэтому точки зрения на эту проблему буду экстрагировать из работ, исследующих переговоры всесторонне.

Переговоры как гносеологический процесс

Зафиксирую базовые моменты. Переговорные процессы, в отличие, например, от физических, протекают в сознании людей,

они даны им *непосредственно*. Именно поэтому задача теории переговоров, в отличие, например, от задачи физической теории, – не открыть нечто сокровенное, а ясно и строго описать то, что доступно всем. Теорию переговоров в этом смысле можно сравнить с очками. Конечно, у праздного читателя проясняющиеся в ходе исследования детали переговоров могут вызвать раздражение, но работающему переговорщику они могут оказаться полезными, ибо именно в деталях подчас и прячется дьявол, т.е. решение обсуждаемой переговорщиками проблемы. Вместе с тем возникает и опасность, о которой писал С.И. Поварнин [Поварнин 1996, 18]: усложнить этими деталями теорию переговоров настолько, что она превратится в шестипудовый рычаг для подъема двухпудового камня. Но главное, на мой взгляд, такой рычаг *создать*. Облегчить его можно и позднее. Поскольку переговорный процесс дан переговорщику непосредственно для его гносеологического исследования, ему не нужны ни инструменты, ни химические реактивы. Функцию инструментов исследования выполняют *гносеологические категории*. И от того, насколько строго и ясно они определены, зависит строгость и ясность гносеологической картины переговорного процесса.

Однако строгое и ясное определение гносеологических категорий – задача не гносеологической теории переговоров, а чистой гносеологии. К сожалению, она не всегда до конца решает эту задачу, и многие гносеологические категории приходится доводить до рабочего состояния в ходе исследования переговорного процесса.

Это относится даже к термину «переговоры», главному термину теории переговоров: он амбивалентен. Им обозначают и отдельный диалог об интересах, и класс таких диалогов. Из контекста обычно становится понятным, о чем идет речь. Поэтому, чтобы не умножать терминологию, буду употреблять исследуемый термин в этих двух смыслах. Между тем в немецком языке амбивалентности нет: отдельный переговорный процесс – *Verhandlung*, а класс переговоров – *Verhandlungen*. В английском языке терминологически различают даже виды переговоров: военные переговоры – это *parley*, торговые – *negotiation*. Соответственно, специалиста по *parley* называют *parlamentar*, а специалиста по *negotiation* – *negotiator*. Впрочем, сегодня термином «negotiation» обозначают переговоры всех типов, а термином «negotiator» – специалиста по любому из них. Переговорщик, *negotiator*, на Западе – это профессия.

От переговорщиков важно отличать *медиаторов* (от лат. *mediātor* – «посредник»). Переговорщик представляет интересы одной из конфликтующих сторон, медиатор – обеих. Его цель – помочь им разрешить конфликт с наименьшими потерями. Но логику переговорщиков и медиаторов можно понять, только поняв логику диалога участников конфликта, самостоятельно пытающихся разрешить его. Поэтому далее, до специальных оговорок, буду называть переговорами диалоги самих носителей противоречащих интересов.

Переговоры – это *гносеологический* процесс. Чтобы проанализировать его, необходимо оценить его место в целостной системе гносеологических процессов. В целостном гносеологическом процессе различают два этапа: этап исследования и этап коммуникации. На первом этапе *информация* из исследуемого предмета переходит в сознание исследователя, на втором – из сознания исследователя в сознание других людей. В исследовании знания *рождаются*, в коммуникации они транслируются и из *личных* становятся *межличностными*. Ситуацию помогает понять *родовое* сходство исследования с производством товаров, а коммуникации – с их продажей. Главная разница, как считает Б. Рассел, состоит в том, что после передачи другому лицу *предмета* у меня остается на один предмет меньше, а после передачи ему *идеи* количество идей у меня не уменьшается.

К какому из этих двух этапов принадлежат переговоры, например, об объединении европейских стран в ЕЭС? Логически возможны три ответа: 1) такие переговоры – это исследование в чистом виде; 2) коммуникация в чистом виде; 3) единство исследования и коммуникации. Первый ответ никто не защищает. Второй – защищают немногие. Третий ответ, по существу, общепринят. Он даже закреплен в имеющей многотысячелетнюю историю поговорке о том, что «в споре рождается истина». Ведь переговоры – это в большинстве случаев споры. Следовательно, согласно поговорке, истина рождается и в переговорах.

Чтобы выбрать между этими двумя трактовками переговоров, нужно решить, как мы их будем трактовать. Как эмпирические или как теоретические сущности? Поясню вопрос примером. Золото как эмпирический предмет может состоять из меди наполовину. Золото как теоретический объект состоит только из атомов, содержащих в своих ядрах по 79 протонов. Переговоры как эмпирические объекты могут включать в свой состав даже

почесывание потылицы. Переговоры как теоретический объект – это коммуникация и только коммуникация. Мною тщательно обоснован этот тезис в одной из публикаций [Левин 2005]. В настоящей статье буду рассуждать на его основе.

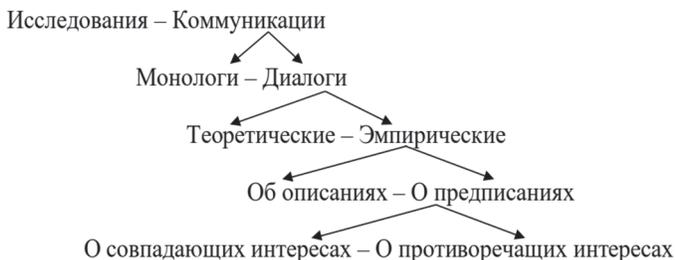
Согласно этому тезису, в удачных переговорах, выделенных в чистом виде, соглашение (договор) не создается, не рождается, а лишь *испытывается* и принимается к исполнению. Создается текст договора до начала переговоров, до стадии коммуникации, на стадии исследования. Сравнение процесса создания договора с производством товаров, а переговоров – с их продажей помогает понять суть дела.

Итак, переговоры, понимаемые как теоретический объект, т.е. выделенные в чистом виде, это – коммуникация и только коммуникация. Но коммуникация специфическая. Различают два вида коммуникации: монологи и диалоги. Монолог – однонаправленная передача информации от пропонента к оппоненту, диалог – взаимный обмен информацией. Переговоры – это диалоги. Различают два вида диалогов: *диологи* – в них участвуют только два человека, и *полилоги* – диалоги с большим количеством участников [Левин 2012]. Чтобы не усложнять изложение, далее буду говорить только о переговорах, являющихся диалогами.

Диалоги делят на теоретические и эмпирические. В теоретических речь идет об абстрактных сущностях, таких как идеальный газ или абсолютно черное тело, в эмпирических – о реальных, локализованных в пространстве и времени предметах, их свойствах и отношениях между ними. Переговоры – это *эмпирические диалоги*.

Знания, обсуждаемые в эмпирических диалогах, делятся на описывающие (дескриптивные) и предписывающие (прескриптивные). Соответственно, различают эмпирические диалоги об *истинности описаний* и о *рациональности предписаний*. Назначение первых – достичь *согласия* в понимании объективного положения дел, назначение вторых – выработать *соглашение (договор)* о совместных действиях, направленных на *изменение* этого одинаково понимаемого положения дел.

Цель этих изменений – удовлетворение интересов либо участников диалога, либо других людей. Такие интересы делятся на соответствующие и противоречащие друг другу. Переговоры – это диалоги о разрешении противоречия между интересами самих участников диалога. Все изложенное можно резюмировать следующей схемой.

Понятие интереса и типы переговоров

Проведенного уточнения понятия «переговоры» достаточно, чтобы эксплицировать второе основное понятие теории переговоров – «интерес». Р. Фишер и У. Юри, создатели самого популярного варианта этой теории, Гарвардской программы переговоров, просто приводят несколько житейских примеров желаний и забот людей, а затем заключают: «Подобные желания и заботы и есть интересы» [Фишер, Юри 1990, 57]. Но в исследовании переговоров, происходящих в действительности, авторы пользуются более глубоким пониманием интереса. Чтобы эксплицировать его, *интерес* нужно сопоставить не только с *желанием*, но и с *потребностью*.

Потребности первичны, желания вторичны. Желание – это форма осознания потребности: потребность в воде осознается в желании пить. Потребности объективны, желания субъективны. *Потребно* то, что необходимо для физического и духовного развития человека, *желаемо* то, что человек *переживает* как потребное. Потребности делятся на первичные, вторичные, третичные и т.д. Удовлетворение первичных, витальных потребностей ведет к поддержанию жизни организма, удовлетворение вторичных – к созданию средств для их удовлетворения, удовлетворение третичных – к созданию средств для удовлетворения вторичных потребностей и т.д. Параллельно приведенной цепочке потребностей тянется цепочка первичных, вторичных, третичных и т.д. *желаний*, т.е. субъективных образов потребностей, от желания пить до желания получить высшее образование. Как и любые субъективные отображения объективной действительности, желания могут как соответствовать, так и не соответствовать потребностям: об одной даме, жаждущей литературной славы, Чехов сказал, что в действительности ей нужно замуж.

Сказанное о соотношении желаний и потребностей позволяет предложить на выбор два определения *интереса*: как желания, адекватно *отображающего* потребность, и как потребности, отображенной в желании, при этом как адекватно, так и неадекватно. Интересом не называют неосознанную потребность и желание, неадекватно отображающее любую потребность.

Чтобы увидеть, в каком из этих двух смыслов действительно понимают интерес Р. Фишер и У. Юри, предлагаю вникнуть в содержание одного из основных их советов: «Сосредоточьтесь на интересах, а не на позициях» [Фишер, Юри 1990, 56]. Позиция в переговорах – это отстаивание переговорщиком *своего* предложения по разрешению конфликта. Совет сосредоточиться не на позиции, а на интересе можно перевести на язык гносеологии следующим образом: не настаивайте на том предложении по разрешению конфликта, которое сформировалось у вас на основе стихийно возникших желаний. Посмотрите, насколько адекватно они отображают ваши потребности. Другими словами, выясните, насколько то, чего вы *хотите*, соответствует тому, что вам *нужно*.

Р. Фишер и У. Юри иллюстрируют свой совет примером, который повторяют затем авторы едва ли не всех последующих наставлений по ведению переговоров. Опишу этот пример в гносеологических терминах. У мужа и жены единственный апельсин, и каждый из них *желает* получить его в свое полное распоряжение. Таковы их *позиции* в конфликте. Сосредоточиться на своих интересах – значит перейти от *желаний* к *потребностям*, которые в этих желаниях отображены, т.е. от того, чего они *хотят*, к тому, что им *нужно*. Поступив так, супруги выяснили, что мужу нужен сок апельсина, а жене – его цедра. Их желания и противоречие их *желаний* были реальными, а противоречие потребностей отсутствовало, существовало лишь в их воображении, было мнимым, иллюзорным, и потому было не разрешено, а *снято*, к тому же еще до начала переговоров. Сами переговоры после этого и не потребовались.

Из приведенного примера следует, что авторы Гарвардской программы переговоров понимают интерес как *любую потребность, отображенную в любом желании, как адекватном, так и неадекватном*. Но такое определение не вполне соответствует употреблению термина «интерес» в повседневном и научном исследовании. Потребность человека в воде, осознанную в желании

пить, его интересом называть не принято. «Интерес» обычно понимается как социологический термин, обозначающий осознанную в желании социальную потребность индивида или социальной группы, либо согласующуюся, либо противоречащую осознанной потребности другого индивида или социальной группы. Но для гносеологического анализа переговоров удобнее понимать интерес предельно широко, т.е. в качестве любой потребности, *отображенной в любом желании, как адекватном, так и неадекватном.*

Совет сосредоточиться на интересах, а не на позициях некоторые авторы трактуют как универсальный способ ведения переговоров. Возникает подозрение, что они считают снятие кажущихся противоречий интересов универсальным способом разрешения любых противоречий интересов. На это подозрение наводят и названия их работ: «Выиграть может каждый», «Переговоры без поражения», «Договориться можно обо всем» и т.д.

В действительности испытание противоречия интересов на подлинность – необходимый, но лишь первый этап переговорного процесса. Он избавляет от ситуации, о которой говорит теорема Томаса: «Если ситуация определяется как реальная, она реальна по своим последствиям» [Конфликтология 1999, 31]. Это означает, что, если переговорщики считают противоречие своих интересов реальным, они и разрешают его как реальное. История человечества полна примеров таких ошибок. Некоторые исследователи считают таким примером войну в Чечне.

Но в большинстве случаев испытание противоречия интересов на подлинность дает положительный результат: потребности переговорщиков совпадают, средств для их удовлетворения недостаточно, и увеличить их нельзя. Вполне могло оказаться, например, что и муж, и жена хотят именно апельсинового сока и именно из этого апельсина.

Строгое различие между реальными противоречиями интересов и кажущимися вносит ясность и строгость в трактовку знаменитого совета *не искать собственную выгоду в невыгоде партнера.* Он имеет смысл на начальной стадии переговоров, когда еще не решено, реальным или кажущимся является обсуждаемое противоречие интересов. Этот совет также успешно работает, если установлено, что противоречие интересов иллюзорно, и удовлетворить их можно за счет третьего фактора. Но он оказывается неверным и опасным, если установлено,

что противоречие интересов является реальным, и разрешить его можно только по принципу «чем больше мне, тем меньше тебе». Далее буду именовать переговорами диалоги о разрешении именно таких противоречий. *Кажущиеся* противоречия интересов и рождественские рассказы об их снятии остаются за скобками.

Для гносеологического анализа именно так понимаемых переговоров нужно пополнить арсенал понятий – инструментов исследования: к понятиям «интерес», «желание» и «потребность» нужно добавить понятие «благо». *Благо* (или ценность) – это средство удовлетворения потребности. С помощью этого понятия переговоры можно определить как диалог о благах, которых недостаточно для удовлетворения одинаковых интересов переговорщиков. Блага так же разнообразны, как и потребности, которые они удовлетворяют. Упрощу себе задачу: буду говорить только о благах, либо непосредственно удовлетворяющих витальные потребности, либо создающих средства для их удовлетворения.

Важно различать три типа переговоров о так понимаемых благах: 1) об их разделе; 2) об обмене ими; 3) об их объединении. На мой взгляд, это трихотомическое деление переговоров имеет для их гносеологического анализа такое же значение, какое и две выведенные выше дихотомии: деление познавательных процессов на исследование и коммуникацию, деление диалогов на диалоги об истинности описаний и о рациональности предписаний. Но в большинстве исследований переговорного процесса разницу между ними не учитывают. Их авторы говорят о переговорах вообще, а в качестве примеров приводят переговоры то о разделе, то об объединении, то об обмене. В итоге признаки, присущие только одному из этих типов переговоров, приписывают всем переговорам вообще.

Предлагаю для преодоления указанной трудности *генетический подход*. Исторически первыми и наиболее доступными гносеологическому анализу являются переговоры о разделе благ, например еще не освоенных земель. Именно они пришли на смену реальному физическому столкновению как способу их раздела. Переговоры об обмене и объединении благ возникли позднее, на основе переговоров о разделе. Начав гносеологический анализ с переговоров о разделе, можно выявить не только их видовые признаки, но и входящие в них родовые признаки, присущие также

переговорам об объединении и обмене. Далее останется выявить лишь видовые признаки последних.

Переговоры о разделе благ

Для решения поставленной задачи важно различать противоречие *интересов* и порожденный им *конфликт* обладателей этих интересов. Противоречие первично, конфликт вторичен. Конфликт – это способ разрешения противоречия. Интересы людей противоречат друг другу при двух условиях: 1) если они тождественны по внутреннему содержанию, а значит, для их удовлетворения нужны одни и те же блага (например, вода); 2) если этих благ недостаточно. Противоречие интересов *объективно*. Поэтому их обладатели могут его и не осознавать. *Конфликт* между ними зарождается, когда это противоречие *осознается* и начинается *борьба* за его разрешение. Первоначально она протекает в объективном мире. Но уже в мире животных, обладающих психикой, предпринимают попытки заменить ее борьбой в воображении: бизоны перед брачным боем начинают мериться ростом, и тот, кто явно меньше, отступает.

Когда конфликты из объективного мира переносятся в субъективный, они становятся *переговорами*. В человеческом обществе замена реального столкновения переговорами стала настоящей *гуманитарной революцией*. Если в ходе реальной войны, *полемоса*, гибнут носители противоречащих друг другу идей, то в процессе воображаемой войны, в *полемике*, люди, по выражению К. Поппера, «позволяют своим идеям умереть вместо себя» [Поппер 1983, 459].

Но гуманитарной революцией переговоры становятся при одном обязательном условии: если их результаты принимают к исполнению так же, как и результат реального столкновения.

Обычно переговоры о разделе обсуждают на примере переговоров о разделе пирога. Известен даже специальный *термин* – «negotiation pie», «переговорный пирог». Первым условием таких переговоров служит убеждение их участников в том, что никакими средствами, в том числе даже самыми удачными переговорами, переговорный пирог увеличить нельзя. Следовательно, чем большую часть «пирога» получает один из них, тем меньшую – другой. В принципе такая ситуация не уникальна. Она хорошо исследована в теории игр с нулевой суммой выигрыша и проигрыша (zero-sum game). Но между игрой с нулевой суммой

и переговорами о разделе существует принципиальная разница: правила игры, например, в шахматы, ясно и строго сформулированы, а правила переговоров о разделе расплывчаты и изменяются подчас в ходе самих переговоров. Таким образом, один из способов повысить их ясность и строгость – исследование их гносеологической структуры.

Фундаментальное значение для этого исследования имеет различие двух этапов движения информации: исследования и коммуникации. Переговоры – это коммуникация, и, следовательно, выработка их результата, договора, в задачу переговоров не входит. Их функция – испытать этот договор на рациональность и принять или отвергнуть его. Рождение договора – задача предшествующего переговорам этапа исследования. На нем каждый из переговорщиков должен решить две принципиально разные задачи: 1) найти такое разрешение обсуждаемого противоречия, которое в сложившихся условиях объективно, в действительности, максимально удовлетворяет интересы и его, и партнера; 2) найти аргументы, убеждающие партнера в том, что в сложившихся условиях предлагаемый ему способ разрешить противоречие их интересов для него является наиболее рациональным. Их решение – основная задача переговорщика. Ее можно сравнить с подготовкой к экзамену, и тогда сами переговоры вполне выдерживают сравнение с экзаменом.

При подготовке к такому «экзамену» – выступлению в парламенте – У. Черчилль, например, заучивал наизусть не только свою речь, но и варианты своих ответов на возможные возражения оппонентов. Конечно, все возражения предвидеть невозможно. И, если оппонент выдвинет неожиданное возражение, У. Юри рекомендует не отвечать на него в ходе переговоров, а под каким-то предлогом прервать их и вернуться к этапу исследования [Юри 1993].

Второе методологическое правило переговоров, вытекающее из структуры диалогов как гносеологических процессов, требует строго отличать диалоги о рациональности предписаний от диалогов об истинности описаний. Переговоры – это диалог о предписании, которое добровольно соглашаются выполнять все участники переговоров. И все, что мешает или не способствует достижению этой цели, должно быть из переговоров удалено. Впечатляющий пример нарушения указанного правила приводит Д. Карнеги. Член Верховного суда США спросил у начинающего

адвоката в ходе судебного заседания: «Закон об исковой давности в адмиралтействе предусматривает срок в шесть лет, верно?» Адвокат ответил: «Ваша честь, в адмиралтействе нет закона об исковой давности» [Карнеги 1989, 143]. Вследствие верного, но не имеющего отношения к делу дескриптивного высказывания его партнер «потерял лицо», а адвокат проиграл дело.

Но примем, что участники переговоров привели и свою подготовку к переговорам, и свое поведение в переговорах в соответствии с этими двумя гносеологическими дихотомиями. Тем самым они выделили для себя в чистом виде главную проблему переговоров о разделе благ: *возможность обмана партнером*. К тому же исторически переговоры о разделе возникли как перенос конфликта по поводу раздела благ из объективного мира в субъективный. В реальном конфликте сокрытие и искажение информации считается нормой. Переговоры же это лишает всякого смысла.

На мой взгляд, главное достижение авторов Гарвардской программы переговоров заключается в том, что они нашли парадоксальное или, как они выражаются, *контринтуитивное* решение этой проблемы. Они называют его *методом принципиальных переговоров*. Каждому переговорщику предлагается откровенно рассказать партнеру о своих подлинных интересах и *предупредить* о средствах, которыми он может защитить их, если придется вернуться к реальному конфликту. При этом предупреждение важно отличать от угрозы. В угрозе, как утверждает У. Юри, вы говорите, что с ним сделаете, в предупреждении – о том, что произойдет в силу объективного положения дел, если ваше предложение не будет принято [Юри 1993]. После выполнения этого «контринтуитивного» условия переговоры из конфронтации мнений превращаются в совместный поиск решения общей проблемы. Внешне они напоминают разбор шахматистами сыгранной ими партии, при котором они совместными усилиями ищут лучшие ходы для каждого из них.

На первый взгляд Гарвардская программа выглядит, скорее, благом пожеланием, чем работающей инструкцией. Она порождает естественный вопрос о том, что может *заставить* участников переговоров о разделе благ выложить карты на стол. Очевидно, что большинство из них ставит перед собой тайную цель получить больше, чем следует из объективного положения дел. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо взглянуть на принципиальные

переговоры с исторической точки зрения. В исторически первых переговорах их участники, действительно, скрывали и искажали информацию. Но у лжи короткие ноги. Реальное положение дел быстро становилось известным, и обманутая сторона достигнутое соглашение прекращала выполнять. Реальный конфликт возрождался.

Показать, что принципиальные переговоры не только возможны, но и выгодны обеим сторонам, удобнее на материале переговоров не о разделе, а об обмене. Если продавец сувениров в Индии обманывает туриста, которого никогда больше не увидит, он может получить выгоду. Но, если хозяин магазина в маленьком городке обманывает покупателей, он быстро разорится. Волей-неволей он вынужден руководствоваться формулой Б. Франклина «*honesty is the best policy*» («честность – лучшая политика»).

Изложенное позволяет утверждать, что Гарвардская программа – это не благое пожелание, а теоретическое описание реального переговорного процесса, возникшего на определенном этапе человеческой истории как ее закономерный продукт. Отметив это, следует вернуться к поставленной задаче – исследованию гносеологического механизма принципиальных переговоров о разделе.

Итак, участники переговоров о разделе благ выполнили предварительное условие принципиальных переговоров: рассказали друг другу о своих интересах, о *пропорции*, в которой каждый из них предлагает разделить неизменный переговорный пирог, и о действиях, которые каждый намерен предпринять, если его предложение не будет принято. Можно приступать с самим переговорам.

Переговоры ведутся в двух направлениях: синхроническом и диахроническом. При синхроническом анализе переговорщики сопоставляют силы, которыми на момент переговоров располагают они сами. Затем область их поисков расширяется, к делу привлекаются родственники, соседи и т.д. Если на этом этапе исторического развития переговоров о разделе уже сформировалось государство и органы легитимного насилия, то могут быть привлечены и они. На каком-то этапе исторического развития переговоров в качестве критерия для оценки договора используется *золотое правило нравственности*: поступай по отношению к другим так, как бы ты хотел, чтобы поступали по отношению к тебе. С этого момента переговоры ведутся уже с позиций не только рациональности, но и справедливости.

На диахроническом направлении ведения переговоров переговорщики совместными усилиями взвешивают, как изменится характер их интересов, соотношение сил и не приведет ли это со временем к новому, еще более жестокому физическому столкновению, чем то, которого пытаются избежать, заключив обсуждаемый договор. Полноценный договор о разделе благ они заключают, только взвесив все эти факторы.

В связи с этим возникает новый аргумент против Гарвардской программы переговоров: ее успешно применяют переговорщики, обладающие высоким интеллектуальным, профессиональным и нравственным уровнем, понимающие, что честность – это действительно лучшая политика. Но работает ли она в переговорах с непрофессиональным, недобросовестным и неумным партнером? Авторы программы утвердительно отвечают на этот вопрос. Для этого они предлагают использовать и при подготовке к переговорам, и в ходе них самих исследовательский прием, которые психологи называют *эмпатией*. Известный психолог К. Роджерс описывает его: «Быть в состоянии эмпатии означает воспринимать внутренний мир другого точно, с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков. Как будто становишься этим другим, но без потери ощущения “как будто”. Так ощущаешь радость и боль другого, как он их ощущает, и воспринимаешь их причины, как он их воспринимает» [Роджерс 1984, 235].

Способность к эмпатии, не называя ее по имени, описывают Р. Фишер и У. Юри: «Способность видеть ситуацию такой, как она представляется другой стороне, сколь бы трудно это ни было, – самое важное искусство, которым можно овладеть. Недостаточно знать, что кто-то видит вещи по-другому. Если вы хотите оказать на кого-то влияние, вам также необходимо беспристрастно разобраться, насколько оправдана его точка зрения, и ощутить эмоциональный накал его уверенности. Недостаточно изучать участников переговоров как пчел под микроскопом; вы должны ощутить себя пчелой» [Фишер, Юри 1990, 39–40].

Из вышеизложенного следует, что эмпатия родственна интроспекции, с той лишь разницей, что исследованию подвергается не своя, а чужая субъективная реальность. Эмпатия служит ключом к пониманию не только желаний партнера по переговорам и того, насколько адекватно они отображают его потребности, но и того, как он втайне от партнера оценивает свои шансы победить в физическом столкновении. Эти знания позволяют раз-

работать и предложить партнеру по переговорам такой договор, который *объективно* является для него более рациональным, чем разработанный им самим. Разумеется, в этой ситуации у переговорщика, способного к эмпатии, велик соблазн воспользоваться неопытностью партнера и навязать ему невыгодное соглашение. В этом случае у последнего имеется возможность обратиться к профессиональному переговорщику или медиатору.

Итак, принципиальные переговоры успешно завершились одним из двух результатов: 1) «пирог» целиком получил один из переговорщиков; 2) пирог разделили на части на основе принципов, о которых в процессе переговоров договорились их участники. Второй из приведенных вариантов называют *компромиссом*. Это еще одна категория, работающая в гносеологическом исследовании переговорного процесса. В диалогах об истинности описаний компромисс не используют, но в диалогах о рациональности предписаний, в частности при переговорах, он играет важную роль. Существует житейское мнение о том, что компромисс – это проявление слабых характеристик переговорщиков. У большевиков существовало даже выражение «презренная партия середины». Так, конечно, тоже случается, но в принципиальных переговорах компромисс – это результат мужественной, напряженной и высокопрофессиональной работы переговорщиков, учитывающей подчас тончайшие детали, от которых зависит исход переговоров (например, необходимость «сохранить лицо» партнера).

Но успех даже самых профессиональных и принципиальных переговоров не гарантирован, и потому каждый из участников должен решить, какие выбрать для себя действия, если предлагаемое им соглашение не будет принято. В таком случае он должен найти *наилучшую альтернативу обсуждаемому соглашению* (НАОС), *best alternative to a negotiated agreement* (BATNA). НАОС – один из ключевых терминов теории переговоров. Р. Фишер и У. Юри рекомендуют приступать к переговорам только при наличии НАОС. Она порождает уверенность человека в переговорах и задает границы, в которых он может позволить себе компромисс.

Заключение

Итак, я использовал в гносеологическом анализе переговорного процесса генетический подход: из множества переговоров выделил исторически первые и простейшие переговоры о материальных благах, а из них – простейшие и исторически первичные

переговоры о разделе благ. Изложенное создает концептуальную основу для исследования исторически более поздних и более сложных переговоров. На очереди в этом ряду – переговоры об объединении и обмене благ. Их главное отличие от переговоров о разделе состоит в характере «переговорного пирога». В переговорах о разделе он существует реально. В переговорах об объединении он существует в возможности. Но при этом предполагается, что его размеры неизменны. Такое изменение характера «переговорного пирога» изменяет и характер поведения переговорщиков. Если при разделе «пирога» они стремятся получить как можно больший кусок, то при объединении – дать как можно меньший. Изменяется и характер НАОС: это уже не физическое столкновение, а поиск какого-то другого вида деятельности.

Трудность для Гарвардской программы представляют и переговоры об обмене материальными благами. Что представляет собой неизменный «пирог», который делят в этих переговорах по принципу «чем больше тебе, тем меньше мне», и что представляют собой принципы, на основе которых этот дележ совершают? Это очень сложная проблема, ее исследует несколько теорий, и потому я ее в настоящей статье лишь зафиксирую.

Выявленная структура переговорного процесса, включающая в себя этапы исследования и коммуникации, а также принципы «честной игры» и поиска взаимовыгодных решений, может служить моделью для понимания широкого круга социальных процессов. В современных условиях глубоких социальных трансформаций, при которых изменяются не только интересы, но и сами субъекты взаимодействия, переговорный процесс важен также тем, что он может помочь сторонам прийти к более рациональным представлениям о собственном благе. В итоге развитие теории диалога и ее практическое применение способствуют продолжению гуманитарной революции, которая призвана перенести процесс разрешения социальных конфликтов из сферы физического противостояния в область коммуникативных процессов.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Андреев 1995 – *Андреев В.И.* Конфликтология: искусство спора, ведения переговоров, разрешения конфликтов. – М.: Народное образование, 1995.

Белланже 1992 – *Белланже Л.* Переговоры. – СПб.: Нева, 2003.

Гейтс 2020 – *Гейтс С.* Книга переговорщика. Гениальное руководство для успешных сделок / пер. с англ. М. Хорошиловой. – М.: Эксмо, 2020.

Давыдов 2023 – *Давыдов А.П.* Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа (размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе») // *Философские науки*. 2023. Т. 66. № 4. С. 140–159.

Конфликтология 1999 – *Конфликтология* / отв. ред. А.С. Кармин. – СПб.: Лань, 1999.

Карнеги 1989 – *Карнеги Д.* Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично. – М.: Прогресс, 1989.

Кеннеди 2013 – *Кеннеди Г.* Переговоры. Полный курс. – М.: Альпина Паблишер, 2013.

Корнелиус, Фэйр 1992 – *Корнелиус Х., Фэйр Ш.* Выиграть может каждый. Как разрешать конфликты. – М.: Стрингер, 1992.

Левин 2005 – *Левин Г.Д.* Диалог: гносеологический механизм и гуманитарная функция // *Наука глазами гуманитария* / отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 262–287.

Левин 2012 – *Левин Г.Д.* Диалог как форма коммуникации // *Философия науки*. Вып. 17. Эпистемологический анализ коммуникации / отв. ред. Г.Д. Левин, Е.О. Труфанова. – М.: ИФ РАН, 2012. С. 228–239.

Малхотра, Базерман 2021 – *Малхотра Д., Базерман М.Х.* Гений переговоров. – М.: Интеллектуальная Литература, 2021.

Поварнин 1996 – *Поварнин С.И.* Спор. О теории и практике спора. – СПб.: Лань, 1996.

Поппер 1983 – *Поппер К.* Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983.

Роджерс 1984 – *Роджерс К.* Эмпатия // *Психология эмоций*. Тексты / под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во Московского университета, 1984. С. 229–241.

Фишер, Юри 1990 – *Фишер Р., Юри У.* Путь к согласию, или переговоры без поражения. – М.: Наука, 1990.

Фишер, Эртель – *Фишер Р., Эртель Д.* Подготовка к переговорам. – М.: Филинь, 1996.

Шелл 2020 – *Шелл Р.* Большая книга переговоров: стратегии, сценарии, кейсы / пер. с англ. А. Ядыкина. – М.: Альпина Паблишер, 2020.

Юри 1993 – *Юри У.* Преодолевая «нет», или Переговоры с трудными людьми / пер. с англ. С.А. Чаковского. – М.: Наука, 1993.

Erbacher 2018 – *Erbacher C.E.* Grundzüge der Verhandlungsführung / 4. Aufl. – Zürich: vdf Hochschulverlag, 2018.

REFERENCES

Andreev V.I. (1995) *Conflictology: The Art of Dispute, Negotiation, Conflict Resolution*. Moscow: Narodnoe obrazovanie (in Russian).

Bellenger L. (2003) *Negotiations*. Saint Petersburg: Neva (Russian translation).

Carnegie D. (1989) *Public Speaking and Influencing Men in Business*. Moscow: Progress (Russian translation).

Cornelius H. & Faire S. (1992) *Everyone Can Win: How to Resolve Conflicts*. Moscow: Stringer (Russian translation).

Davydov A.P. (2023) Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society”). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 140–159 (in Russian).

Erbacher C.E. (2018) *Grundzüge der Verhandlungsführung* (4th ed.). Zurich: vdf Hochschulverlag (in German).

Fisher R. & Ertel D. (1996) *Getting Ready to Negotiate*. Moscow: Filin (Russian translation).

Fisher R. & Ury W. (1990) *Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In*. Moscow: Nauka (Russian translation).

Gates S. (2020) *The Negotiation Book: Your Definitive Guide to Successful Negotiating* (M. Khoroshilova, Trans.). Moscow: Eksmo (Russian translation).

Karmin A.S. (Ed.) (1999) *Conflictology*. Saint Petersburg: Lan' (in Russian).

Kennedy G. (2013) *Negotiation: The Complete Course*. Moscow: Alpina Publisher (Russian translation).

Levin G.D. (2005) Dialogue: Epistemological Mechanism and Humanitarian Function. In: Lektorsky V.A. (Ed.) *Science Through the Eyes of a Humanist* (pp. 262–287). Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).

Levin G.D. (2012) Dialogue as a Form of Communication. In: Levin G.D. & Trufanova E.O. (Eds.) *Philosophy of Science. Issue 17: Epistemological Analysis of Communication* (pp. 228–239). Moscow: RAS Institute of Philosophy (in Russian).

Malhotra D. & Bazerman M.H. (2021) *Negotiation Genius*. Moscow: Intellektualnaya literatura (Russian translation).

Popper K. (1983) *The Logic of Scientific Discovery*. Moscow: Progress (Russian translation).

Povarnin S.I. (1996) *Dispute. On the Theory and Practice of Dispute*. Saint Petersburg: Lan' (in Russian).

Rogers C. (1984) Empathy. In: Vilyunas V.K. & Gippenreyter Yu.B. (Eds.) *Psychology of Emotions. Texts* (pp. 229–241). Moscow: Moscow University Press (Russian translation).

Shell R. (2020) *Bargaining for Advantage: Negotiation Strategies for Reasonable People* (A. Yadykin, Trans.). Moscow: Alpina Publisher (Russian translation).

Ury W. (1993) *Getting Past No: Negotiating with Difficult People* (S.A. Chakovsky, Trans.). Moscow: Nauka (Russian translation).

Начала системно-диалектической проблематизации диалога

Т.А. Леценко

*Федеральный научно-исследовательский социологический центр
РАН, Москва, Россия*

Аннотация

В статье представлен результат начального этапа системно-диалектической проблематизации диалога. Целью этого исследования определено обоснование трансдисциплинарной теоретико-познавательной модели диалога. В работе ставится проблема переосмысления концептуального каркаса диалога и атрибуции его особенных форм, обусловленных включением искусственного интеллекта в коммуникативную архитектуру посткультуры. Основное внимание уделено вопросу состоятельности философских идей о диалоге и его познании для исследования его сущности и существования в динамике технологически обновляемой интересубъективности. На основе сопоставления концепций М. Бубера, М.М. Бахтина, В.С. Библера, Ю.М. Лотмана, Н. Лумана, Ю. Хабермаса и других исследователей намечен контур области непроблематизированного в философских интерпретациях диалога и коммуникации. Высказана гипотеза, что диалог может быть понят в качестве постнеклассической универсалии особого свойства. Обоснована целесообразность применения системного подхода и диалектического метода для проблематизации диалога в трех аспектах: эпистемологическом, гносеологическом и методологическом. Определены предметно значимые для анализа диалога категории и понятия. Показаны трансформации диалога в диалоговые системы, субъекта – в диалогового агента, смыслоконституирования – в смыслоконструирование. Постулируется изменение качества диалога в искусственно интеллектуальной коммуникации медиареальности. Выявляется, что осмысление этих процессов в философском и научном знании о диалоге формирует новую познавательную ситуацию, область проблематизируемого. Это требует сильной версии теоретической и методологической проблематизации на основе системно-диалектического подхода, которая позволит производить рефлекссию относительно содержания знания о диалоге и методологии его познания, а также относительно самого диалога, который перестает быть феноменом сугубо человеческой коммуникации.

Ключевые слова: диалог, диалектика, системный подход, проблематизация, смыслопорождение, коммуникация, интересубъективность, коммуникативная архитектоника, посткультура.

Лещенко Татьяна Анатольевна – кандидат социологических наук, доцент научно-образовательного центра Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

tatvy@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2406-6621>

Для цитирования: *Лещенко Т.А.* Начала системно-диалектической проблематизации диалога // *Философские науки.* 2024. Т. 67. № 2. С. 46–64. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-46-64

Prolegomena to the Systemic-Dialectical Problematization of Dialogue

T.A. Leshchenko

*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia*

Abstract

The article presents the results of the initial stage of a systemic-dialectical problematization of dialogue. The study aims to establish a transdisciplinary theoretical and cognitive model of dialogue. The research addresses the problem of rethinking the conceptual framework of dialogue and the attribution of its special forms due to the inclusion of artificial intelligence in the communicative architectonics of post-culture. The primary focus is on the applicability of philosophical ideas about dialogue and its epistemology in exploring the essence and existence of dialogue within the context of technologically updated intersubjectivity. By juxtaposing the concepts of M. Buber, M.M. Bakhtin, V.S. Bibler, J. Lotman, N. Luhmann, J. Habermas, and other scholars, the article outlines the contours of areas that have not yet been problematized in philosophical interpretations of dialogue and communication. A hypothesis is proposed that dialogue may be conceptualized as a post-non-classical universal of a distinct nature. The research substantiates the efficacy of employing a systemic approach and dialectical methodology for the problematization of dialogue in epistemological and methodological aspects. The study identifies categories and concepts germane to dialogue analysis. It elucidates the transformations of dialogue into dialogue systems, the subject into a dialogue agent, and meaning-constitution into meaning-construction. Furthermore, the research posits

a qualitative shift in dialogue within the context of artificially intelligent communication in media reality. It reveals that the comprehension of these processes in philosophical and scientific knowledge about dialogue creates a new epistemological situation that can be problematized. This, in turn, necessitates a robust theoretical and methodological problematization grounded in a systemic-dialectical approach, facilitating reflection on both the content of dialogue-related knowledge and its research methodology, as well as on dialogue itself, which ceases to be a phenomenon of purely human communication.

Keywords: dialogue, dialectics, systemic approach, problematization, meaning generation, communication, intersubjectivity, communicative architectonics, post-culture.

Tatiana A. Leshchenko – Ph.D. in Sociology, Associate Professor of the Scientific and Educational Center, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

tatvy@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2406-6621>

For citation: Leshchenko T.A. (2024) Prolegomena to the Systemic-Dialectical Problematization of Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 46–64.

DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-46-64

Введение

Проблемный замысел статьи вызван сложностью выявления и определения типического в современных формах диалога, опосредованных коммуникацией с включением технологий искусственного интеллекта. Смыслоформы искусственно сгенерированных семантических полей систематически включают в эксклюзивное человеческое диалоговое взаимодействие. Это изменяет структуру диалога, а следовательно, требует переосмысления его эпистемологических оснований.

Динамика технологически обновляемой интерсубъективности, изначально основанной на диалогической коммуникации, является предметно значимой для целого ряда исследовательских подходов и наук. Дискуссии о сущности подлинного диалога, его эталонного инварианта, механизма его коммуникативной структуризации систематически воспроизводятся в проблемном поле постнеклассической рациональности [Степин 2019]. Такая ситуация предопределяет необходимость проблематизации научного знания о диалоге и возникающих в действительности форм диа-

лога, поиск его трансдисциплинарной теоретико-познавательной модели, не ограниченной предметными рамками.

Проблематика, обусловленная *искусственно интеллектуальным* насыщением коммуникативного пространства и появлением в нем многообразных форм диалогического взаимодействия столь же многообразных (квази)субъектов, порождает ряд исследовательских вопросов. В многомерной конфигурации *смыслоконституирующих* и *смыслоконструирующих* дискурсов интерсубъективности диалог все еще возможен, даже если в качестве одной из его сторон выступает объект искусственного происхождения – «техносубъект» [Игнатъев 2021]. Но *какой* это диалог? Если диалоговое взаимодействие, акт схватывания смысла, подхватывания мысли другого [Мерло-Понти 1999], совместное *живое* смыслопорождение все чаще замещается *неживым* оперированием смыслами, в какой мере такой интерфейс сохраняет качество диалога? Не становится ли в этом случае диалогическая обращенность к разуму другого [Библер 1991] превращенной формой диалога? Таким вопрошанием задается предметная рамка представленного размышления о том, насколько предложенное философией понимание диалога необходимо и достаточно для переосмысления его сущности и существования в XXI веке и *каким* является диалог в условиях созданной человеком посткультуры. Эти исследовательские вопросы, в свою очередь, определяют системно-диалектическую проблематизацию средством «пересборки» концептуального каркаса диалога.

Эпистемологический аспект такой проблематизации связан с выявлением проблемных областей в неклассическом и постнеклассическом философском знании о диалоге. Теоретизирование в этой перспективе предваряет обоснование интегральной объяснительной модели диалоговых вариаций постпостмодерна на основе системно-диалектической синхронизации существующих подходов к исследованию диалога. Гносеологический ракурс нацелен на выяснение вопроса о соотношении знания и действительности. Он аргументирован прежде всего поиском типического в возникших и потенциально возможных трансформациях диалога. Методологическая проблематизация диалога философски суть обоснование его в качестве трансдисциплинарной категории, постнеклассической *универсалии особого свойства*. На общенаучном уровне методологическая состоятельность этой категории мотивирована выявлением сущности диалога, его инвариантной

структуры, свойств, закономерностей существования и развития, т.е. экспликацией того категориального континуума, который на конкретном научном уровне проявляется исследовательскими конструктами. В методологическом смысле диалог может быть понят как «концепт-медиатор» [Розов 2017], «методологическая “середина”» [Давыдов 2020].

Значимыми для понимания диалога в качестве философской и методологической категории в данном случае определены концепции М. Бубера, А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина, В.С. Библера, Ю.М. Лотмана, Н. Лумана и Ю. Хабермаса. В той или иной мере эти мыслители в своих рассуждениях о диалоге постулировали или ставили под сомнение его диалектичность, системность, целостность, что послужило отправной точкой для размышлений автора. Иные ракурсы в понимании диалога не являются препятствием для системно-диалектической проблематизации, но их выбор в рамках статьи ограничен.

Философские штудии о диалоге

Развитие концептуальных подходов к проблематике диалога, начиная со второй половины XIX века, получило продолжение в разных направлениях философии и во многих научных теориях, для которых категория диалога стала принципиальной. Движение философской мысли в этом русле привело к становлению философии диалога, не лишенной внутренних противоречий [Сокулер 2008]. Систематическая востребованность подлинного диалога, устремленного к взаимопониманию, в XX–XXI веках породила столь же систематическое воспроизведение версий и интерпретаций теории диалога, неравнозначных по существу и дисциплинарному масштабу [Мотрошилова 2017]. С появлением искусственно интеллектуальных форм субъект-объектных и технологически структурированных объект-объектных диалоговых систем, «объектных подструктур» [Степин 2011, 105], возникла необходимость системного теоретического объяснения этих параллельных бытийных пространств. Наука занимается такими вопросами особенно активно на междисциплинарном уровне. В философии усложнение реальности проявилось не только в развитии диалогических учений, но и в возникновении интегральных предметных областей на основе синтеза «разных» философий и наук. Философская лингвистика, когнитивная философия, философия сознания, медиафилософия, философия информации

и искусственного интеллекта, нейрофилософия и др., – все эти ответвления затрагивают вопросы диалоговой коммуникации и *обыкствующейся* реальности.

Прежде чем перейти к конкретизации теоретико-познавательных интерпретаций диалога, укажем на несколько значимых классических «прекурсоров». В философии Сократа и Платона диалог понимается как метод поиска истины, универсальный способ развития мышления посредством двустороннего обдумывания, обсуждения. Диалог и диалектика для этих мыслителей есть целокупность, содержащая в себе движение противоположностей к смыслопорождению. Продолжение древнегреческой линии находим у И. Канта: «Когда один человек хочет получить ответ от разума другого, то это может произойти лишь в виде диалога...» [Кант 2007, 490]. Диалектическое понимание Платоном единого, рождающегося в диалоге, и затем – идеи как всеобщности, у Г.В.Ф. Гегеля надделено свойством обращенности идеи ко всем созерцающим: «Любое произведение искусства представляет собой диалог с каждым стоящим перед ним человеком» [Гегель 1968, 298]. О понимании Гегелем всеобщности как достижения истины в «...активном “диалоге”, в этой исторической “диалектике”...» писал А.В. Кожев в «Тирании и мудрости» [Кожев 2007, 371]. Свойство диалога приводить к согласованному пониманию сохранило значимость и в дальнейшем его осмыслении, в т.ч. методологическом анализе: «...”понимание” выражает движение смыслов, достижение тождественности смыслов, раскрытие смысла...» [Мясникова, Кузнецова 1986, 84].

В свете системно-диалектической проблематизации очертим точнее контур основоположений диалога, определенного классической европейской философией диалектическим *движением мысли к первоначалу*. Эта задача статьи состоит в предметно зауженной «ревизии» последующих неклассических пониманий диалога, их существующих сопоставлений и наиболее интересных, с нашей точки зрения, постнеклассических интерпретаций.

Диалогический подход М.М. Бахтина, в котором прослеживается влияние Канта и его рецепции Г. Когеном, а также М. Бубера и известного «круга» бахтинских единомышленников (и не только), развивался на протяжении всего его творчества, охватывая смежные дисциплинарные области. Выделим теоретически существенные моменты. Анализируя диалогичность произведений Ф.М. Достоевского, Бахтин делает важное обобщение:

«...диалогические отношения – явление гораздо более широкое, чем отношения между репликами композиционно выраженного диалога, это – почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение» [Бахтин 2002а, 51]. В рассуждении о методологии гуманитарных наук под диалогичностью Бахтин понимает активность познающего и активность открывающегося, сложную диалектику «внешнего и внутреннего» [Бахтин 1997а, 7] и выводит из этого «диалогичность понимания» [Бахтин 1997а, 9]. Различие между диалогичностью и диалогом он, размышляя о проблеме речевых жанров, обозначает так: «Диалог обнимает <...> высказывания по крайней мере двух субъектов, но связанных между собой диалогическими отношениями, знающих друг о друге, отвечающих друг другу, и эта связь (отношение друг к другу) отражается в каждой реплике диалога...» [Бахтин 1997б, 209]. Констатация диалога формой проявления диалогичности как свойства в данном случае является ключевой.

В работах Бахтина 60–70-х годов XX века содержатся важные замечания о соотношении диалектики и диалога. Развивая идею диалогического движения понимания, он пишет: «Диалектика родилась из диалога, чтобы снова вернуться к диалогу на высшем уровне (диалогу личностей)» [Бахтин 2002б, 424]. Далее Бахтин детализирует процесс этого рождения: «Диалог и диалектика. В диалоге снимаются голоса <...>, снимаются интонации <...>, из живых слов и реплик вылущиваются абстрактные понятия и суждения, все втискивается в одно абстрактное сознание – и так получается диалектика» [Бахтин 2002б, 430]. Бахтин указывает на диалектическое единство идеи и слова [Бахтин 2002а, 99–100] и в то же время противопоставляет диалектику и диалог по аналогии с противопоставлением нейтрализации и амбивалентности. Разъяснение этих противоположений представлено в комментариях Л.А. Гоготишвили (они значимы для понимания идей Бахтина, сохранившихся в его рукописном наследии): «Двуголосое слово [у Бахтина] не нейтрализующее, а амбивалентное целое» [Гоготишвили 2002, 570]. Это существенно для понимания бахтинских гносеологических категорий, которые Гоготишвили называет «именами» для разных типов диалогических отношений между личностями», составляющими, «по М.М.Б., конечную цель гуманитарного познания»

[Гоготишвили 1997а, 394]. Дополним эти уточнения еще одним: «понимание создает, по М.М.Б., не два разобобщенных мира и не общий один, снимающий всякое различие между говорящим и понимающим, а новый третий мир» [Гоготишвили 1997б, 564]. Это и есть подлинно intersубъективное смыслопорождение в диалогической коммуникации.

Такой «новый третий мир» видится той сферой, которую М. Бубер назвал «между», понимая под этим «объект всеобщего опыта» [Бубер 1995, 22], а Э. Гуссерль обосновал в качестве конституированной intersубъективности, «...отдельные субъекты которой оснащены системами конституирования, соответствующими друг другу и согласующимися друг с другом» [Гуссерль 2010, 139]. С гуссерлианским конституированием объективного мира, предполагающим гармоничное сосуществование субъектов, перекликается библеровская (и бахтинская, памятуя его постулат о слышимости индивидуального в двуголосии) констатация диалога как единственной и единой монады, «...мышления “о” субъекте, – мышления, к субъекту обращенного» [Библер 2014, 30]. Анализируя философию Г. Когена, З.А. Сокулер указывает, что он вместо «диалектического взаимоперехода» использует понятие корреляции, в рамках которой «...члены отношения сохраняют свою специфику, не сливаясь и не отождествляясь друг с другом. Они должны остаться отдельными, чтобы быть в состоянии вступить в отношение» [Сокулер 2008, 153]. И далее она уточняет: «В сущности, аналогичную идею высказывает <...> вся “философия диалога”. <...> Чтобы отношение было подлинным, другое – или Другой – должен оставаться именно Другим» [Сокулер 2008, 153]. К философии диалога Сокулер относит направление, которое развивали М. Бубер, Ф. Розенцвейг и Э. Левинас, считая бахтинскую философию диалога существенно отличающейся.

Видение Бахтина, как нам представляется, не противоречит идее ответственной открытости каждого для других, объединяющей вышеуказанных мыслителей. Многослойное бытие диалога у него суть intersубъективная целостность амбивалентных смысловых посылов субъектов диалога. В своем внутреннем автокоммуникационном движении к взаимопониманию каждый субъект диалогичен, поэтому диалоговое отношение субъектов предстает *диалогом диалогов*, приближением к «диалектической тайне понимания» [Лосев 2009, 247].

Неразделимость индивидуального и интерсубъективного неоднократно становится предметом внимания Бахтина в рассуждениях о диалогической природе «интериндивидуальной и интерсубъективной идеи» [Бахтин 2002а, 99]. Ядро интерсубъективности, следуя Буберу и Бахтину, содержится в том Ты, что есть часть Я. Об этом, по сути, Ю.М. Лотман пишет в работах об искусственном интеллекте. Указывая на вклад Бахтина в разработку структуры диалогических текстов, Лотман высказывает идею о том, что «...искусственное интеллектуальное устройство должно быть мыслящим...» и «...иметь в принципе (в минимальной схеме) диалогическую (двуязычную) структуру» [Лотман 2004, 566], т.е. оно должно уметь создавать «интеллектуальное целое» по аналогии со структурой человеческого мозга и моделью культуры, тем самым образуя «единую инвариантную модель», которая обеспечивает «лавинообразное самовозрастание смыслов» [Лотман 2004, 585].

Примером лапидарного обобщения представленных выше идей служит рассуждение Х. Арендт о мышлении, возможном только в диалоге субъекта с самим собой, но «этот диалог двух-в-одном не теряет контакта с миром людей, <...> поскольку они представлены в том моем “Я”, с которым я веду мысленный диалог. <...> ...эти двое-в-одном нуждаются в других, с тем чтобы вновь стать одним – одной неповторимой индивидуальностью, которую нельзя спутать ни с какой другой» [Арендт 1996, 624].

Диалог и искусственно интеллектуальная социальность коммуникации

Диалектическое видение современных форм диалога неизбежно обращает нас к контексту многомерной *коммуникативной архитектоники*, проблематизированной противоречиями естественного и искусственного, свободного и необходимого, и не только. Естественное и свободное волеизъявление субъекта в наличном бытии посткультуры сосуществует с искусственно обусловленным необходимым должествованием в виртуальной «оцифрованной» социальности, «квазибытии» [Косилова, Фролов 2017, 28], созданном субъектом.

Многоуровневые системы искусственного интеллекта нового поколения, созданные человечеством как совокупным субъектом [Лепский 2016], расширяют свое семантическое пространство тоже благодаря человеку. Их алгоритмизированное функциониро-

вание в режиме перебора альтернатив настроено на создание иллюзии неповторимости, аналогичной человеческому мышлению. Анализируя гегелевский подход к познанию, А.В. Ахутин пишет о проблеме технического овладения методическим устройством мира: «...субъект <...> методически овладевает всей техникой природы (ядерными силами, генетикой), но не только: в его руках оказываются механизмы антропогенеза, этногенеза, социогенеза, медиатехнологии, политтехнологии и т.д. Словом, он готов занять место собственной субъектности бытия» [Ахутин 2018, 154]. В определенной мере эту точку зрения поддерживает М. Эпштейн, размышляя об исчезновении четкого деления на субъект и объект вследствие развития техники. Он выдвигает идею техноморали, которой присуще «...создание глубинных связей между “я”, “ты” и “он”, тех диалогических отношений, которые имеют и техническое, и моральное измерение» [Эпштейн 2004, 157]. Но доступны эти глубинные связи лишь сознанию субъекта, т.к. «...источником смыслообразования все-таки остается *субъект*, и его сознание не может быть сведено к интеллекту, как и интеллект несводим к сознанию» [Эпштейн 2019, 51].

В случае естественно обусловленной человеческой коммуникации смыслопорождение в процессе диалога может быть понято как *смыслоконституирование*, в случае включения посреднических искусственных сред, которыми выступают техно- и медиасреды, – как *смыслоконструирование*. Учитывая огромный массив научных дискуссий о коммуникации и диалоге, выделим некоторые точки зрения, позволяющие приблизиться к пониманию вопроса о познаваемости современных форм диалога в этом аспекте.

Реальность коммуникации, направленной на достижение понимания, с точки зрения Х.-Г. Гадамера, состоит в преобразовании мнений сторон в процессе диалога: «...диалог – это не утверждение одного мнения в противовес другому или простое сложение мнений. <...> Диалог только тогда можно считать состоявшимся, когда вступившие в него уже не могут остановиться на разногласии» [Гадамер 1991, 48]. Эту идею Гадамера особо выделяет Ю. Хабермас, полагая, что «...при коммуникативной деятельности даже сам исход интеракции ставится в зависимость от того, могут ли участники интеракции согласиться между собой в интересубъективно применимой оценке своих отношений к миру» [Хабермас 2022, 131]. В полемике с Хабермасом Н. Луман утверждает, что «...подобно жизни и сознанию коммуника-

ция является эмерджентной реальностью, таким же фактом *sui generis*» [Луман 1995], полагая ее сущностью аутопойетическую операцию, без которой нет понимания. В дальнейшем он уточняет: «Такую “самостоятельность” коммуникации, “принимающей” в ходе своего аутопойезиса квазичеловеческие “решения” о своем будущем продолжении, не следует понимать чересчур метафизически. Речь идет лишь о том, что содержание диалога определяется не сознанием его участников, а вытекает из специфики самой коммуникации, <...> применяемых кодов-дифференций» [Луман 2005, 247].

Будущее продолжение коммуникации, лумановская реальность массмедиа, сегодня озаменовано предсказанным Лотманом «самовозрастанием смыслов». Диалог, бывший способом *диффузного* смыслового искания в подлинной, «экзистенциальной коммуникации» [Ясперс 2021], движением к пониманию через соотнесение тончайших смысловых обертонов, в *коммуникативной архитектонике* посткультуры становится *иным*. Вместо качественно состоятельного *начала* понимания, диалог венчает *завершение* «пересборки» уже понятых, интерсубъективно вобранных и формализованных (= лишенных обертонов) смыслов, распределенных в «бессубъектной информации» [Мамардашвили 2004, 61].

Эксплицируя понятие диалога, Г.Д. Левин определяет его «как коммуникацию с обратной связью» и «систему монологов», направленную на поиск достоверности [Левин 2012, 231]. В последующем объяснении гносеологического механизма диалога он утверждает, что последний, основанный на формальном синтезе, «...как и любой формально-логический процесс, не порождает нового знания» [Левин 2012, 234]. Искусственные диалоговые системы построены на этом же принципе. Они, сохраняя форму диалога, теряют его двунаправленность, превращая рецепцию *диалогических* (внутренне продуманных) ответов человека роботу в иллюзию человекоподобной коммуникации, но – *монологичной*, в которой размышление заменено правилом. Следуя Хабермасу, можно предположить, что эти диалоговые системы используют коммуникативы «...как тот подкласс регулятивных речевых действий, которые, как вопросы и ответы, обращения, возражения, признания и т.д., служат для организации речи, ее подразделения на темы и сообщения, распределения ролей в диалоге...» [Хабермас 2022, 75].

Тем самым диалоговые системы медиареальности онтологизируют *технодиалог*, поскольку «...данность сообщения включает в себя не только уникальные, неповторимые и преходящие элементы вступающих в диалог, <...> но и всеобщие сущностные структуры, <...> где иницирующим коммуникацию началом является структура, делегирующая часть своей активности медиа» [Савчук 2014, 41]. Убедительным представляется утверждение В.В. Савчука о том, что «...медиа в той же мере создают общество, в какой общество создает исчерпывающие потребности в медиа» [Савчук 2014, 40]. Поставленный В.И. Игнатьевым вопрос о появлении в социуме «...альтернативной формы агентов социальной жизни – технообъектов с искусственным интеллектом и признаками субъектности» [Игнатьев 2021] пока разрешается предложенным им выводом о том, что формирование «человекоподобной идентичности» сосуществует с «...параллельным процессом “цифровой трансформации” самого человека в соседстве со своим творением – техносубъектом» [Игнатьев 2021]. С совершенствованием искусственного интеллекта техносубъекты становятся «человекоподобными интеллектами» и создают «...машиноидов с различным социально-экономическим статусом. <...> Чем более они человекоподобны, тем более машиноподобными становимся мы» [Lanyu 2024]. И те, и другие являются активными сетевыми медиаактерами. Именно поэтому «...медиареальность внутренне нерасчленима. Она и есть то, что принято называть реальностью...» [Савчук 2014, 246].

В этой реальности интерфейс диалоговых систем все более «диалогичен» и понятен человеку. Но он «диалогичен» лишь по форме. Мультиmodalность *смысловоспроизведения* в *искусственно интеллектуальной коммуникации* диалоговых агентов не тождественна смыслопорождению в диалоге субъектов. Диалоговые системы могут быть лишь возможностью, средством, дополнением подлинного, субъект-субъектного человеческого диалога. По предположению В.М. Розина, «...в будущем будут дифференцированы два типа интеллекта: чисто естественный и естественный, вооруженный ИИ. Но это – <...> сфера будущей социальности» [Розин 2023]. Пока искусственно созданные «обучаемые» диалоговые нейросети [McTear 2021] умеют методично диалогизировать с человеком, но методологическую траекторию такого взаимодействия задает именно человек как целеустремленная система [Акофф, Эмери 2008].

Заключение. Непроблематизированное и проблематизируемое в размышлениях о диалоге

Первым шагом теоретической проблематизации, в частности системно-диалектической проблематизации, является уточнение категорий. На этом пути мы попытались разобраться, как чуждость диалога уже проблематизирована в основных классических (для философии диалога) и постнеклассических философских интерпретациях. О проблематизации подробнее речь будет идти во второй статье на эту тему, пока же отметим следующее. Сильная версия теоретической и методологической проблематизации – это метатеоретическая рефлексия научного осмысления природы феномена и наличных форм его существования, возможная на основе системного подхода. Последний понимается методологией поиска трансдисциплинарного концептуального каркаса искомого феномена. Диалектический метод выступает принципом объективации этого каркаса, его проекции на сущность, антимическую организацию и закономерности развития феномена в его явленности. Это – системно-диалектическая работа с тем, что уже рационализировано, итог которой – ответ на вопрос о применимости знания к постижению изменяемости феномена. Диалектическая связь в таком теоретизировании прослеживается дважды: 1) на метатеоретическом уровне – между системным подходом и диалектикой как теорией развития; 2) на непосредственно теоретическом уровне – между системно-структурным анализом и диалектикой как методологией исследования конкретных форм диалога.

Категориальный континуум диалога в философском знании (с учетом обозначенной предметной рамки) включает в себя понятия, взаимосвязанность которых задает необходимый концептуальный каркас для его понимания. Прежде всего понятие «диалог», вбирающее сущностно значимые части: *διά* – сквозь, между; *λόγος* – единство смысла, понятия, слова. Далее следуют: субъект (сторона) диалога; смыслопорождение – механизм диалога; диалектичность – кардинальное свойство диалога; интерсубъективность – способ существования диалога; понимание – результат диалога. Каждое из этих понятий может быть раскрыто через категорию смысла, принимая во внимание включенность диалога в важнейшую концептуальную триаду: «диалог – коммуникация – культура». Смысловые единства, рождающиеся в диалогах, суть основания для универсализации смыслового пространства

культуры. Генерализация диалоговых единств осуществляется в медиальных структурах коммуникации, образующих коммуникативную архитектуру культуры вообще и посткультуры в частности.

Сложившиеся в границах гуманитарного дискурса терминологические поля, производные от перечисленных понятий, чрезвычайно многообразны. В своих внутренних связях и соотносительности между собой они образуют сложную терминологическую систему категориального континуума диалога. Например, диалог может быть понят как форма коммуникационного действия, часть процесса коммуникации и, наоборот, коммуникация может быть воспринята как элемент диалогового взаимодействия. Такая же оборачиваемость наблюдается относительно свойств диалогичности и коммуникативности и т.д. В работах В.А. Лекторского, с опорой на идеи Бахтина, коммуникация и диалог понимаются иначе, в равной мере структурно значимыми для формирования индивидуальности: «...межчеловеческая коммуникация, диалог не являются чем-то внешним для индивида, а относятся к глубинной структуре его индивидуальности, его сознания и его “Я”» [Лекторский 2001, 46]. Продолжим эту мысль следующим предположением: *диалог есть способ бытия человека в мире, коммуникация – способ мышления человека о мире*. Что представляют собой диалогичность коммуникации и коммуникативность диалога, каковы иные предметные ракурсы диалога, не вполне точно проблематизированные в *постнеклассических тематизмах*, нам предстоит раскрыть во второй части исследования.

Новая познавательная ситуация, *проблематизируемое*, вторым порядком состоит в том, что диалог перестает быть феноменом сугубо человеческой коммуникации. Он становится сопряженным с процессами обретения искусственными актерами коммуникации черт естественности и одновременно – обретения естественными субъектами черт искусственности. В посткультурном понимании Другой – это уже не только иное Я, иная индивидуальность, личность, субъектность, но – квази-Я, искусственно сформированная субъектность. Переопределение категории «диалог» и построение его идеальной модели потребуют переосмысления этой налично бытийной реальности диалога. Пока, после состоявшейся первичной систематизации теоретико-познавательных подходов к диалогу, будем исходить из того, что диалог полагается единственно возможным *интермедиа смысла*, его бытия-между,

в коммуникативной архитектонике интересубъективности с ее естественно-искусственной взаимообращенностью.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Акофф, Эмери 2008 – *Акофф Р.Л., Эмери Ф.* О целеустремленных системах / пер. с англ. Г.Б. Рубальского. – М.: URSS, 2008.

Арендт 1996 – *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. – М.: ЦентрКом, 1996.

Ахутин 2018 – *Ахутин А.В.* Философское уморасположение. – М.: РИПОЛ классик, 2018.

Бахтин 1997а – *Бахтин М.М.* К философским основам гуманитарных наук // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – нач. 1960-х годов. – М.: Русские словари, 1997. С. 7–10.

Бахтин 1997б – *Бахтин М.М.* Из архивных записей к работе «Проблема речевых актов» // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – нач. 1960-х годов. – М.: Русские словари, 1997. С. 207–286.

Бахтин 2002а – *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-х – 1970-х годов. – М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. С. 6–300.

Бахтин 2002б – *Бахтин М.М.* Рабочие записи 60-х – 70-х годов // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-х – 1970-х годов. – М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. С. 371–439.

Библер 2014 – *Библер В.С.* Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. – М.: DirectMEDIA, 2014.

Библер 1991 – *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1991.

Бубер 1995 – *Бубер М.* Два образа веры. – М.: Республика, 1995.

Гадамер 1991 – *Гадамер Х.-Г.* Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991.

Гегель 1968 – *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика: в 4 т. Т. 1. – М.: Искусство, 1968.

Гоготишвили 1997а – *Гоготишвили Л.А.* Комментарии. К философским основам гуманитарных наук // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – нач. 1960-х годов. – М.: Русские словари, 1997. С. 386–401.

Гоготишвили 1997б – *Гоготишвили Л.А.* Комментарии. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров» // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – нач. 1960-х годов. – М.: Русские словари, 1997. С. 555–591.

Гоготишвили 2002 – *Гоготишвили Л.А.* Комментарии. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-х – 1970-х

годов. – М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. С. 533–701.

Гуссерль 2010 – *Гуссерль Э.* Картезианские медитации / пер. с нем. В.И. Молчанова. – М.: Академический проект, 2010.

Давыдов 2020 – *Давыдов А.П.* Методологическая середина как инструмент изучения социальной реальности // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 18 / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый Хронограф, 2020. Вып. 18. С. 529–564.

Игнатьев 2021 – *Игнатьев В.И.* Проблема техносубъекта: о субъектности «сущностей-конструкторов» // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 1. Ч. 1. С. 130–150.

Кант 2007 – *Кант И.* Метафизика нравов // *Кант И.* Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. – СПб.: Наука, 2007. С. 261–502.

Кожев 2007 – *Кожев А.* Атеизм и другие работы / пер. с фр. А.М. Руткевича [и др.]. – М.: Праксис, 2007.

Косилова, Фролов 2017 – *Косилова Е.В., Фролов А.В.* Интернет в перспективе трансцендентальной философии и феноменологии // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2017. № 6. С. 18–29.

Левин 2012 – *Левин Г.Д.* Диалог как форма коммуникации // Философия науки. Вып. 17. Эпистемологический анализ коммуникации / отв. ред. Г.Д. Левин, Е.О. Труфанова. – М.: ИФ РАН, 2012. С. 228–239.

Лекторский 2001 – *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: URSS, 2001.

Лепский 2016 – *Лепский В.Е.* Аналитика сборки субъектов развития. – М.: Когито-Центр, 2016.

Лосев 2009 – *Лосев А.Ф.* Философия имени. – М.: Академический проект, 2009.

Лотман 2004 – *Лотман Ю.М.* Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Заметки. – СПб.: Искусство-СПБ, 2004.

Луман 2005 – *Луман Н.* Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2005.

Луман 1995 – *Луман Н.* Что такое коммуникация? / пер. с нем. Д.В. Озирченко // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114–124.

Мамардашвили 2004 – *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. – М.: Логос, 2004.

Мерло-Понти 1999 – *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. – СПб.: Ювента; Наука, 1999.

Мотрошилова 2017 – *Мотрошилова Н.В.* Современные коррекции к пониманию теорий диалога и их применению в жизненном мире (опыт социологии познания). Часть I // Философские науки. 2017. № 2. С. 35–49.

Мясникова, Кузнецова 1986 – *Мясникова Л.А., Кузнецова Н.М.* О методологической функции понимания в научном познании // Научный метод и методологическое сознание / отв. ред. Д.В. Пивоваров. – Свердловск: УрГУ, 1986. С. 83–89.

Розин 2023 – *Розин В.М.* Концепции и понятия искусственного и естественного интеллекта (методологический анализ) // *Философские науки*. 2023. Т. 66. № 4. С. 7–25.

Розов 2017 – *Розов Н.С.* Концептуализация связи Structure/Agency // *Философия и общество*. 2017. № 1. С. 29–47.

Савчук 2014 – *Савчук В.В.* Медиафилософия. Приступ реальности. – СПб.: Изд-во РХГА, 2014.

Сокулер 2008 – *Сокулер З.А.* Герман Коген и философия диалога. – М.: Прогресс-Традиция, 2008.

Степин 2011 – *Степин В.С.* Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011.

Степин 2019 – *Степин В.С.* Человек. Деятельность. Культура. – СПб.: СПбГУП, 2019.

Хабермас 2022 – *Хабермас Ю.* Теория коммуникативной деятельности: в 2 т. / пер. с нем. А.К. Судакова. – М.: Весь Мир, 2022.

Эпштейн 2004 – *Эпштейн М.Н.* Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. – М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Эпштейн 2019 – *Эпштейн М.Н.* Постмодернизм в России. – СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2019.

Ясперс 2021 – *Ясперс К.* Философия: в 3 кн. Кн. 2. Просветление экзистенции / пер. с нем. А.К. Судакова. – М.: Канон-Плюс, 2021.

Lanyi 2024 – *Lanyi G.* The Age of Machinoids // *AI & Society: Knowledge, Culture and Communication*. 12 February 2024. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00146-023-01858-z>.

McTear 2021 – *McTear M.* End-to-End Neural Dialogue Systems // *McTear M. Conversational AI. Synthesis Lectures on Human Language Technologies*. – Cham: Springer International Publishing, 2021. P. 125–158.

REFERENCES

Ackoff R.L. & Emery F.E. (2008) *On Purposeful Systems*. Moscow: URSS (Russian translation).

Akhutin A.V. (2018) *The Philosophical Mentality*. Moscow: RIPOL klassik (in Russian).

Arendt H. (1996) *The Origins of Totalitarianism*. Moscow: TsentrKom (Russian translation).

Bakhtin M.M. (1997a) On the Philosophical Foundations of the Humanities. In: Bakhtin M.M. *Collected Works. Vol. 5: Works of the 1940s – Early 1960s* (pp. 7–10). Moscow: Russkie slovari (in Russian).

Bakhtin M.M. (1997b) From Archival Notes to the Work “The Problem of Speech Acts.” In: Bakhtin M.M. *Collected Works. Vol. 5: Works of the 1940s – Early 1960s* (pp. 207–286). Moscow: Russkie slovari (in Russian).

Bakhtin M.M. (2002a) Problems of Dostoevsky’s Poetics. In: Bakhtin M.M. *Collected Works. Vol. 6: Problems of Dostoevsky’s Poetics. Works of the 1960s–1970s* (pp. 6–300). Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kul’tury (in Russian).

Bakhtin M.M. (2002b) Working Notes of the 1960s–1970s. In: Bakhtin M.M. *Collected Works. Vol. 5: Works of the 1940s – Early 1960s* (pp. 371–439). Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kul’tury (in Russian).

Bibler V.S. (1991) *From Science Teaching – to the Logic of Culture: Two Philosophical Introduction to the Twenty-First Century*. Moscow: Politizdat (in Russian).

Bibler V.S. (2014) *Mikhail Mikhaylovich Bakhtin or Poetics of Culture*. Moscow: DirectMEDIA (in Russian).

Buber M. (1995) *Two Types of Faith*. Moscow: Respublika (Russian translation).

Davydov A.P. (2020) The “Middle” as a Methodological Tool for Studying Social Reality. In: Gorshkov M.K. (Ed.) *Reforming Russia: Yearbook* (Vol. 18, pp. 529–564). Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Epstein M.N. (2004) *Blank Space: On the Future of the Humanities*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).

Epstein M.N. (2019) *Russian Postmodernism*. Saint Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus (in Russian).

Gadamer H.-G. (1991) *The Relevance of the Beautiful*. Moscow: Iskusstvo (Russian translation).

Gogotishvili (1997a) Commentary. On the Philosophical Foundations of the Humanities. In: Bakhtin M.M. *Collected Works. Vol. 5: Works of the 1940s – Early 1960s* (pp. 386–401). Moscow: Russkie slovari (in Russian).

Gogotishvili (1997b) Commentary. From Archival Notes to the Work “The Problem of Speech Acts.” In: Bakhtin M.M. *Collected Works. Vol. 5: Works of the 1940s – Early 1960s* (pp. 555–591). Moscow: Russkie slovari (in Russian).

Gogotishvili (2002) Commentary. Working Notes of the 1960s – Early 1970s. In: Bakhtin M.M. *Collected Works. Vol. 5: Works of the 1940s – Early 1960s* (pp. 533–701). Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kult`ury (in Russian).

Habermas J. (2022) *The Theory of Communicative Action* (Vols. 1–2). Moscow: Ves’ mir (Russian translation).

Hegel G.W.F. (1968) *Aesthetics* (Vol. 1). Moscow: Iskusstvo (Russian translation).

Husserl E. (2010) *Cartesian Meditations*. Moscow: Akademicheskii proekt (Russian translation).

Ignatyev V.I. (2021) Problem of the Techno-Subject: On the Subjectivity of “Entity-Constructors”. *Ideas and Ideals*. Vol. 13, no. 1, p.1, pp.130–150 (in Russian).

Jaspers K. (2021) *Philosophy. Vol. 2: Enlightenment of Existence*. Moscow: Kanon-Plyus (Russian translation).

Kant I. (2007) Metaphysics of Morals. In: Kant I. *Groundwork of the Metaphysics of Morals. The Critique of Practical Reason. Metaphysics of Morals* (pp. 261–502). Saint Petersburg: Nauka (Russian translation).

Kojève A. (2007) *Atheism and Other Works*. Moscow: Praxis (Russian translation).

Kosilova E.V. & Frolov A.V. (2017) Internet from the Viewpoint of Transcendental Philosophy and Phenomenology. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. No. 6, pp. 18–29 (in Russian).

Lanyi G. (2024, February 12) The Age of Machinoids. In: *AI & Society: Knowledge, Culture and Communication*. Retrieved from <https://link.springer.com/article/10.1007/s00146-023-01858-z>

Lektorsky V.A. (2001) *Classical and Non-Classical Epistemology*. Moscow: URSS (in Russian).

Lepsky V.E. (2016) *Analytics of the Assembly of Development Subjects*. Moscow: Kogito-Tsentr (in Russian).

Levin G.D. (2012) Dialogue as a Form of Communication. In: Levin G.D. & Trufanova E.O. (Eds.) *Philosophy of Science. Issue 17: Epistemological Analysis of Communication* (pp. 228–239). Moscow: RAS Institute of Philosophy (in Russian).

Losev A.F. (2009) *Philosophy of the Name*. Moscow: Akademicheskii proekt (in Russian).

Lotman J.M. (2004) *Semiosphere: Culture and Explosion. Inside the Thinking Worlds. Notes*. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB (in Russian).

Luhmann N. (2005) *The Reality of the Mass Media*. Moscow: Praktis (Russian translation).

Luhmann N. (1995) What Is Communication? *Sotsiologicheskii zhurnal*. No. 3, pp.114–124 (Russian translation).

Mamardashvili M.K. (2004) *Classical and Non-Classical Ideals of Rationality*. Moscow: Logos (in Russian).

McTear M. (2021) End-to-End Neural Dialogue Systems. In: McTear M. *Conversational AI. Synthesis Lectures on Human Language Technologies* (pp. 125–158). Cham: Springer.

Merleau-Ponty M. (1999) *Phenomenology of Perception*. Saint Petersburg: Yuventa; Nauka (Russian translation).

Motroshilova N.V. (2017) Contemporary Corrections to Understanding of Theories of Dialogues and their Implementation in “Life World” (Experience of Sociology of Knowledge). Part I. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. No. 2, pp. 35–49 (in Russian).

Myasnikova L.A. & Kuznetsova N.M. (1986) On the Methodological Function of Understanding in Scientific Knowledge. In: Pivovarov D.V. (Ed.) *Scientific Method and Methodological Sense* (pp. 83–89). Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).

Rozin V.M. (2023) Concepts and Definitions of Artificial and Natural Intelligence: A Methodological Analysis. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 7–25 (in Russian).

Rozov N.S. (2017) Conceptualization of the Structure/Agency Relationship. *Philosophy and Society = Filosofiya i obshchestvo*. No. 1, pp. 29–47 (in Russian).

Savchuk V.V. (2014) *Media Philosophy. Attack Reality*. Saint Petersburg: RKHGA (in Russian).

Sokuler Z.A. (2008) *Hermann Cohen and Philosophy of Dialogue*. Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).

Stepin V.S. (2011) *Civilization and Culture*. Saint Petersburg: SPbGUP (in Russian).

Stepin V.S. (2019) *Human. Activity. Culture*. Saint Petersburg: SPbGUP (in Russian).

**Медиация и диалогизация
в динамике социокультурного развития**

DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-65-80

Оригинальная исследовательская статья

Original research article

Социальный диалог как проблема и условие медиации

В.М. Розин

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье анализируются условия эффективности социального диалога как инструмента решения общественных проблем. Автор обращает внимание на то, что если в прошедшие десятилетия на социальный диалог возлагали большие надежды, то в настоящее время его эффективность снижается, хотя участники диалога реализуют основные средства убеждения оппонентов. Выделено два типа диалога: формальный и содержательный (продуктивный). Подчеркивается, что только последний в действительности приводит к изменениям во взглядах участников. На основе анализа исторических примеров и современных кейсов определены ключевые факторы, влияющие на результативность социальной коммуникации. В контексте теории речевых актов Дж.Л. Остина диалог рассматривается не просто как обмен информацией, а как форма социального действия, высказывания участников диалога перформативны, т.е. обладают силой непосредственного преобразования социальной реальности. Приведен исторический пример социального диалога между либеральной общественностью, ориентированной на западные страны, считающие Россию отсталой в экономическом и социальном аспектах, и мыслителями, не согласными с такой оценкой, которые, наоборот, видят в России духовный потенциал, позволяющий решать проблемы общеевропейского уровня. Показано, что высказывания П.Я. Чаадаева и Ф.М. Достоевского можно рассматривать как перформативные акты, формирующие новое видение роли России в мировой истории. В статье раскрыто и значение идентичности в процессе социального диалога. На фактах из жизни А.С. Пушкина и М.И. Цветаевой показано, как структура идентичности влияет на готовность и неготовность к личностной трансформации под воздействием внутреннего конфликта. Выдвинута гипотеза о том, что эффективность диалога зависит от способности участников интегрировать новые ценности в свою идентичность без разрушения ее основ. Обосновывается, что одной рито-

рической установки на медиацию недостаточно для преодоления глубоких социальных разделений, анализируются социальные условия реализации медиационных процессов (наличие общей культурной основы, существование формальных площадок для диалога, развитая правовая система, гибкость властных структур и т.д.). В заключение автором поставлен вопрос о принципиальной возможности создания эффективных механизмов социального диалога в современных условиях глобализации и информационного общества.

Ключевые слова: социальная философия, теория диалога, социальная трансформация, перформативы, перформативные высказывания, аргументы, медиация, социальность, история, Россия, модерн, реальность, идентичность.

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН.

rozinvm@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-4025-2734>

Для цитирования: *Розин В.М.* Социальный диалог как проблема и условие медиации // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 65–80. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-65-80

Social Dialogue as a Problem and Prerequisite for Mediation

V.M. Rozin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article examines the efficacy of social dialogue as a mechanism for addressing societal issues. While social dialogue was once viewed with great optimism, its effectiveness has waned in recent years, despite participants employing various persuasive strategies. The study distinguishes between two forms of dialogue: formal and substantive (productive), emphasizing that only the latter genuinely catalyzes shifts in participants' perspectives. By analyzing historical examples and contemporary cases, the study identifies key factors that influence the success of social communication. Employing J.L. Austin's speech act theory, the article frames dialogue not merely as an exchange of information but as a form of social action, where the utterances of participants are performative, possessing the power to directly transform social reality. A historical case study is presented, examining the dialogue between Western-oriented Russian liberals who

viewed their nation as socially and economically backward, and thinkers who challenged this assessment, perceiving Russia's unique spiritual potential to address pan-European challenges. The statements of P.Ya. Chaadaev and F.M. Dostoevsky are analyzed as performative acts that shaped a new vision of Russia's role in world history. Additionally, the author explores the role of identity in social dialogue, showing through examples from the lives of A.S. Pushkin and M.I. Tsvetaeva how identity structures can influence one's openness or resistance to personal transformation in the face of internal conflict. The study hypothesizes that dialogue effectiveness correlates with participants' ability to integrate new values into their identity without compromising its core. Furthermore, the author argues that rhetorical commitment to mediation alone is insufficient for bridging deep social divides and examines the historical social conditions required for effective mediation, such as a shared cultural foundations, formal dialogue platforms, robust legal frameworks, and flexible power structures. In conclusion, the author considers the question of whether it is inherently possible to create effective mechanisms for social dialogue under the current conditions of globalization and information society.

Keywords: social philosophy, theory of dialogue, social transformation, performatives, performative utterances, arguments, mediation, sociality, history, Russia, modernity, reality, identity.

Vadim M. Rozin – D.Sc. in Philosophy, Professor, Chief Research Fellow at the Department of Interdisciplinary Problems in the Advance of Science and Technology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

rozinvm@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-4025-2734>

For citation: Rozin V.M. (2024) Social Dialogue as a Problem and Prerequisite for Mediation. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 65–80. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-65-80

В прошедшие десятилетия на социальный диалог возлагали большие надежды. Например, С. Бенхабиб пишет: «Глобальную цивилизацию, в которой примут участие граждане мира, – нужно будет возвращать из местных привязанностей; из содержательных культурных споров; из переосмысления “нашей” идентичности; из привычки к демократическому экспериментированию с устройством и переустройством институтов. <...> Ведение комплексных культурных диалогов в условиях глобальной цивилизации – это теперь наша судьба» [Бенхабиб 2003, 220, 222]. Однако в последние годы, с начала периода социальных конфликтов и войн,

политологи и социальные ученые стали сомневаться в эффективности социальных диалогов. Не исключение и автор настоящей статьи. Возникает вопрос о том, при каких условиях социальный диалог может быть действительно эффективным инструментом решения общественных проблем

Два типа социального диалога

Анализируя современные социальные взаимодействия, можно выделить два типа диалога: формальный и содержательный (продуктивный). Формальный диалог характеризуется соблюдением внешних признаков диалогического дискурса, но отсутствием реальных изменений во взглядах и позициях участников. В отличие от формального, содержательный диалог приводит к изменению взглядов участников, иногда даже кардинальному. Он предполагает готовность к пересмотру собственной позиции и возможность достижения компромисса или нового понимания проблемы.

Иллюстрацией формального диалога может служить наблюдаемая автором статьи дискуссия в Telegram-сообществе последователей Г.П. Щедровицкого, у которого автор в молодости учился. По сути, этот диалог вполне можно считать социальным, поскольку участники разделились на две группы, имеющие противоположные взгляды на происходящие в стране и мире социальные события (СВО, политику США, Китая, стран Юга и др.). Они публично высказывают свои убеждения, стараются их обосновать, склонить оппонентов к тому, чтобы изменить свои взгляды. Несмотря на общий методологический бэкграунд и апелляцию к одним и тем же текстам Щедровицкого, группы не могут прийти к согласию или изменить свои позиции. Администратор Telegram-чата, выражая свое отношение к происходящему в беседе с автором, признает, что такая ситуация не приносит ему удовольствия, но он не желает прекращать дискуссию «волевым образом». По мнению администратора, если заинтересованные лица уже погрузились в эту тему с подачи участницы, являющейся страстной защитницей СВО и российского правительства, то представители разных позиций должны научиться вести диалог, не избегая острых углов и одновременно сохраняя уровень методологической дискуссии. Администратор признался, что в некоторые моменты участники, имеющие разные мнения, были близки к этому и даже пришли к пониманию определенных норм

коммуникации. Однако периодически разговор «срывается», требуя «ручного управления». Он обращает внимание на то, что действительно защищает российскую традицию, но не считает, что она сводится к тоталитаризму. По его мнению, тоталитаризм – крайний случай, наблюдавшийся в периоды правления Ленина и Сталина, но в целом «русская модель управления» представляет собой более сложное явление. Администратор выражает мнение относительно того, что именно «авторитарные» Россия, Китай и другие страны мирового большинства через такие объединения, как БРИКС и ШОС, в настоящее время продвигают процесс формирования нового, более справедливого мирового порядка. Согласно позиции администратора, стремление разьяснять противоположные подходы, искать общие точки соприкосновения, примирять противоположные взгляды на происходящее и должно проявляться в том, чтобы уметь мирно сосуществовать и коммуницировать даже с людьми, крайне идеологически ангажированными.

Но представители другой группы именно эти убеждения администратора критикуют и отвергают, выставляя противоположные оценки происходящего. Интересен и тот факт, что обе группы, доказывая правильность своих убеждений, апеллируют к текстам Щедровицкого, часто одним и тем же, и в целом мыслят логично и убедительно. Однако не убеждают оппонентов. Участники обеих групп остаются при своем мнении. И, видимо, укрепляются в нем и, пребывая в споре, лучше понимают (но не принимают) взгляды оппонентов. Как такое может быть, учитывая, что участники сайта имеют общий образовательный и культурный бэкграунд, считают себя методологами, последователями Московского методологического кружка (ММК), созданного Щедровицким? Возникает вопрос о факторах, которые могли бы способствовать переходу от формального к содержательному диалогу.

Условия эффективного социального диалога

Анализ различных форм социального взаимодействия позволяет выделить ряд ключевых условий, необходимых для осуществления эффективного, содержательного диалога.

Первым и базовым условием продуктивного диалога являются свобода выражения мнений и наличие разнообразия взглядов среди участников. Без этого диалог теряет смысл, превращаясь в монолог или формальное согласие с доминирующей позицией.

Речь идет не только о формальной возможности высказываться, но и о готовности участников действительно слушать и рассматривать альтернативные точки зрения.

Второе значимое условие – ощущение участниками диалога принадлежности к некоей социальной, культурной или идейной общности. Эта общность может варьироваться: от семьи или рабочего коллектива до нации или даже человечества в целом. Чувство общности создает базу для взаимопонимания и мотивацию к поиску общих решений, несмотря на разногласия. В случае с методологами из Telegram-сообщества такой общностью выступает их принадлежность к школе Щедровицкого. Однако, как подтверждает практика, этой общности оказывается недостаточно для преодоления глубоких идеологических разногласий.

Третье и, возможно, наиболее сложное условие – готовность участников диалога к изменению своей идентичности. Под идентичностью в данном случае мы понимаем не только самоопределение человека, но и в целом комплекс его жизненных установок, ценностей и практик. Готовность к изменению идентичности предполагает открытость к пересмотру фундаментальных аспектов собственного мировоззрения и образа жизни. Это условие видится особенно важным в ситуациях, в которых предмет диалога связан с глубокими социальными или политическими разногласиями. Возвращаясь к примеру методологов, можно предположить, что одной из причин неэффективности их диалога служит неготовность участников к пересмотру своей идентичности. Для одной группы изменение взглядов на происходящие события может означать разрыв с государственной идеологией, что влечет за собой существенные жизненные изменения. Для другой – смена позиции может потребовать пересмотра своих этических принципов и отношения к происходящему в стране.

Эффективный социальный диалог требует не только формальных условий для обмена мнениями, но и глубокой внутренней готовности его участников к изменениям. Именно это значительно и осложняет задачу организации такого диалога в современных условиях, особенно если речь идет о вопросах, затрагивающих фундаментальные аспекты жизни общества и личности.

Перформативная природа диалога

Диалог – это не просто обмен информацией, а форма социального действия, способная оказывать влияние на участни-

ков и окружающую действительность. Британский философ Дж.Л. Остин в своей теории речевых актов выделил особый класс высказываний – перформативы [Остин 1986]. В отличие от констатирующих высказываний, которые описывают реальность, перформативы являются действиями, изменяющими социальную реальность¹. Например: «Я объявляю вас мужем и женой». Это предложение не просто описывает ситуацию, а создает новую социальную реальность.

В контексте социального диалога перформативность проявляется в том, что каждое высказывание участника – это не только выражение мнения, но и попытка воздействия на оппонента и ситуацию в целом. Участники диалога стремятся и выразить свою позицию, и изменить видение реальности у других участников, склонить их к собственной точке зрения или найти компромисс. Такое воздействие может иметь существенные последствия. В случае обсуждения острых социально-политических вопросов изменение позиции может потребовать от человека пересмотра не только взглядов, но и образа жизни, круга общения, отношений с государством и обществом.

Учитывая перформативную природу диалога, можно выделить ряд средств, которые используют участники для достижения своих целей. Среди них – вопрошание (использование вопросов для стимулирования рефлексии у оппонента), схематизация (представление информации в виде схем и моделей, что само по себе служит формой воздействия на восприятие реальности), нарративы (использование историй и примеров для иллюстрации своей позиции и эмоционального воздействия), эмоциональное давление (апелляция к чувствам и ценностям оппонента), логическая аргументация (использование рациональных доводов и фактов). Эффективность этих средств зависит от готовности участников к изменениям и социального контекста диалога.

---

¹ Американский профессор антропологии А. Юрчак объясняет: «Высказывания – это динамические процессы, смысл которых создается и реинтерпретируется в процессе речи, практики и ритуалов. <...> ...язык включает в себя и категорию высказываний, которые не конструируют уже существующие факты, а создают новые – т.е. не отражают существующую социальную реальность, а что-то в ней изменяют <...> опираясь на эту идею, мы будем впредь говорить о констатирующей и перформативной составляющих конвенциональных высказываний и ритуализированных актов...» [Юрчак 2022, 62, 63–64, 69–70]

Перформативную природу диалога точно передает исторический пример социального диалога между либеральной общественностью, ориентированной на Запад, и такими мыслителями, как П.Я. Чаадаев² и Ф.М. Достоевский, не согласными с этой оценкой либералов, а наоборот, видящими в России духовный потенциал, позволяющий решить многие, даже европейские проблемы. Чаадаев и Достоевский в своих работах не просто выражали мнение, но создавали новую реальность, в которой Россия обладала особой духовной миссией. Их высказывания, согласно концепции Остина, можно классифицировать как перформативные. Они не столько описывали существующее положение в стране, сколько формировали новый взгляд на роль России в мире.

В одном из писем Тургеневу 1835 года Чаадаев выражает собственное видение особой роли России в мировой истории. Он пишет о том, что Провидение создало россиян «слишком великими, чтобы быть эгоистами», поставив их вне интересов отдельных национальностей и поручив им интересы всего человечества. Чаадаев утверждает: «Мы призваны обучить Европу множеству вещей, которых ей не понять без этого» (цит. по: [Зеньковский 1948, 177]). Он выражает уверенность относительно того, что наступит день, когда Россия станет «умственным средоточием Европы», видя в этом логичный результат «долгого одиночества» страны (цит. по: [Зеньковский 1948, 177]). В неоконченном произведении «Апология сумасшедшего» (1837) Чаадаев развивает свою мысль, утверждая, что россияне призваны «решить большую часть проблем социального порядка» и «ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество» [Чаадаев 1991, 534].

Достоевский в «Дневниках писателя» за 1880 год продолжает и углубляет идеи Чаадаева. Он отвергает возражения против тезиса о том, что «нищая земля наша, может быть, в конце концов, скажет новое слово миру». Писатель считает несостоятельным аргумент о необходимости предварительного экономического, научного и гражданского развития России перед тем, как она сможет претендовать на особую роль в мире. Достоевский утверждает, что русский народ обладает уникальным духовным единством: «Наша нищая неурядная земля, кроме высшего слоя своего, вся сплошь как один человек. Все восемьдесят миллионов ее населения представляют собою такое духовное единение, какого, конечно, в Европе нет нигде и не может быть» [Достоевский 1995, 419–420]. На основании изложенного он отвергает характеристику России

---

² Следует отметить, что в ранний период Чаадаев был ближе к условному либеральному лагерю (условному, поскольку ряд характеристик «либерального» и «нелиберального» пересекаются).

как «неурядной» или «нищей»). В противовес этому Достоевский рисует картину Европы, стоящей на грани глубокого кризиса: «...в Европе, в этой Европе, где накоплено столько богатств, все гражданское основание всех европейских наций – все подкопано и, может быть, завтра же рухнет бесследно на веки веков» [Достоевский 1995, 419–420]. Писатель выражает уверенность в том, что материальное богатство не спасет Европу от падения. Писатель призывает к самобытному развитию России, отвергая идею слепого копирования европейского устройства. Он ставит риторический вопрос: «Неужели и тут не дадут и не позволят русскому организму развиваться национально, своей органической силой, а непременно обезличенно, лакейски подражая Европе?» [Достоевский 1995, 419–420]

Это именно диалог и социальный, хотя оппоненты не названы в лицо и присутствуют виртуально, но подобная ситуация чаще всего и складывается в социальном общении. Интересен и вопрос о том, что собой представляют аргументы в таком диалоге. В данном случае они не являются научными, хотя и не менее убедительны в плане воздействия. Оба великих мыслителя обращаются к обыденному сознанию и чувству достоинства россиянина. Обращаются, создавая схему, погружающую читателя в новую реальность, в которой Россия возведена на большую духовную высоту. Участники этого диалога активно формируют новую социальную реальность через свои высказывания.

Трансформация под влиянием диалога и устойчивость к изменениям

Вместе с тем наблюдения показывают, что на одних участников социального диалога перформативные высказывания влияют, а на других – не влияют, они ко всем этим аргументам глухи. Рассмотрим в связи с изложенным выше два кейса: социальный диалог А.С. Пушкина с друзьями, заставивший великого поэта кардинально пересмотреть свою жизнь, и диалог М.И. Цветаевой с критиками ее образа жизни, не повлиявшими на нее.

Примерно до 30-х годов XIX века Пушкин придерживался образа не только первого в России поэта, но и отчасти циника, игрока в карты и кости, победителя женщин. Его друзья, особенно Чаадаев, оценивали второй аспект этого образа крайне негативно, призывали поэта измениться, в том числе считая, что Бог возложил на него социальную миссию – помочь России. В 1825–1826 годах в письмах к П.А. Вяземскому Пушкин демонстрирует циничное отношение к морали и жизненным ситуациям. Он без стеснения обсуждает личные проблемы и просит помощи в щекотливых ситуациях, признавая, что в некоторых

случаях приходится действовать вопреки совести (см., например: [Пушкин 1937, 137, 144–145]). Чаадаев, напротив, в обращениях к Пушкину всерьез обеспокоен поведением друга. Он призывает поэта осознать свое высокое призвание и использовать талант на благо России. Чаадаев убежден в том, что Пушкин может принести огромную пользу стране, и настойчиво просит его не изменять своему предназначению [Пушкин 1941, 44, 394].

На рубеже 20-х и 30-х годов XIX века, в том числе под влиянием этого диалога, Пушкин переживает духовный переворот и кардинально перестраивает собственную жизнь в направлении, указанном Чаадаевым. Я.А. Гордин пишет, что к 1831 году у Пушкина сформировалась четкая тактическая программа, направленная на ограничение самодержавия и бюрократической аристократии в пользу просвещенного родового дворянства [Гордин 1974, 46]. Для ее реализации поэт создает такие произведения, как «Борис Годунов», «Медный всадник», «Капитанская дочка», «История Пугачева», работает над «Историей Петра». Причины изменения образа жизни и взглядов Пушкина сложно определить однозначно. Вероятно, это произошло под влиянием собственной рефлексии, социального диалога и жизненных обстоятельств [Розин 2009]. Трансформации сознания Пушкина способствовали, скорее, его творчество и поэтическое кредо, в которых он провозглашал принципы свободы, чести, любви к родине и людям. Эти идеалы неизбежно входили в противоречие с жизнью Александра Сергеевича, что, возможно, и стало побудительной силой изменений.

История М.И. Цветаевой представляет собой иной пример реакции на социальный диалог. В голодные 20-е годы XX века в Москве Цветаева, одержимая стремлением свободно заниматься творчеством, отдала собственных детей в кунцевский приют, заявив о том, что они не ее. Младшая дочь Ирина впоследствии заболела и умерла в трехлетнем возрасте в приюте, и мать не присутствовала на похоронах³. Этот эпизод из жизни поэтессы до сих пор вызывает бурные обсуждения среди интересующихся ее творчеством и личностью. Цветаева, отвечая на критику, занимала позицию, согласно которой, во-первых, она «не могла» поступить иначе; во-вторых, и это главное, великие поэты не подвластны мнению толпы и находятся вне общепринятых норм нравственности. В дневнике Цветаева признавалась, что никогда по-настоящему не любила Ирину, воспринимая ее как «существо без будущего». Она описывала свое отношение к смерти дочери

³ О жизни М.И. Цветаевой см.: *Кирьянова А.* Две души Марины Цветаевой // Проза.ру. 2006. – URL: <https://www.proza.ru/2006/08/10-105>.

как нереальное событие, объясняя свое отсутствие на похоронах не равнодушием, а неспособностью присутствовать: «Бог, видящий мое сердце, знает, что я не от равнодушия не поехала тогда в приют проститься с ней, а от того, что не могла. <...> Ирина! Если есть небо, ты на небе, пойми и прости меня, бывшую тебе дурной матерью, не сумевшую перебороть неприязнь к твоей темной непонятной сущности» [Цветаева 2002, 85].

В работе «Искусство при свете совести» Цветаева развивает идею о том, что художественное творчество требует «атрофии совести». Она утверждает, что это – «тот нравственный изъян, без которого ему, искусству, не быть» [Цветаева 2019, 48], а также рассматривает это как «исключение в пользу гения», считая, что искусство и гений находятся вне обычных нравственных законов. К тому же сравнивает состояние творчества с состоянием сновидения, в котором человек может совершать поступки, неприемлемые в обычной жизни. Цветаева настаивает на том, что эти поступки служат проявлением полной свободы, «поступок тебя без совести, тебя – природы» [Цветаева 2019, 60]. Она проводит параллель между поэтом и ребенком: «Часто сравнивают поэта с ребенком по примете одной невинности. Я бы сравнила их по примете одной безответственности. Безответственность во всем, кроме игры» [Цветаева 2019, 65]. Тем самым поэтесса подчеркивает свое убеждение в том, что творческая деятельность требует особого отношения к нравственным нормам и ответственности.

Цветаева отвергала обвинения в эгоизме и психической ненормальности. В отличие от Пушкина, она не пересматривала собственную жизнь под влиянием социального диалога. Причина этого прослеживается не только в ее самовосприятии как великого поэта, но и в особенностях ее личности [Розин 2012]. Цветаева отождествляла себя с гениями, прислушивалась в основном к себе, а не к окружающим, и не была способна изменить свою жизнь: пойти работать, уделить больше внимания детям за счет творчества или адаптироваться к советской действительности, в которую она в 1939 году вернулась из эмиграции.

Анализ исторических примеров из жизни и творчества Пушкина и Цветаевой направляет нас к гипотезе о том, что социальный диалог воздействует только на такую личность, для которой характерна определенная идентичность. Идентичность Пушкина включала в себя не только роль первого поэта России, но и глубокую связь с друзьями, в частности с Чаадаевым, и чувство ответственности перед Россией. В дневнике 1821 года Пушкин писал о Чаадаеве: «Твоя дружба мне заменила счастье, одного тебя может любить холодная душа моя» [Пушкин 1949, 303]. Эта многогранная идентичность создавала основу для внутреннего

конфликта между образом жизни молодого Пушкина и его более глубокими устремлениями, развития внутриличностного конфликта, что в итоге привело к трансформации. Идентичность Цветаевой, напротив, сосредоточена преимущественно на ее роли поэта и творца. Она отождествляла себя с гениями, которые, по ее мнению, стоят вне общепринятых норм морали. Такая идентичность была настолько сильной, что Цветаева не могла или не хотела прислушиваться к мнению окружающих, если оно противоречило ее самовосприятию. Критика ее поступков воспринималась не как повод для рефлексии, а как непонимание особой природы творческой личности.

Возвращаясь к примеру интернет-сообщества методологов, можно предположить следующее: их неспособность к продуктивному диалогу связана со стремлением отрицать то, что может нарушить согласованность того, с чем они себя идентифицируют. Для одной группы идентичность тесно связана с поддержкой государственной политики, Россию они воспринимают как империю. Для другой – развитие наследие Щедровицкого не связано с защитой интересов российского государства, и эти государственные интересы они не ассоциируют с империей. Изменение позиции в данном случае требует не просто пересмотра отдельных идей, а трансформации базовых основ самовосприятия и образа жизни.

Проведенный анализ подводит нас к важному выводу: эффективность социального диалога во многом зависит от структуры идентичности его участников. Трансформация личности происходит, если изменение взглядов позволяет разрешить внутренние противоречия, а не обостряет их, если новые установки могут быть интегрированы в комплекс ценностей, с которыми себя идентифицирует индивид.

Социальные условия реализации медиационных процессов

Анализируя проблему эффективности социального диалога, необходимо учитывать реальный характер социальности, в которой он происходит. Социальная среда может и способствовать трансформации сознания участников диалога, и препятствовать ей.

Показательным примером социальности, ориентированной на медиацию, может служить инаугурационная речь Дж. Байдена в 2021 году. В своем выступлении Байден сделал акцент на необходимости объединения американского общества. Он призвал соотечественников к борьбе с такими общими «врагами», как гнев, обида, ненависть, экстремизм, беззаконие, насилие, болезни, безработица и безнадежность. Байден особое внимание обратил на роль взаимного уважения и понимания между гражданами,

призвал к прекращению «негражданской войны» между различными социальными и политическими группами. Он обещал быть президентом для всех американцев, независимо от их политических предпочтений⁴.

Несмотря на эти призывы к единству и медиации, в действительности ситуация в американском обществе остается сложной. Страна по-прежнему разделена по многим линиям: сторонники Трампа противостоят сторонникам Байдена, республиканцы – демократам, истеблишмент – среднему классу, левые – правым, богатые – бедным, мигранты – коренному населению. Это противостояние демонстрирует то, что одной лишь риторической установки на медиацию недостаточно для достижения общественного согласия.

Данная ситуация подводит нас к гипотезе, в соответствии с которой становится очевидным, что для эффективности социального диалога требуются социальные условия, выходящие за рамки призывов к единству и взаимопониманию. Анализ индивидуальных факторов, влияющих на эффективность диалога, говорит о необходимости рассмотрения более широкого социального контекста. История предоставляет нам примеры обществ, в которых социальный диалог играл значительную роль в решении общественных проблем. Попытаемся определить в этом контексте, какое место занимал такой диалог в средневековой Европе.

В становлении средневековой социальности можно выделить два этапа. На первом этапе (примерно до X–XII веков) формировались основные средневековые «коллективы»: христиане, сообщества, связанные отношениями «сюзерен – вассал», королевская власть (часто описываемая принципом «первый среди равных») и горожане (ремесленники, купцы). На втором этапе начался процесс трансформации этих коллективов в более крупные социальные образования, которые в перспективе привели к формированию национальных государств, абсолютной власти и элементов капитализма [Розин 2019, 145]. В этот период, несмотря на существование различных социальных групп с разными интересами, сохранялось общее понимание принадлежности к христианскому миру. Это создавало основу для диалога между различными слоями общества.

Ключевую роль в организации социального диалога в средневековой Европе играла политика – практика обсуждения общих дел и коллективного принятия решений. Ее реализация происходила через такие институты, как «королевский совет», «парламент»,

⁴ Речь Джозефа Байдена на инаугурации // ТАСС. 2021. 20 января. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10509883>.

«генеральные штаты». Перечисленные институции включали в себя представителей различных сословий и специалистов, в том числе из университетов. В кризисных ситуациях голос короля уже не был решающим, он становился одним из участников общего обсуждения [Неретина 2012, 129]. Это создавало пространство для реального диалога и поиска компромиссов.

Другим важным фактором было развитие права. Конфликт между папством и светской властью привел к формированию канонического права, а затем и светского права. Например, Вормский конкордат 1122 года стал результатом компромисса между императором и папой, разграничив их полномочия [Берман 1998, 104].

Вызовы времени создавали ряд линий напряжения, необходимость разрешения которых становилась пусковым механизмом новых социальных процессов [Розин 2019, 145, 146, 148, 151]. Определению подобных «посылов» и формированию социальных процессов способствовали социальные диалоги. Приведенный материал из истории средневековой Европы, может показаться кому-то неактуальным сегодня, в ходе завершения модерна и становления «фьючекультуры». Однако есть и те, кто, как Н.А. Бердяев и У. Эко, полагают, что наступает «новое Средневековье».

* * *

Рассмотренные кейсы показывают, что для эффективного социального диалога необходимы институциональные условия: наличие общей культурной или идеологической основы, существование формальных площадок для диалога, участие в диалоге представителей различных социальных групп, развитая правовая система, обеспечивающая рамки для разрешения конфликтов, гибкость властных структур, готовность участников социального диалога к компромиссам и личностной трансформации. Многие из этих условий сегодня отсутствуют или ослаблены. Общая культурная основа часто размыта, формальные площадки для диалога не всегда эффективны, а правовые системы не всегда способны адекватно реагировать на новые вызовы.

Такая ситуация ставит перед нами ряд вопросов. Как в современных условиях создать социальные механизмы, способствующие эффективному диалогу? Возможно ли в эпоху глобализации и информационных технологий воссоздать условия, которые делали диалог продуктивным в прошлом? Учитывая, что мы живем в эпоху перемен и двойного перехода от модерна к «фьючекультуре», социальный диалог, с одной стороны, идет достаточно интенсивно, но с другой – проблематичен в плане эффективности. Поэтому нужно создавать условия для повышения эффективности диалогического общения, которое рано или поздно будет

востребовано обществом. Все эти вопросы, естественно, требуют дальнейшего исследования и обсуждения.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бенхабиб 2003 – *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2003.

Берман 1998 – *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова; Инфра-М, Норма, 1998.

Гордин 1974 – *Гордин Я.А.* Годы борьбы: документальная повесть // Звезда. 1974. № 6. С. 20–85.

Достоевский 1995 – *Достоевский Ф.М.* Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 14. – СПб.: Наука, 1995. С. 416–424.

Зеньковский 1948 – *Зеньковский В.В.* История русской философии. – Париж: YMCA Press, 1948.

Неретина 2012 – *Неретина С.С.* Воскресение политической философии и политического действия. Парижское восстание 1356–1358 гг. – М.: Голос, 2012.

Остин 1986 – *Остин Дж.Л.* Слово как действие / пер. с англ. А.А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов / под общ. ред. Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.

Пушкин 1937 – *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 13. Переписка. 1815–1827 / ред. Д.Д. Благой. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. С.

Пушкин 1941 – *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 14. Переписка. 1828–1831 / общ. ред. Н.В. Измайлов. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941.

Пушкин 1949 – *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 12. Критика. Автобиография / общ. ред. В.В. Гиппиус, Б.В. Томашевский, Б.М. Эйхенбаум. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.

Розин 2009 – *Розин В.М.* Две жизни Александра Сергеевича Пушкина // *Розин В.М.* Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. – М.: Либроком, 2009. С. 108–127.

Розин 2012 – *Розин В.М.* Личность и трагедия Марины Цветаевой // *Филология: научные исследования.* 2012. № 2. С. 43–52.

Розин 2019 – *Розин В.М.* Становление и развитие европейской социальности: этюды-исследования. Кн. 1. Древний мир и Средние века. – М.: URSS, 2019.

Цветаева 2002 – *Цветаева М.И.* Неизданное. Записные книжки: в 2 т. Т. II: 1919–1939. – М.: Эллис Лак, 2001.

Цветаева 2019 – *Цветаева М.И.* Искусство при свете совести // *Цветаева М.И.* О литературе и искусстве. – М.: Юрайт, 2019. С. 42–68.

Чаадаев 1991 – *Чаадаев П.Я.* Апология сумасшедшего // *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1 / отв. ред. З.А. Каменский. – М.: Наука, 1991. С. 523–538.

Юрчак 2022 – Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – М.: Новое литературное обозрение, 2022.

REFERENCES

Benhabib S. (2003) *The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era* (V.L. Inozemtsev, Ed. & Trans.). Moscow: Logos (Russian translation).

Berman H.J. (1998) *Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition*. Moscow: Lomonosov Moscow State University; Infra-M; Norma (Russian translation).

Dostoevsky F.M. (1995) Explanatory Word Regarding the Speech on Pushkin Printed Below. In: Dostoevsky F.M. *Collected Works* (Vol. 14, pp. 416–424). Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Chaadayev P.Ya. (1991) Apology of a Madman. In: Chaadayev P.Ya. *Complete Works and Selected Letters* (Vol. 1, pp. 523–538). Moscow: Nauka (in Russian).

Gordin Ya.A. (1974) Years of Struggle: A Documentary Story. *Zvezda*. No. 6, pp. 20–85 (in Russian).

Austin J.L. (1986) How to Do Things with Words (A.A. Mednikova, Trans.). In: B.Yu. Gorodetsky (Ed.) *New in Foreign Linguistics. Issue 17: Speech Act Theory* (pp. 22–129). Moscow: Progress (Russian translation).

Neretina S.S. (2012) *The Resurrection of Political Philosophy and Political Action. The Paris Uprising of 1356–1358*. Moscow: Golos (in Russian).

Pushkin A.S. (1937) *Complete Works. Vol. 13: Correspondence. 1815–1827*. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House (in Russian).

Pushkin A.S. (1941) *Complete Works. Vol. 14: Correspondence. 1828–1831*. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House (in Russian).

Pushkin A.S. (1949) *Complete Works. Vol. 12: Criticism. Autobiography*. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House (in Russian).

Rozin V.M. (2009) Two Lives of Alexander Sergeyevich Pushkin. In: Rozin V.M. *Features of Discourse and Research Samples in the Humanities* (pp. 108–127). Moscow: Librokom (in Russian).

Rozin V.M. (2012) Marina Tsvetaeva's Personality and Tragedy. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. No. 2, pp. 43–52 (in Russian).

Rozin V.M. (2019) *The Formation and Development of European Society: Research Studies. Book 1: Ancient World and Middle Ages*. Moscow: URSS (in Russian).

Tsvetaeva M.I. (2001) *Unpublished. Notebooks. Vol. 2: 1919–1939*. Moscow: Ellis Lak (in Russian).

Tsvetaeva M.I. (2019) Art in the Light of Conscience. In: Tsvetaeva M.I. *On Literature and Art* (pp. 42–68). Moscow: Yurayt (in Russian).

Yurchak A. (2022) *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (Russian translation).

Zenkovsky V.V. (1948) *History of Russian Philosophy*. Paris: YMCA Press (in Russian).

Индивидуализм и коллективизм в условиях технологического прогресса

О.В. Аксенова

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье концепты индивидуального и коллективного рассматриваются с позиций сущностных трансформаций, происходящих с индивидом как субъектом социального действия. Использована авторская концепция социального действия, согласно которой последнее является дихотомическим единством свободы и алгоритма, или действия свободного и алгоритмизированного, а его субъект представляет собой единство актора (действующего субъекта) и агента (субъекта-функции). Развертывание и снятие данного противоречия по-разному происходит на Западе и в России, которые рассматриваются как две версии современности, различающиеся степенью развитости рыночных отношений. Показано, что технологическое развитие в условиях рынка приводит к возникновению технологической системы, колонизирующей общество в целом, включая культуру. Свободное действие заменяется алгоритмизированным, что ведет к вытеснению актора субъектом-функцией. В итоге индивид редуцируется до функционального элемента технологической системы, превращается в атомизированную единицу, которая может выполнять в равной степени программу индивидуализма или коллективизма. В российском (советском) модерне, в условиях ограниченного рынка, наблюдается обратная колонизация, или симбиоз культуры и системы, которая сохраняла пространство свободного действия и актора. Диалектика индивидуализма и коллективизма в этих условиях является сложным процессом, который может включать в себя индивидуалиста, ориентированного на общее благо. Непосредственно коллективистские установки предполагают ориентацию на «хороший коллектив» и дружбу. Современные тенденции противоречивы, они включают в себя экспансию технологической системы и сохранение версий индивидуализма и коллективизма, традиционных для русского (советского) модерна. В заключение отмечается, что опыт российской модернизации имеет важное значение для нахождения баланса между индивидуальным и коллективным, алгоритмом и свободой, технологическим развитием

и сохранением человеческой индивидуальности в современных условиях глобальных трансформаций.

Ключевые слова: социальная философия, индивидуальное, коллективное, субъектность, актор, субъект-функция, технологическая система, модерн.

Аксенова Ольга Владимировна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН.

illaio@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0003-1634-7597>

Для цитирования: *Аксенова О.В.* Индивидуализм и коллективизм в условиях технологического прогресса // *Философские науки.* 2024. Т. 67. № 2. С. 81–96. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-81-96

Individualism and Collectivism in the Context of Technological Progress

O. V. Aksenova

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article explores the concepts of individualism and collectivism through the lens of fundamental transformations occurring within the individual as a subject of social action. The author introduces an original framework conceptualizing social action as a dichotomous unity of freedom and algorithm, or free and algorithmized action. Within this paradigm, the subject of social action is understood as a synthesis of actor (acting subject) and agent (subject-function). The unfolding and resolution of this contradiction manifest differently in Western and Russian contexts, which are analyzed as two distinct versions of modernity, differentiated by the degree of market relation development. It is demonstrated that technological development within market conditions engenders a technological system that colonizes society holistically, including its cultural sphere. Free action is replaced by algorithmized action, leading to the displacement of the actor by the subject-function. Consequently, the individual is reduced to a functional element of the technological system, transformed into an atomized unit capable of equally executing programs of individualism or collectivism. In contrast, Russian (Soviet) modernity, characterized by a limited market, exhibits a reverse colonization, or symbiosis, between culture and system, which preserves a space for free action and the actor. Under these circum-

stances, the dialectic of individualism and collectivism becomes a nuanced process, potentially encompassing individualists oriented toward the common good. Collectivist orientations emphasize alignment with a “good collective” and the value of friendship. Contemporary trends are marked by contradictions, as the expansion of the technological system coexists with the persistence of individualism and collectivism rooted in Russian (Soviet) modernity. The article concludes by suggesting that the Russian experience of modernization offers valuable insights into achieving a balance between individualism and collectivism, algorithm and freedom, technological development and the preservation of human individuality under current conditions of global transformations.

Keywords: social philosophy, individual, collective, subjectivity, actor, subject-function, technological system, modernity.

Olga V. Aksenova – D.Sc. in Sociology, Chief Research Fellow, Head of the Center for the Study of Russia’s Regions, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

illaio@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0003-1634-7597>

For citation: Aksenova O.V. (2024) Individualism and Collectivism in the Context of Technological Progress. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 81–96.

DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-81-96

Введение

Настоящая работа основана на осмыслении применительно к индивидуальному и коллективному многолетних исследований социального действия и его субъекта в России и на Западе¹. В ходе этих исследований было обнаружено парадоксальное присутствие свободы действия, а соответственно, самостоятельного действующего субъекта в России и Советском Союзе, и не менее парадоксальное его превращение в функциональный элемент технологической системы на Западе. Их итогом стала авторская концепция, основанная на интерпретации социального действия как единства свободы и алгоритма, а соответственно, его субъекта

---

¹ Имеются в виду эмпирические исследования автора, осуществлявшиеся на Западе (Нидерланды) и в России, а также ретроспективный анализ советской модернизации. Основные результаты содержатся в двух монографиях [Аксенова 2016; Социокультурные основания... 2022] и ряде статей.

как актора и агента (субъекта-функции)². Она позволяет рассмотреть противоречие индивидуального и коллективного с позиций изменения субъектности индивида и в итоге трансформации его самого. Импульсом к размышлениям об индивидуальном и коллективном послужили научная конференция «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе»³ и статья А.П. Давыдова, в которой автор обобщил подходы к изучению данного предмета и предложил собственное видение индивидуализации социального, а также идею «социально ориентированного индивида» [Давыдов 2023].

Коллективное и индивидуальное в социологии относятся к ключевым параметрам различия традиции и модерна в историческом измерении и при исследовании современности. Модернизация есть одновременно индивидуализация общества, переход от традиционного общинного (в широком смысле данного термина) устройства к сложному взаимодействию индивидов. Данный процесс осмыслен и исследован западными и российскими социологами с самых разных ракурсов, включая создаваемые им риски [Бауман 2005; Бауман 2008; Beck, Beck-Gernsheim 2008]. В России, где этот процесс запаздывал, его чаще всего связывают с советской индустриализацией [Черныш 2022]. Дихотомические полюса коллективизма и индивидуализма используются в цивилизационных исследованиях в том же значении. Как отмечает В.И. Пантин, исходят из того, что исторически «в восточных цивилизациях доминируют коллективизм, корпоративизм и клановость, в западных – индивидуализм и персональная ответственность» [Пантин 2021, 26]. Россию в этих координатах принято размещать ближе к Востоку, она ориентирована на коллективизм, исторически основанный на крестьянской общине

---

² Категория актора основана на концепте действующего субъекта А. Турена, который он использовал при описании социальных движений «длинных шестидесятых». По мнению социолога, они были способны изменять социальную реальность в соответствии с собственными ценностями [Турен 1998]. Однако в данном случае речь идет о полюсе дихотомии, о субъекте, способном самостоятельно мыслить, принимать решения и действовать. Субъект-функция лишь исполняет программу, последовательность действий которой не может быть нарушена.

³ Конференция «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе» (Москва, май 2024 года) подготовлена Отделением общественных наук РАН, Институтом социологии ФНИСЦ РАН, Институтом философии РАН и Институтом психологии РАН к 300-летию Российской академии наук и 95-летию со дня рождения А.С. Ахиезера.

и православной соборности, хотя процессы индивидуализации в ней очевидны и общепризнаны. Западный индивидуализм и российский коллективизм стали практически аксиомами во всех видах дискурса, включая бытовой и литературный, независимо от коннотаций, которые часто изменяют знаки.

Однако аксиоматическая устойчивость понимания коллективного и индивидуального как маркеров русской традиции (и даже архаики) и западного прогресса вызывает сомнения, если обратить внимание на главный элемент обоих феноменов, на индивида. Во всех трактовках диалектического единства коллективного и индивидуального индивид выступает своего рода константой. Во-первых, он *homo sapiens sapiens* с его биологически детерминированными способностями мыслить нетривиально; во-вторых, он личность с непостижимым «нравственным законом внутри», согласно известному императиву Канта. Он также уникальная индивидуальность с неповторяющимся набором качеств. Индивид избавляется от ограничений коллектива и обретает свободу воли, ответственность. Различия в многочисленных трактовках категории личности в данном случае не настолько важны, значимым является ее сложность, присутствующая в любом из концептов, наличие свойств, не поддающихся четкому определению.

Но нет рациональных оснований для уверенности в том, что все перечисленное неизменно, а изменчива лишь степень индивидуализма. В этой связи важно понять, что собой представляет индивид, предпочитающий атомизацию и самость или, наоборот, включенность в коллектив, на Западе и в России. Запад и Россия в данном случае рассматриваются как исторически разные версии современности, в основании которых находится прежде всего разная степень развития рыночных отношений. Почему в одной из них он стойко атомизируется, а в другой – упрямо держится за коллектив и держится ли в действительности?

Утрата субъектности и исчезающая индивидуальность

Индустриальное развитие и технологический прогресс существенным (точнее, сущностным) образом изменяют человека. Эта трансформация отчасти отражена в исследованиях феномена отчуждения, но более точно и полно в других явлениях, в редукции личностной сложности в технологической системе, которую обнаружил Ж. Эллюль [Ellul 1980], а также

в утрате субъектности, зафиксированной в теории акторских сетей Б. Латура и М. Каллона [Latour 2005; Callon 1987].

В технологической системе, которая, согласно Эллюлю, тотальна и поглощает общество высокого модерна, сливаясь с его культурой, индивид превращается не просто в винтик индустриальной машины, но в формализованный элемент системы, лишенный индивидуальности и редуцированный к функции. Любое его действие сведено к заданной извне последовательности шагов, т.е. к программе, алгоритму, пошаговой инструкции. Колонизация общества технологической системой означает, что алгоритмизируются сферы жизни человека, включая самые интимные. Необходимо уточнить, что алгоритм как заданная, четко определенная последовательность шагов есть имманентная составляющая любого действия, а то, что Эллюль называет системой, со всеми ее структурными и функциональными элементами, сетями связей – своего рода скелет любого социума. Но на определенном этапе развития последнего технологический скелет замещает весь организм. Об опасности технократической, инструментальной оккупации жизненного мира писали также другие исследователи [Хабермас 1993; Бауман 2004; Risk, Environment... 1996].

Субъектность в технологической системе переходит к самой системе. Индивид субъектность теряет, если только не определить ее иным образом, что и делает Б. Латур. Он наделяет равной субъектностью все без исключения элементы технологической цепочки. По сути, она сведена к необходимости каждого из элементов для осуществления того или иного технологического процесса, точнее, любого процесса, если под технологией понимать последовательность операций, а не технические инновации и их производство. Если убрать хотя бы что-то одно, вся цепочка развалится. Но равенство инженера и бетономешалки означает отсутствие субъектности у инженера, а не ее присутствие у бетономешалки. Технологическая система не использует и биологические способности мыслить нетривиально, следовательно, образовательная система их не развивает.

Индустриальный прогресс, действительно, дал невиданную ранее свободу индивиду, а вместе с ней индивидуальную ответственность, и он же их минимизировал до невиданных ранее пределов, как будто следовал диалектике отрицания. Специализация в мануфактуре, затем в промышленном производстве формализует (и отчуждает) простой труд. Далее этот процесс

распространяется на сложное действие и в итоге на всё, включая науку, которая пока еще служит последним рубежом сопротивления, но сдает позиции. По мнению Ж. Эллюля, коллективный разум успешно заменяет разум индивидуальный. События на АЭС «Фукусима-1» показали, что такая замена не особенно успешна, а отсутствие субъектности у оператора может привести к катастрофическим последствиям в непредсказуемых ситуациях, в которых инструкция бесполезна [Аксенова 2016, 202–209]. Однако в данном случае важен факт замены, неизбежный в условиях глубокой специализации.

Утрата субъектности и сведение человека даже не к роли, а к функции радикально трансформирует индивида. Можно предположить, что нравственный закон, индивидуальные качества, жизненные принципы и цели в человеке сохраняются, равно как и биологическая способность мыслить нетривиально. Однако это уже не имеет значения, поскольку все перечисленное не востребовано, не актуализируется.

В этой связи главным, с нашей точки зрения, является вопрос о том, можно ли считать лишенного субъектности и способностей проявления индивидуальности муравья Латура индивидуалистом. Или он способен лишь выполнять программу атомизации или программу кооперации (teambuilding, cooperation skills и т.п.)? Является ли «команда» коллективом? Можно ли рассуждать о личности и ее приоритетности? По нашему мнению, ответы на все вопросы отрицательны. При необходимости приоритеты в технологической системе легко перепрограммируются.

Коллективный и индивидуальный «субъекты» (несубъект, субъект-функция в действительности) могут быть легко заменены искусственным интеллектом, обладающим уже иной сложностью. Дихотомия простого и сложного для понимания особенностей развертывания и снятия противоречия коллективного и индивидуального также важна. Как было отмечено, сложность человеческой личности и культуры в разных значениях этих категорий содержит подвижные, неуловимые, не просчитываемые составляющие. В сложности технологической таковых нет по определению. Жестко заданная последовательность содержится даже в самых изощренных алгоритмах, в сетевых, гибких формах организации.

У индивидуализма высокого модерна, постмодерна и современной эпохи, которой пока нет устойчивого определения, иная

сущность. Он похож на прежний, классический, лишь морфологическим сходством форм проявления.

Индивид в российской (советской) модернизации

В Российской империи и СССР модернизация осуществлялась в условиях в большей или меньшей степени ограниченного рынка, за исключением сравнительно короткого периода, прерванного в 1917 году⁴. Становление модерна в России происходило в течение трехсот лет, если начинать отсчет от реформ Петра I. По этой причине искать истоки современного коллективизма в русском крестьянстве и православии, с нашей точки зрения, видится не вполне корректным. Город победил деревню, давно исчезла окружающая просвещенные столицы крестьянская стихия. Все традиции, которые нами выявлены, возникли в эпоху советского модерна, в 30-е либо 60-е годы XX века, или были реконструированы, если речь идет, например, о казачестве и коренных малочисленных народах российского Севера (а некоторые переизобретены или придуманы).

В советском модерне не сложилось тотальной технологической системы. Парадоксальным образом система управления сохраняла на всех этапах, при любом политическом тоталитаризме или авторитаризме пространство свободы⁵ действия и субъектность человека. В итоге внутри системы оказывались не функция и даже не роль, а полноценный индивид, индивидуальность и нередко индивидуалист. Иными словами, через пространство свободы в систему втягивается культура в целом, колонизируя ее или вступая с ней в симбиотические отношения. Формировалась тенденция, обратная колонизации культуры в западном модерне. По этой причине в наших исследованиях субъектности на Западе и в России эмпирические данные неожиданно для нас оказались зеркально противоположны.

Сложнее объяснить причины такого устройства. Ограниченность рынка, который сам по себе редуцирует и абстрагирует

---

⁴ Категория модернизации используется в данном случае без политических коннотаций, связей с авторитаризмом или демократий. Она обозначает исключительно становление индустриальной и технологической составляющих современного общества.

⁵ Понятие «пространство свободы» в несколько ином, но сходном значении введено французскими историками А. Блюмом и М. Меспуле в исследовании советского статистического ведомства при Сталине [Блюм, Меспуле 2006].

все человеческие взаимодействия, может быть лишь одной из них. Другими причинами могут быть разнообразие, сложность и непредсказуемость среды (природной, культурной и т.п.). Эти трудности бытия практически все социологи справедливо считают одним из основных факторов коллективизма. Без помощи группы в такой среде можно не выжить. Однако эти слабо предсказуемые сложности препятствовали алгоритмизации действия. Еще одним фактором может быть периодически возникающая потребность в мобилизации ресурсов.

Способность к стремительной мобилизации, результативное советское мобилизационное управление и мобилизационная экономика хорошо известны. Возможно, все перечисленное и сводило на нет попытки СССР достичь высокой специализации и выстроить аналог технологической системы. Актор, стремящийся быть свободным, – существо опасное, но не менее опасен и субъект-функция, поскольку действует стандартно в нестандартных ситуациях.

Мобилизационная гибкость советской «командной» системы обеспечивалась расширением пространства свободы, оценкой результатов, а не контролем и мониторингом процесса. В итоге война и ликвидация последствий катастрофы в Чернобыле вспоминаются в ряде случаев как лучшее время в жизни, поскольку это позволяло полностью реализовать свободу принятия решения и свободу действия, даже если отрицательный результат был чреват суровыми репрессиями.

В российской диалектике коллективного и индивидуального коллективное может быть интерпретировано как ориентация на благо других либо как потребность в коллективе, который защитит. Однако она, с нашей точки зрения, основана уже не на общине и не на родовых связях, которые до сих пор существуют в немногих сохранившихся селах.

Основанием советского коллективизма был, во-первых, сам характер индустриального производства при отсутствии конкуренции с ее разделяющей, обособляющей ролью; во-вторых, обозначенная выше объективная необходимость во взаимной поддержке. Однако россиянин (советский человек), сохраняющий в полной мере индивидуальность, не любит коллектив как таковой, он готов не быть лояльным, противостоять, как минимум терпеть. Но в действительности он любит друзей и «хороший коллектив», который не выстроить тренингами. В мобилизационных ситуа-

циях такой коллектив возникает практически сам собой. К этому феномену вернемся чуть позже.

Постсоветские трансформации. Тенденция атомизации

Диалектика индивидуального и коллективного в России проявлялась и до сих пор проявляется крайне противоречиво. В условиях активно развивающегося рынка индивид, не утративший индивидуальность, становится субъектом разных видов действия. В отличие от атомизированного элемента технологической системы, он может быть опасен. Сформировались и усиливаются тенденции отказа от ориентации на благо общества или на свое дело, а также от заботы о других, разрываются ранее важные дружеские связи. Взаимопомощь успешно замещается рынком разнообразных услуг. Сосредоточенная на собственном успехе и комфорте актор-личность добивается их любой ценой, что породило популярную идею о «диком» капитализме в России.

Вместе с тем акторы, сохранившие ценностные ориентиры в 90-е годы XX века сумели затормозить разрушительные процессы в российской провинции. В этот период все действительно зависело только от личности. Наши исследования обширны: за 30 лет исследовано более 50 российских регионов. При всей глубине разрухи в малых городах и еще больше в селах учителя, врачи, работники домов культуры, клубов и музеев, главы местных администраций и их департаментов, в ряде случаев инженеры удерживали местный социум от сползания в архаику, которая из Москвы казалась неизбежной. Множество сильных и стойких личностей оказалось среди тишайших библиотекарей, которые превращали свои библиотеки в активно действующие культурные центры.

Однако становление новой системы, которая практически калька с западной, технологической, многое изменяет. Во-первых, против нее практически невозможно бороться, борца уволят. Бороться за трудовые права и достойную зарплату можно, хотя и непросто, но не против инструкции, регламентирующей, например, взаимоотношения между учителем и учеником, учителями и родителями, врачами и пациентами и т.п. Коллеги-социологи для обозначения этого процесса в образовании и управлении предлагают новые термины: бюропатологии [Осипов 2023] или менеджериизм [Дятлов, Ковалев 2023]. Эти категории фиксируют феномены и процессы, свойственные становлению технологической системы.

Паттерны индивидуализации продвигаются эффективно, т.к. молодое поколение уже не имеет ценности свободы действия, поскольку не знает, что это такое. Ценностная ориентация на приоритет личного, на индивидуализм усваивается из интернет-пабликов. Однако следует учитывать, что видимая индивидуализация в данном случае не является маркером прогресса в отечественном идеалистическом представлении о нем, которое обязательно включает в прогресс личностное развитие. Паттерны индивидуализма лишь видимость, за которой скрывается редуцирующая все без исключения экспансия технологической системы. Она, без сомнения, выступает как прогресс, но исключаящий культуру и человека.

Сочетание технологического прогресса с рыночными механизмами делает эту экспансию практически неизбежной. При этом латуровский безопасный муравей в современной России не появляется, но образуется целый ряд опасных для общества расколов, дополняющих уже имеющиеся [Ахиезер 1991, 301; Пантин 2020]. На месте сложного баланса отношений возникает ненависть между учителями и учениками, учителями и родителями школьников, особенно сильного накала достигла ненависть между врачами и пациентами.

Наши исследования показывают и то, что потребность во взаимопомощи, в дружбе и «хорошем коллективе» не исчезает. Более того, преподаватели обращают внимание на индивидуализацию студентов, которая подтверждается опросами, однако на фокус-группах студенты разных регионов России говорят о важности дружбы в их жизни. Дружбу при этом понимают вполне традиционно: как взаимопонимание, готовность помочь, быть всегда на стороне друга. Потребность в интересной работе не только на свое благо также сохраняется, несмотря на ее дискуссионность, если не сомнительность в условиях невысоких зарплат и престижа в ключевых для жизнедеятельности общества отраслях. В некоторых случаях можно предположить, что технологический паттерн – это лишь видимость, он заявляется, но фактически отрицается последующими рассуждениями.

Более того, чрезвычайная ситуация СВО в очередной раз возрождает коллективизм, судя по всему, традиционный не для общины, но для советского модерна. Показателен пример организации медицинской помощи в прифронтовой зоне. Так, московский успешный хирург-онколог, доктор медицинских наук

подробно рассказывает о своей работе добровольцем в передовом госпитале, детально описывая его организацию, а самое главное, работу индивидов-индивидуальностей в коллективе, при очень слабой иерархической составляющей⁶. В его случае речь идет о госпитале, оснащенном высокотехнологическим оборудованием и располагающим достаточным количеством человеческих и остальных ресурсов (таким образом преодолевать трудности, связанные с ограниченностью ресурсов, для них не было необходимости). В деятельности этих врачей присутствует пространство свободы, достаточное для баланса алгоритмизированного и свободного действия.

В данном случае представлена коллективистская традиция именно модерна. Она очевидным образом сочетает личность и коллектив, состоящий из личностей, сохраняющий субъектность. Регламент взаимодействия отсутствует, несмотря на разницу в званиях и позициях, люди понимают друг друга даже на интуитивном уровне. Возможно, часть из них в обычных условиях вели себя как индивидуалисты, но они не проявляют себя таким образом в этом коллективе. Вопрос о лояльности, подразумевающий наказание за ее отсутствие в данном случае, также не стоит. Можно утверждать, что достигнут баланс между алгоритмом и свободой действия, актором-индивидуальностью и коллективом. Наши исследования дают основания полагать, что подобный «хороший коллектив» возникает не только в экстремальных

---

⁶ Приведем несколько цитат из интервью: «– Кто принимает решения? – Старший смены. Все работают врачами. Он первый среди равных. Там очень трудно начать кого-то учить. Тебе многозначительно помолчат в ответ, что ты поймешь: и зачем я это сказал? <...> Все работали настолько слаженно и в одной парадигме, что в большинстве случаев одни и те же решения приходили людям независимо друг от друга. <...> Там никого не нужно подгонять, ни торопить, ни даже особо указывать. В целом персонал, по моей оценке, работал блестяще. Все, абсолютно все. Нерадивых, глупых, бестолковых я там не видел. Коллектив во всех своих звеньях был очень сильным. <...> Возникает ощущение, из-за хорошей организации, правильно поставленных людей, внутренней связи, что все само собой происходит. <...> «Некоторые доктора работали только свои смены (в приемном отделении). Некоторые еще добровольно шли в зал. Все зависит от того, сколько у человека сил... Все работали столько, сколько считали нужным». См.: Сергей Поликарпов и Алексей Исаев. Военная медицина – 2023 // TacticMedia. 16 июня 2023. – URL: <https://youtu.be/rPYrXXqX5m8>.

ситуациях, что он может существовать в самых разных сферах человеческой деятельности.

Заключение

Индивидуальное и коллективное в современном мире трансформировались в нечто, нуждающееся в переопределении, поскольку изменились (и изменяются) сущностные характеристики самого индивида. Если он равен лишенному индивидуальности субъекту-функции, то его индивидуализм или, наоборот, коллективизм есть имитация, сохраняющая привычную нам кажимость при ином содержании. Исчезновение индивидуальной субъектности (и одновременно индивидуальности) снижает риски воспроизводства «индивидуалиста», превращает его в безопасного для социума имитатора.

Великая свобода Нового времени в условиях технологического прогресса и развивающегося, усложняющегося рынка минимизируется, редуцируется к свободе выбора политиков и даже гендера. Эта свобода условна при отсутствии свободы действия. Индивидуальное и коллективное теряют значение как категории, т.к. заданы программой в связи с конкретной задачей, определяемой, возможно, уже коллективным разумом, в котором «коллективное» означает совокупность высокоспециализированных элементов. Причина происходящего состоит не в мистической бездуховности Запада или западных ценностей, но в реальном, вполне объективном векторе технологического прогресса в условиях развитого (капиталистического) рынка.

Альтернативная версия индивидуального и коллективного (обоих полюсов дихотомии) существовала в русском и советском модерне. В его традиции коллективист может быть индивидуалистом, но осознанно действующим на благо общества. Ретроспективные исследования советской и русской модернизации выявили великое множество подобных персонажей, которые и обеспечили прогресс, казалось бы, невозможный. «Хороший коллектив» – это также феномен вполне реальный, но непростой, требующий дополнительных исследований. Пока можно утверждать, что он существенно отличается от традиционной общины, обеспечивавшей когда-то безопасность своим членам.

Современные тенденции индивидуализации в России ожидаемы, обусловлены технологическим и рыночным развитием. Они отчетливы, но противоречивы. Можно утверждать, что в настоящее время существует несколько отечественных вариантов индивидуального и коллективного: выстроенные по пат-

тернам технологической системы и традиционные, сложившиеся в отечественном модерне. Он не был идеальным. Но в итоге находил баланс актора и агента, свободы и нормативности действия, индивидуализма и коллективизма, которые успешно работают и сегодня, по крайней мере в условиях мобилизации.

Способно ли подобное устройство обеспечивать развитие высоких технологий и может ли оно сохраниться в условиях своеобразного российского постмодерна? Можно предположить, что такие шансы есть, точнее, они должны быть или хотелось бы, чтобы были. Технологическая система с ее коллективным разумом, алгоритмами и рыночным характером коммуникаций крайне слабо функционирует в состоянии непредсказуемости и хаоса. Предполагать, что общество в планетарном масштабе достигнет предельной устойчивости, представляется по меньшей мере наивным. Вопрос о балансе алгоритма и свободы, действующего субъекта и субъекта-функции, индивидуальности коллектива в современной ситуации является одним из ключевых для выживания социума и для его прогресса.

Исследование традиционного для русского (советского) модерна коллективного и индивидуального, с нашей точки зрения, позволяет исследовать и отечественную версию существовавшего в действительности «социально ориентированного индивида» [Давыдов 2023], понять перспективы его воспроизводства в современном мире.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аксенова 2016 – *Аксенова О.В.* Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. – М.: Институт социологии РАН, 2016.

Ахиезер 1991 – *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта: в 3 т. Т. 2. – М.: Философское общество СССР, 1991.

Бауман 2004 – *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.Л. Коробочкина. – М.: Весь Мир, 2004.

Бауман 2005 – *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005.

Бауман 2008 – *Бауман З.* Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008.

Блум, Меспуле 2006 – *Блум А., Меспуле М.* Бюрократическая анархия. Статистика и власть при Сталине. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006.

Давыдов 2023 – *Давыдов А.П.* Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа (размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе») // *Философские науки.* 2023. Т. 66. № 4. С. 140–159.

Дятлов, Ковалев 2023 – Дятлов А.В., Ковалев В.В. Эффективность управления высшим образованием России в практиках применения менеджеристских инструментов // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 2. С. 70–91.

Осипов 2023 – Осипов А.М. Приоритеты изучения образования в свете проблемы бюропатологий // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 2. С. 15–33.

Пантин 2020 – Пантин В.И. Ценностные размежевания и расколы в современных обществах: влияние на социально-политическое развитие // История и современность. 2020. № 3. С. 23–41.

Пантин 2021 – Пантин В.И. ЗападВосток: социально-экологические кризисы в прошлом и настоящем // История и современность. 2021. № 4 (42). С. 20–38.

Социокультурные основания... 2022 – Социокультурные основания советского модерна / отв. ред. О.В. Аксенова. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022.

Турен 1998 – Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / пер. с франц. Е.А. Самарской. – М.: Научный мир, 1998.

Хабермас 1993 – Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 123–136.

Черныш 2022 – Черныш М.Ф. Об историческом прошлом и идентичности современных россиян // Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / под ред. М.К. Горшкова. – М.: Весь мир, 2022. С. 175–185.

Ядов 1998 – Ядов В.А. Индивидуализация // Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г.В. Осипова. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998.

Beck, Beck-Gernsheim 2008 – Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences. – London: Sage, 2008.

Ellul 1980 – Ellul J. The Technological System. – N. Y.: Harper Torchbooks, 1980.

Callon 1987 – Callon M. Society the Making; the Study of Technology as a Tool for Sociological Analysis // New Directions in the Social Studies of Technology / ed by J. Bijker, T. Hughes, T. Pinch. – Cambridge, MA: MIT Press, 1987. P. 83–103.

Risk, Environment... 1996 – Risk, Environment and Modernity / ed by S. Lash, B. Szerszynsky, B. Wynne. – London: Sage, 1996.

Latour 2005 – Latour B. Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory. – Oxford: Oxford University Press, 2005.

REFERENCES

Aksenova O.V. (2016) *The Paradigm of Social Action: Professionals in Russian Modernization*. Moscow: RAS Institute of Sociology (in Russian).

Aksenova O.V. (Ed.) (2022) *Sociocultural Foundations of Soviet Modernity*. Moscow: FCTAS RAS (in Russian).

Akhiezer A.S. (1991) *Russia: Critique of Historical Experience* (Vol. 2). Moscow: Philosophical Society of the USSR (in Russian).

Bauman Z. (2004) *Globalization: The Human Consequences* (M.L. Korobochkin, Trans.). Moscow: Ves Mir (Russian translation).

Bauman Z. (2005) *The Individualized Society* (V.L. Inozemtsev, Ed. & Trans.). Moscow: Logos (Russian translation).

Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity* (Yu.V. Asochakov, Ed. & Trans.). Saint Petersburg: Piter (Russian translation).

Beck U. & Beck-Gernsheim E. (2008) *Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences*. London: Sage.

Blum A. & Mespoulet M. (2006) *Bureaucratic Anarchy. Statistics and Power under Stalin*. Moscow: ROSSPEN (Russian translation).

Callon M. (1987) Society in the Making: The Study of Technology as a Tool for Sociological Analysis. In: Bijker J., Hughes T., & Pinch T. (Eds.) *New Directions in the Social Studies of Technology* (pp. 83–103). Cambridge, MA: MIT Press.

Chernysh M.F. (2022) On the Historical Past and Identity of Modern Russians. In: Gorshkov M.K. (Ed.) *Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, Symbols (Experience of Sociological Measurement)* (pp. 175–185). Moscow: Ves' mir (in Russian).

Davydov A.P. (2023) Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society”). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 140–159 (in Russian).

Dyatlov A.V. & Kovalev V.V. (2023) Efficiency of Management of Higher Education in Russia in the Practices of Application of Managerial Tools. *Vestnik instituta sotziologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 14, no. 2, pp. 70–91 (in Russian).

Ellul J. (1980) *The Technological System*. New York: Harper Torchbooks.

Habermas J. (1993) Relations Between the System and the Lifeworld in the Conditions of Late Capitalism. *THESIS*. Vol. 2, pp. 123–136 (Russian translation).

Lash S., Szerszynsky B., & Wynne B. (Eds.) (1996) *Risk, Environment and Modernity*. London: Sage.

Latour B. (2005) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press.

Osipov A.M. (2023) Priorities of Studying Education in the Light of the Problem of Bureaupatologies. *Vestnik instituta sotziologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 14, no. 2, pp. 15–33 (in Russian).

Pantin V.I. (2020) Value Divisions and Splits in Modern Societies: Impact on Socio-Political Development. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity*. No. 3, pp. 23–41 (in Russian).

Pantin V.I. (2021) West and East: Socio-Ecological Crises in the Past and Present. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity*. No. 4, pp. 20–38 (in Russian).

Touraine A. (1998) *Return of the Actor: Social Theory in Postindustrial Society* (E.A. Samarskaya, Trans.). Moscow: Nauchnyy mir (Russian translation).

Yadov V.A. (1998) Individualization. In: G.V. Osipov (Ed.) *Russian Sociological Encyclopedia*. Moscow: NORMA-INFRA-M (in Russian).

Полисубъектность как фактор социального развития в контексте диалогизации и дифференциации отношений «центр – регионы» в федеративном государстве

И.А. Савельев

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье с позиции методологии постнеклассической науки исследуется феномен полисубъектности как фактор социального развития. Автор предлагает рассматривать полисубъектность (множественную субъектность) как категорию, описывающую многоликость, разнообразие и динамику социальной среды, формируемой в процессе диалога управляемых субъектов, являющихся носителями разнообразных ценностно-целевых структур, обладающих определенными ресурсами и находящихся во взаимосвязи с другими субъектами социального действия. Акцентировано внимание на двойственной природе полисубъектности. С одной стороны, она рассматривается как субъектность множества индивидов и социальных групп, объединенных в рамках локализованной социальной среды, например в контексте взаимодействия власти и бизнеса, власти и населения, федерального центра и регионов. С другой – полисубъектность интерпретируется как многоликость и множественность субъектности отдельной личности. Автор опирается на методологию анализа социокультурной модернизации регионов (Н.И. Лапин), деятельностно-структурную парадигму (А.В. Тихонов), концепции медиации и социокультурного диалога (А.С. Ахиезер, А.П. Давыдов), субъектно-ориентированный подход в управлении социальными системами (В.Е. Лепский). Особое внимание уделено роли полисубъектного подхода в контексте дифференциации российских регионов и реализации стратегий их социально-экономического развития. Обосновывается, что объективная сложность регионального состава Российской Федерации и неравномерность модернизации требуют полисубъектного подхода к выстраиванию отношений между центром и регионами. На основе закона необходимого разнообразия У.Р. Эшби демонстрируется, что для эффективного управления многообразием региональных систем требуется соответствующее разнообразие управленческих подходов на уровне центра. Анализируются барьеры формирования полисубъектности, в частности отсутствие реального диалога между центром и ре-

гионами. Сделан вывод о том, что полисубъектность может служить ключевой характеристикой определенного этапа институционализации управления постиндустриального типа и формы взаимодействия, обеспечивающей адекватную меру совместности представителей власти, бизнеса, науки и различных сообществ.

Ключевые слова: социальная философия, социальное развитие, постнеклассическая наука, рефлексивность, институционализация, социокультурный анализ, деятельностно-структурная парадигма, диалогизация, медиация, гражданское общество, дифференциация регионов.

Савельев Иван Александрович – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН.

ivansave80@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9864-3538>

Для цитирования: *Савельев И.А.* Полисубъектность как фактор социального развития в контексте диалогизации и дифференциации отношений «центр – регионы» в федеративном государстве // *Философские науки.* 2024. Т. 67. № 2. С. 97–116.

DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-97-116

Polysubjectivity as a Factor of Social Development in the Context of Dialogization and Differentiation of Center–Region Relations in the Federal State

I.A. Savelev

*Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Abstract

The article explores the phenomenon of polysubjectivity as a factor of social development from the perspective of post-non-classical scientific methodology. The author proposes conceptualizing polysubjectivity (multiple subjectivity) as a category describing the multifaceted nature, diversity, and dynamics of the social environment. This environment is formed through the dialogue of managed subjects who are bearers of diverse value-goal structures, possess certain resources, and are interconnected with other subjects of social action. Attention is drawn to the dual nature of polysubjectivity. On one hand, it is viewed as the subjectivity of multiple individuals and social groups united within a localized social environment, for example, in the context of interactions between government and business, authorities

and the population, or the federal center and regions. On the other hand, polysubjectivity is interpreted as the multifaceted and plural subjectivity of an individual. The author draws upon the methodology for analyzing socio-cultural modernization of regions (N.I. Lapin), the activity-structural paradigm (A.V. Tikhonov), concepts of mediation and sociocultural dialogue (A.S. Akhiezer, A.P. Davydov), and the subject-oriented approach in social systems management (V.E. Lepskiy). Special attention is given to the role of the polysubjective approach in the context of differentiation among Russian regions and the implementation of their socio-economic development strategies. The article argues that the objective complexity of the Russian Federation's regional composition and the unevenness of modernization necessitate a polysubjective approach to structuring relations between the center and regions. Invoking W.R. Ashby's law of requisite variety, it is demonstrated that effective management of regional system diversity requires a corresponding diversity of management approaches at the central level. Barriers to the formation of polysubjectivity are analyzed, particularly the absence of genuine dialogue between the center and regions. The conclusion posits that polysubjectivity can serve as a key characteristic of a certain stage in the institutionalization of post-industrial type management and as a form of interaction that ensures an adequate measure of collaboration among representatives of government, business, science, and various communities.

Keywords: social philosophy, social development, post-non-classical science, reflexivity, institutionalization, sociocultural analysis, activity-structural paradigm, dialogization, mediation, civil society, regional differentiation.

Ivan A. Savelev – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Senior Research Fellow, Center for Sociology of Management and Social Technology, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

ivansave80@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9864-3538>

For citation: Savelev I.A. (2024) Polysubjectivity as a Factor of Social Development in the Context of Dialogization and Differentiation of Center–Region Relations in the Federal State. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 97–116.

DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-97-116

Введение

В условиях усложняющейся социальной реальности и трансформации отношений между субъектами общественной жизни

все большую актуальность приобретает концепция полисубъектности. Данная категория предусматривает многогранность, разнообразие и динамику социальной среды как общности, формируемой в процессе диалога множества взаимосвязанных субъектов, обладающих различными ценностно-целевыми установками и ресурсами.

Актуальность исследования феномена полисубъектности обусловлена необходимостью преодоления ограничений дихотомии субъект-объектных отношений в анализе современных социальных процессов. В последние несколько лет наблюдается рост количества междисциплинарных работ, предлагающих модели полисубъектности применительно к различным сферам, от философии науки и теории коммуникации до педагогики и юриспруденции [Лепский 2019; Маркова 2012; Вачков 2014; Yahyaoui Krivenko 2023].

Полисубъектность может быть рассмотрена в двух ключевых аспектах. С одной стороны, это субъектность множества индивидов и социальных групп, объединенных в рамках определенной социальной среды (например, взаимодействие власти и бизнеса, центра и регионов). С другой – полисубъектность отражает многоликость и множественность субъектности отдельной личности.

Особую значимость приобретает анализ полисубъектности в контексте проблематики идентичности, имеющей богатую традицию изучения в социологии. Можно отметить, в частности, исследования контекстов формирования идентичности (З. Бауман, П. Бергер, У. Бек, Э. Гидденс и др.), различных аспектов идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики [Федотова 2014], вопросов российской идентичности в условиях полиэтничного общества [Дробижева 2019] и др. Так, Н.Н. Федотова пишет о том, что в связи с нелинейным изменением общества, создающим неравномерность развития и новые, иные, чем прежде, риски, трансформации малых социальных групп, классов, этносов, наций, стран, понятие «кризис идентичности» оказалось применимым ко всем носителям идентичности: индивидам, группам, этносам, классам, социуму в целом [Федотова 2014, 78–79]. В этом плане полисубъектность отличается личностным характером, противоречивостью, сомнительностью (неоднозначностью для самой личности), непредсказуемостью относительно последствий. Этот аспект полисубъектности может рассматриваться с позиции микросоциологии и находит отраже-

ние в различных сферах, например, при исследовании мотивации, осознанности, ожиданий студентов в процессе выбора профессий [Григорьева, Стоянов 2020], отношения призывников к службе в армии [Стоянов, Филькова 2020] и т.д.

Цель настоящей статьи – теоретическое осмысление феномена полисубъектности как фактора социального развития, а также анализ эмпирических проявлений полисубъектности на примере взаимодействия федерального центра и регионов в современной России. Особое внимание уделено роли полисубъектного подхода в контексте дифференциации российских регионов и реализации стратегий их социально-экономического развития. Теоретико-методологической основой исследования послужили концепции социокультурной модернизации регионов [Атлас модернизации... 2016], деятельностно-структурная парадигма [Тихонов 2015], а также идеи медиации и рефлексивности в социальном познании [Ахиезер 1997; Давыдов 2018].

Полисубъектность и социальное развитие

Полисубъектность субъекта социального развития, особенности ее проявления в той или иной сфере общественной жизни становятся актуальной социальной проблемой в условиях, при которых возникновение и изменение различных моделей взаимоотношений общества и государства свидетельствует об утрате государством положения единственного инструмента политики, своего рода моносубъекта. Это изменение в положении государства объективно дополняется сложной системой институтов и отношений, возникающих как спонтанно, так и целенаправленно, будучи инициированными различными социальными общностями. Постоянно усложняется полисубъектная среда, формируемая в процессе диалога различных управляемых субъектов как носителей ценностно-целевых структур, обладающих определенными ресурсами и взаимосвязанных с другими субъектами, осуществляющими свою деятельность. Эмпирически фиксируя и концептуализируя феномен полисубъектности в той или иной сфере деятельности (экономике, политике, международных отношениях и др.), уместно поставить вопрос о роли полисубъектности как альтернативы моносубъектности в социальном развитии.

В этой связи, согласно программе конференции, посвященной трехсотлетию Российской академии наук и 95-летию со дня

рождения А.С. Ахиезера (Москва, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Институт философии РАН, Институт психологии РАН, 23–24 мая 2024 года) [Давыдов 2023], для современной науки особенно актуальны, помимо остальных, две задачи: объяснить социальное содержание процессов нарастающей индивидуализации жизни (стиля, ценностей, интересов, особенностей коммуникации) и новых форм субъектности; связать изменения в социологическом мышлении по поводу отношения индивидуализации и коллективизма с соответствующими сдвигами в эпистемологических основаниях науки об обществе в ее постнеклассической стадии.

Действительно, в современной философии науки [Степин 2013; Аршинов, Буданов 2019] утверждается, что в рамках постнеклассической рациональности объектом научного исследования становятся «человекоразмерные системы», рефлексия над которыми осуществляется в субъект-полисубъектной парадигме [Лепский 2022]. Научная проблема заключается в противоречии между необходимостью определения сущности полисубъектности, ее роли в социальном развитии и их недостаточной теоретико-методологической разработкой, а также в поиске нового знания, через которое можно снять (смягчить) это противоречие.

В предисловии к первому тому работы «Россия: критика исторического опыта: социокультурная динамика России» А.С. Ахиезер видит главную проблему нашей страны в отставании рефлексии, самосознания, способности к самоизменению общества. Эта проблема может, по А.С. Ахиезеру, способствовать утверждению различных утопических представлений о социальной реальности, появлению разрушительных последствий, дезорганизовать общественное бытие на всех его уровнях [Ахиезер 1997, 7].

А.С. Ахиезер пишет о российском обществе как о расколе на две цивилизационные части: традиционную, ориентированную на сохранение достигнутого, и либеральную, ориентированную на изменения и повышение эффективности общественного воспроизводства. Для понимания динамики российского общества, по его мнению, важно учитывать не только «либеральные» элементы культуры, но и «основной массив общества... понимание цивилизационной специфики общества как “промежуточной”, многосоставной» [Ахиезер 1997, 12]. По А.П. Давыдову, в основе представления о развитии находится объективно существующее противоречие между старым и новым, концептуализированное через противоречие между культурой и обществом и через ме-

диационный (срединный, диалогичный) способ снятия этого противоречия [Давыдов 2018, 27]. Такое понимание социального развития подводит к вопросу о факторах, влияющих на него. К этим факторам отнесена и полисубъектность как синтез субъектности старого и нового на третьем (полисубъектном) основании. Полисубъектность, или множественная субъектность, в контексте управленческих отношений служит одним из оснований развития субъектности всех членов общества (локализованного сообщества) при наличии доминирующего субъекта.

Полисубъектные отношения с доминирующим субъектом

К наиболее значимым видам социально-политических отношений, в которых присутствует полисубъектность при доминировании одной из сторон, относятся отношения «центр – регионы». Взаимодействие федерального центра и регионов, мера их сотрудничества, эффективность их участия в решении обоюдозначимых проблем, способность к продуктивному диалогу и взаимопомощи, без сомнения, является важнейшим механизмом социального развития страны. Поэтому изучение феномена полисубъектности, создание теории полисубъектности как общности субъектностей центра и регионов при сохранении их различий через исследование процессов индивидуализации и коллективизма, дифференциации и унификации, управления и самоуправления видится одной из главных задач науки об управлении таким сложным организмом, как Россия. Социальное развитие сегодня – это сложное, противоречивое единство субъектностей, способное через диалог формировать вертикально-горизонтальную, государственно-частную полисубъектную доминанту. Представляется, что полисубъектность в некоторых своих элементах отвечает запросу нашего общества на формирование теоретической концепции, описывающей уникальную цивилизационную модель, которую строит сегодня Россия в условиях огромных внешних ограничений.

С.А. Караганов, ведущий заседания на Петербургском международном экономическом форуме (Санкт-Петербург, 9 июня 2024 года), назвал цивилизационную специфику современной России «авторитарным капитализмом», что не вызвало возражений со стороны Президента РФ В.В. Путина. «Авторитарный капитализм» формирует такую полисубъектность, которая не противопоставляет авторитарность как диктат ограничений и свободу

рынка друг другу, а вводит эти противоположности в состояние взаимодополняемости. Этот опыт теоретизирования показывает, что методология формирования полисубъектности становится в высшей степени актуальной и целесообразной, поскольку предполагает логику соединения несоединимого в условиях, в которых это соединение служит целям социального и экономического развития сложного, многокомпонентного, полисубъектного общества. Методология полисубъектности в настоящей статье – это соединение через диалог субъектности различных субъектов РФ (центра и регионов) в единое социальное многосубъектное, полисубъектное пространство, которое нацелено на совместное социально-экономическое и социокультурное развитие субъектов и страны. В статье полисубъектность нами показана как основание социального развития, с учетом своей двойственности придающая развитию динамику.

Вопрос о доминирующем субъекте в полисубъектной общности, среде, в отношениях «центр – регионы» заслуживает отдельного рассмотрения. Мера и масштаб доминирования субъекта зависят от ряда факторов: способностей и ресурсов, характеристик управляемых субъектов, социального (политического, экономического, социокультурного) контекста. Используя медиационный подход А.С. Ахиезера, А.П. Давыдова, А.В. Тихонова, можно утверждать, что одним из факторов социального развития является соотношение бинарного мышления абсолютами и тернарного (медиационного) мышления. Носители доминирующего тернарного (медиационного) мышления – субъекты, которые в процессе рефлексии отходят от абсолютизации противоположных идей (идеалов) и ищут альтернативу как третий смысл, образуя «медиационное ядро». Для фиксации отношения населения регионов РФ к работе властно-управленческой вертикали, а в перспективе и определения соотношения сторонников, противников и медиационного ядра в Центре социологии управления и социальных технологий РАН разработана методика триплекс-анализа [Тихонов 2015].

Доминирующий субъект в идеале выступает основным носителем полисубъектности – в этом качестве способствует формированию полисубъектной общности, самоуправлению и самоорганизации системы «центр – регионы» и, обладая ресурсами и полномочиями, становится главным регулятором социальных отношений в ней. Полисубъектное управление выстраивается на основе субъект-субъектного и полисубъектного взаимодействия,

обращения к диалогу и полилогу, уважения к позиции каждого субъекта управления, признания ценности его потенциального вклада как процесса прямых и обратных связей. Это позволяет доминирующему субъекту конструктивно реализовать свой ресурсный потенциал, формировать и поддерживать полисубъектную среду, не становиться моносубъектом, игнорирующим или подавляющим других управляемых субъектов, и не выступать формальным субъектом управления, по сути, транслирующим директивы иного доминирующего субъекта (государства, правящей партии и др.).

Поэтому полисубъектность можно понимать как определенный этап институционализации управления постиндустриального типа, как целенаправленную, основанную на обратной связи деятельность доминирующего субъекта управления по созданию условий (формированию среды) для совместной реализации конструктивной субъектности других социальных субъектов в определенной сфере деятельности. Если субъектность – свойство индивида или группы интересоваться, участвовать, включаться и подключать к решению социально значимых проблем других субъектов, то полисубъектность – форма непосредственного взаимодействия субъектов друг с другом и с доминирующим субъектом, порождающая их взаимную обусловленность, наиболее благоприятные условия для совместного развития на основе диалога.

Дифференциация регионов РФ как фактор полисубъектного развития

Динамический аспект полисубъектности определяется переходом доминанты принятия решений из сферы моносубъектности в диалог между федеральным центром и регионами РФ. Конституция РФ определяет форму государственного устройства страны как федеративную, что подразумевает некоторую степень самостоятельности субъектов РФ и разграничение предмета ведения центра и регионов. Центр в отношении с регионами, по Конституции РФ, наделен рядом полномочий, ресурсами и является доминирующим субъектом в предложенной модели полисубъектной среды. Для сохранения управляемости развитием страны и регионов доминирующему субъекту-центру нужна в действительности коммуникация с регионами на основе полисубъектного взаимодействия: необходимо создавать условия для

проявления и реализации их субъектности, а также трансформации протестной субъектности в диалогично-конструктивную. По сути, проявляется закон необходимости разнообразия У.Р. Эшби: для снижения разнообразия исходов действий того, кем управляют, необходимо повышение разнообразия действий того, кто управляет [Ashby 1958; Эшби 1959, 294]. В контексте взаимодействия центра и регионов это означает, что для эффективного управления разнообразием региональных систем требуется соответствующее разнообразие управленческих подходов на уровне центра. Чем больше разнообразных действий в управляющей системе (центре), тем в большей степени она способна уменьшить неопределенность и достичь целевого (желательного) состояния управляемой системы (регионов). Рассматривая эту закономерность кибернетики, Я.В. Федосюк пишет о том, что если центральная часть управления при сохранении разумных размеров не обладает необходимым разнообразием, то следует развивать делегирование, передавая принятие определенных решений на разные уровни системы управления [Федосюк 2015, 90]. Объективное усложнение социальных взаимодействий можно, на наш взгляд, считать одним из признаков полисубъектности.

Итак, снова возвращаемся к идее субъектности общества. По А.С. Ахиезеру, «воспроизводительная деятельность» общества противостоит социальной энтропии [Ахиезер 1997, 56]. Любое общество выступает субъектом-носителем воспроизводственной деятельности. В этой связи каждое социальное явление должно быть рассмотрено не как заданное извне, а как модальность человеческих способностей его воспроизводить. Способность противостоять энтропии управляемого субъекта (системы) за счет сложной внутренней субъектности может быть по одним из признаков полисубъектности.

В условиях полисубъектного развития только совместный поиск меры взаимодополнительности усилий всех управляемых субъектов может дать долговременный, устойчивый результат, базирующийся на гражданском, демократическом, равноправном и диалогичном основании. Гарантом стабильности и управляемости в условиях полисубъектности служит гражданское общество, благодаря деятельности объединений и институтов которого происходят трансформация социального порядка и уход от доминирования, моносубъектности государства.

В качестве примера необходимости учета полисубъектности в развитии регионов можно обратить внимание на проблему снижения негативных последствий социального неравенства. Тем более что федеративное устройство подразумевает разную субъектность регионов, различный уровень их социокультурной модернизации. При этом федеративному центру приходится сохранять управляемость региональными процессами. Снижение негативных последствий социального неравенства является в этой связи одним из наиболее значимых вопросов внутренней политики.

Работа Центра социологии управления и социальных технологий (ЦСУиСТ) Института социологии ФНИСЦ РАН показала, что проводимые в последние десятилетия социально-экономические реформы не способствовали разработке и внедрению эффективных управленческих механизмов регулирования межрегионального неравенства [Регулирование... 2023, 7]. В своей работе мы воспользовались концепцией социокультурной модернизации регионов, предложенной исследовательским коллективом Института философии РАН под руководством Н.И. Лапина. В рамках этой концепции регион понимается как исторически сложившееся территориальное социокультурное сообщество людей в составе большого общества, как его социокультурный мезо-уровень. Н.И. Лапин пишет о том, что экономический статус региона во многом зависит от федеральных властей, прежде всего от текущих инициатив исполнительной власти, подкрепляемых законодательными актами. При этом федеральный центр продолжает следовать практике централизации финансовых ресурсов и последующего их перераспределения в виде трансфертов [Атлас модернизации... 2016, 36]. Для нас здесь важным является тот факт, что региональное сообщество образует полисубъектную социокультурную среду, комплексно и непосредственно реализующую взаимоотношения индивидов друг с другом, а опосредованно – и с региональными сообществами.

Относительно дифференциации российских регионов Н.И. Лапин указал на неравномерность распределения регионов между вторичной, информационной и первичной, индустриальной стадиями модернизации [Атлас модернизации... 2016, 17]. Вторичная модернизация, которая пришла на смену первичной, предполагает жесткие требования к структуре экономики: низкая доля сельского хозяйства в ВВП (не более 5%), низкая доля за-

нятости в этом сегменте. Фаза зрелости вторичной модернизации предполагает, что доля материальной сферы в целом (промышленности и сельского хозяйства) в ВВП и занятость в ней должны составлять не более 20 % [Атлас модернизации... 2016, 26]. Сложность регионального состава РФ, неравномерность модернизации свидетельствуют о наличии такого признака полисубъектности, как многомерность. Вышеизложенное позволило исследовательскому коллективу под руководством Н.И. Лапина выделить шесть типов регионов, исходя из их модернизации, начиная с таких регионов, которые первыми приступили к индустриальной модернизации, и завершая регионами, показывающими фазу роста вторичной модернизации. Отсутствие реального диалога центра и регионов – причина неразвитости полисубъектности. Это, в свою очередь, можно объяснить сфокусированным вниманием и усилиями центра и региональных правительств на собственных интересах, понимаемых вне зависимости друг от друга, а не на характере связей между ними. Иными словами, доминирующий субъект заинтересован в управляемости региональным развитием, не проявляя заинтересованности в субъектности регионов, а региональные правительства могут ориентироваться в первую очередь лишь на бюрократическую отчетность центру, будучи формально встроенными во властно-управленческую вертикаль [Савельев 2021]. В дополнение к изложенному и для понимания полисубъектной сущности регионального развития обратим особое внимание на четвертую – институционально-регулятивную компоненту модернизации, выделяемую наряду с технико-технологической, социально-экономической, социокультурной [Атлас модернизации... 2016, 24]. По Н.И. Лапину, она представляет собой совокупность регулирующих институтов, т.е. формальных и неформальных правил действий индивидов и организаций в экономической, политической, общественной жизни общества. Результаты предшествующих исследований ЦСУиСТ подтверждают, что в регионах с низким уровнем социокультурного развития институционально-регулятивная сфера характеризуется сильной властной вертикалью в связи с отсутствием необходимых финансовых средств и нужных организационно-управленческих компетенций для проведения эффективной политики местными органами власти, а в более развитых регионах наблюдается развитие горизонтальных форм управления и

более интенсивное развитие различных сфер самоорганизации [Регулирование... 2023, 48].

Дифференциация регионов современной России объективно требует полисубъектного, учитывающего различный субъектный потенциал всех сторон подхода к выстраиванию отношений с центром, учета их специфики, включения в работу властно-управленческой вертикали, построения горизонтальных управленческих отношений. Важно понимать и ресурсные отличия регионов: одни из них смогли обеспечить свое социально-экономическое развитие за счет обладания значимым административным ресурсом, богатым сырьевым потенциалом, удачным местоположением с развитой транспортной инфраструктурой; другие остаются дотационными и депрессивными. В работе мы основываемся на положении о том, что эффективность функционирования всей системы управления является одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на состояние социальных неравенств в регионе, а это сложно представить без учета полисубъектности регионов, т.е. их множественной и разнообразной субъектности, носителями которой выступают профессиональные, этнические, демографические, политические общности региона. Таким образом, *процесс коммуникации продуцирует формирование коллективного субъекта (полисубъектной общности), актуализирует ее способность к взаимодействию и сотрудничеству*. Идея полисубъектного подхода к управлению региональным развитием сочетается с деятельностно-структурной парадигмой А.В. Тихонова, в которой механизм управления рассмотрен как баланс субъект-объектных и субъект-субъектных отношений [Регулирование... 2023]. Дифференциация регионов РФ в нашем случае, их различный уровень модернизации можно считать фактором полисубъектности, требующим выхода центра за пределы субъект-объектной парадигмы в субъект-полисубъектную, т.к. именно полисубъектное управление позволяет сочетать важнейшие функции властно-управленческой вертикали (управляемость, прогнозируемость, поддержание порядка и целостности) и сохранение уникальности регионов, дифференцированный подход к каждому из них с учетом культурной, ментальной, иной специфики.

В науке об обществе недостаточное внимание уделено социологическому анализу статичного и динамичного аспектов полисубъектности. Автором проводится работа по созданию

промежуточных индексов состояния и изменения полисубъектных сред, что объективно соответствует постнеклассической стадии науки. Суть важнейшего вывода исследования, полагаем, сводится к факту отсутствия диалога центра и регионов как причины неразвитости полисубъектности. Это, в свою очередь, можно объяснить сфокусированием внимания и усилиями центра и региональных правительств на собственных интересах, понимаемых вне зависимости друг от друга, а не на характере связей между ними. Иными словами, доминирующий субъект заинтересован в управляемости региональным развитием, не проявляя заинтересованности в субъектности регионов, а региональные правительства могут ориентироваться в первую очередь лишь на бюрократическую отчетность центру, будучи формально встроенными во властно-управленческую вертикаль [Савельев 2021]. Одной из задач исследования было определение нацеленности (интенциональности) региональной системы управления (региональных правительств) на реализацию стратегических документов развития региона и выявление преобладающего типа взаимоотношений региональной власти с населением как возможности зарождения полисубъектности. Контент-анализ сайтов региональных правительств [Савельев 2021; Савельев 2022] показал, что сайты региональной власти работают в субъект-объектной парадигме, ориентированной, скорее, на формальную отчетность центру. Косвенно это прослеживается в слабом освещении применительно к населению регионов (неразмещении) как документов стратегического развития, так и мероприятий, связанных с их реализацией, а также в недостаточном привлечении населения к обсуждению социально значимых проблем, участию в разработке управленческих решений и др.

Исследователи [Смолина 2020] выделяют четыре уровня взаимодействия органов исполнительной власти и населения в онлайн-пространстве: уровень информирования, суть которого заключается в предоставлении населению региона необходимых сведений общего характера об основных событиях региональной жизни; уровень консультирования, подразумевающий инициацию взаимодействия региональной и местной власти с населением, заключающийся в пояснении, справочной информации, разъяснении задач власти и т.д. Третий уровень взаимодействия региональной власти и населения – уровень паритетного партнерства власти и граждан, привлечения к обсуждению социально значимых

проблем гражданских активистов, экологов, профессиональных сообществ и др. Наконец, уровень гражданского управления признан в качестве наиболее полноправного и квалифицированного источника взаимодействия власти и граждан.

На наш взгляд, именно уровни партнерства и гражданского участия могут говорить о гипотетическом наличии полисубъектности в региональной жизни и деятельности, т.к. подразумевают такое качество полисубъектности, как непосредственное взаимодействие субъектов (регионов) друг с другом и с доминирующим субъектом (центром), порождающее их взаимную обусловленность, наиболее благоприятные условия для развития на основе диалога.

В изучаемых нами регионах преобладают уровни информирования и консультирования. Это может свидетельствовать о недостаточной заинтересованности либо невозможности центра формировать условия полисубъектности. Вместе с тем процессы группообразования в регионах (как частный случай полисубъектности) могут иметь как целенаправленный, так и спонтанный характер. Полисубъектность способна формироваться на поселенческом, местном или ином уровнях, что видится перспективой дальнейших исследований.

Невысокая степень субъектности региональной власти подтверждена отсутствием работающих дискуссионных площадок для обсуждения реализации национальных проектов, хотя отдельные региональные власти используют для этого сторонние ресурсы; слабым освещением ряда национальных проектов по количеству публикаций; кроме того, характер трансляции информации о реализации национальных проектов фактически не позволяет изучить аудиторию, т.к. статистика просмотров конкретных новостей и посещения рубрики национальных проектов не прослеживается. Эти показатели в дальнейшем необходимо учитывать при построении промежуточных индексов состояния и динамики полисубъектной среды [Савельев 2021].

Безусловно, любой анализ документов, в том числе метод электронного респондента, применяемый при анализе работы властно-управленческой вертикали в ЦСУиСТ, не может претендовать на абсолютную достоверность. В то же время он позволяет сделать промежуточный вывод о низком уровне информированности населения о качестве собственной субъектности в осуществлении регионального развития и местного самоуправления, невысоком уровне доверия региональной власти, слабой заинтересованности региональной системы управления относительно вовлечения на-

селения в решение различных вопросов реализации стратегии развития регионов и т.д. [Савельев 2022].

Эти факты свидетельствуют о наличии барьеров формирования полисубъектности, отсутствии переговорного процесса относительно участия населения в управлении производством и поиска меры совместности. Альтернативой полисубъектному управлению, используя терминологию А.С. Ахиезера, будет изменение через осуществление «маятниковых» колебаний между поляризованными. Подобный тип динамики в сложном обществе – поляризованный, катастрофический, разрушающий полисубъектность – несет в себе потенциал дезорганизации, т.к. создает повышенную опасность отбрасывания, деградации значительной части накопленного опыта [Ахиезер 1997, 56].

В этой связи особенно важной для формирования полисубъектности является тема равноправия коммуникации в диалоге, принципа горизонтали в управлении, равного соблюдения Конституции РФ всеми без исключения субъектами социального развития. Отказ от абсолютизации авторитета власти и конструктивная критика авторитарного полиса – необходимое условие формирования и развития гражданского общества, равно как и критика безоговорочной поддержки авторитарных действий власти со стороны безропотной массы. Однако эта критика должна создавать и предлагать альтернативу, вырабатывать собственную стратегию развития регионов и страны на основе реального диалога и некой совместной рефлексивности.

Заключение

Полисубъектность как фактор социального развития отражает усложняющуюся природу социальных взаимодействий, для которой характерна множественность акторов, взаимозависимость и динамичность отношений между ними. Полисубъектность предполагает переход от традиционных моделей управления к более гибким и адаптивным формам, основанным на диалоге, взаимном учете интересов и совместном поиске решений. При этом она требует развития новых компетенций у всех участников социальных процессов, включая навыки коммуникации, рефлексии и медиации.

Особую актуальность концепция полисубъектности приобретает в контексте управления сложными административно-территориальными системами, где взаимодействие между различными уровнями власти и обществом играет ключевую роль в

обеспечении устойчивого развития. Проведенный анализ показывает, что, чем выше уровень взаимодействия (от информирования до гражданского участия), т.е. мера совместности доминирующего субъекта с остальными, тем в большей степени можно говорить о полисубъектности как факторе развития региона. Полноценная полисубъектность, как форма взаимодействия и носитель адекватной меры совместности представителей власти, бизнеса, науки, профессиональных сообществ, территориальных и этнических общностей, появляется лишь при условии налаживания в действительности партнерства центра и регионов. К сожалению, центр рассматривает регионы в основном как объекты, а сотрудничество с ними – в субъект-объектной парадигме. Повышение меры совместности может произойти лишь в условиях, если центр будет относиться к регионам как к субъектам, т.е. рассматривать их в субъект-субъектной, субъект-полисубъектной парадигме.

Анализ степени и полноты разработанности проблемы причин динамических изменений полисубъектности, ее роли в социальном развитии показывает, что социологический подход понимания полисубъектности нуждается в теоретико-методологическом и процедурно-измерительном обновлении. Постнеклассическая рациональность только формируется, образуются новая категориальная матрица и гибридные методологии изучения различных аспектов социальной реальности. Теоретическая рефлексия относительно феномена полисубъектности как фактора социального развития, а также эмпирические измерения состояния и динамики полисубъектной среды помогут сделать дальнейшие шаги в последующей аналитике оснований социального развития в рамках постнеклассического подхода.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аршинов, Буданов 2019 – *Аршинов В.И., Буданов В.Г.* Концепция постнеклассической науки В.С. Степина и универсальный эволюционизм Н.Н. Моисеева // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 4. С. 96–112.

Атлас модернизации... 2016 – Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост., отв. ред. Н.И. Лапин. – М.: Весь мир, 2016.

Ахиезер 1997 – *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта: социокультурная динамика России: в 2 т. Т. 1: От прошлого к будущему / 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.

Вачков 2014 – *Вачков И.В.* Полисубъектное взаимодействие в образовательной среде // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. Т. 11. № 2. С. 36–50.

Григорьева, Стоянов 2020 – Григорьева Е.А., Стоянов А.С. Осознанность и ожидания при выборе ВУЗа и профессии // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2020. № 2 (32). С. 256–267.

Давыдов 2018 – Давыдов А.П. Основание развития как социокультурная проблема (к вопросу о медиационной теории эволюции западного социума) // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 1. С. 27–51.

Давыдов 2023 – Давыдов А.П. Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа (размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе») // Философские науки. 2023. Т. 66. № 4. С. 140–159.

Дробижева 2019 – Дробижева Л.М. Политика интеграции полиэтнического российского общества в доктринальных документах, политологическом дискурсе и массовом сознании // Общественные науки и современность. 2019. № 4. С. 134–146.

Лепский 2019 – Лепский В.Е. Общественное участие в саморазвивающихся полисубъектных средах. – М.: Когито-Центр, 2019.

Лепский 2022 – Лепский В.Е. Солидарное общество как саморазвивающаяся полисубъектная среда (гармония иерархий, сетей и сред) // Местное право. 2022. № 3. С. 11–20.

Маркова 2012 – Маркова Л.А. Полисубъектность как основа общения // Философия науки и техники. 2012. Т. 17. № 1. С. 55–69.

Регулирование... 2023 – Регулирование межрегионального неравенства: от диагностики к моделированию / отв. ред. А.А. Мерзляков. – М.: ФНИСЦ РАН, 2023.

Савельев 2021 – Савельев И.А. Контент-анализ официальных сайтов органов власти и управления субъектов Российской Федерации с различным уровнем социокультурной модернизации как информационного ресурса регионального группообразования // Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации процессов спонтанного группообразования / отв. ред. А.В. Тихонов, А.А. Мерзляков. – М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 283–302.

Савельев 2022 – Савельев И.А. Реализация стратегии социально-экономического развития регионов РФ в контексте снижения негативных последствий социально-экономических неравенств // Вопросы управления. 2022. № 6 (79). С. 36–47.

Смолина 2020 – Смолина Е.Г. Взаимодействие органов местной исполнительной власти и населения в интернет-пространстве: управленческий аспект (на материалах г. Волгограда): дис. ... канд. социол. наук. – Н. Новгород, 2020.

Степин 2013 – Степин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 45–59.

Стоянов, Филькова 2020 – *Стоянов А.С., Филькова В.Н.* Факторы негативного отношения к службе в армии (на примере призывников г.о. Химки) // *Социология*. 2020. № 2. С. 173–180.

Тихонов 2015 – *Тихонов А.В.* Исследование проблем реформирования властно-управленческой вертикали // *Вестник Академии права и управления*. 2015. № 39. С. 163–175.

Федосюк 2015 – *Федосюк Я.В.* Закономерности и принципы кибернетики как теоретико-методологическая основа формирования управленческих команд // *Научный результат*. Сер. Социология и управление. 2015. Т. 1. № 3 (5). С. 89–92.

Федотова 2014 – *Федотова Н.Н.* На пути к процессуальной теории идентичности // *Философские науки*. 2014. № 11. С. 70–81.

Эшби 1959 – *Эшби У.Р.* Введение в кибернетику / пер. с англ. Д.Г. Лахути. – М.: Иностранная литература, 1959.

Ashby 1958 – *Ashby W.R.* Requisite Variety and Its Implications for the Control of Complex Systems // *Cybernetica*. 1958. Vol. 1. No. 2. P. 83–99.

Yahyaoui Krivenko 2023 – *Yahyaoui Krivenko E.* The Logic of Human Rights: From Subject/Object Dichotomy to Topo-Logic. – Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2023.

REFERENCES

Akhiezer A.S. (1997) *Russia: Critique of Historical Experience: Socio-cultural Dynamics of Russia. Vol. 1: From the Past to the Future* (2nd ed.). Novosibirsk: Sibirskiy khronograf (in Russian).

Arshinov V.I. & Budanov V.G. (2019) V.S. Stepin's Concept of Post-Non-Classical Science and N.N. Moiseev's Concept of Universal Evolutionism. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 4, pp. 96–112 (in Russian).

Ashby W.R. (1958) Requisite Variety and Its Implications for the Control of Complex Systems. *Cybernetica*. Vol. 1, no. 2, pp. 83–99.

Ashby W.R. (1959) *An Introduction to Cybernetics* (D.G. Lakhuti, Trans.). Moscow: Inostrannaya literatura (Russian translation).

Davydov A.P. (2018) The Basis of Development as a Socio-Cultural Issue (On the Question of the Mediation Theory of Western Society's Evolution). *Vestnik instituta sotziologii*. Vol. 9, no. 1, pp. 27–51 (in Russian).

Davydov A.P. (2023) Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society”). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 140–159 (in Russian).

Drobizheva L.M. (2019) The Policy of Integration of Multiethnic Russian Society in Doctrinal Documents, Political Science Discourse and Mass Consciousness. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*. No. 4, pp. 134–146 (in Russian).

Fedosyuk Ya.V. (2015) Patterns and Principles of Cybernetics as a Theoretical and Methodological Basis for the Formation of Management Teams. *Research Result = Nauchnyy rezultat. Sociology and Management*. Vol. 1, no. 3, pp. 89–92 (in Russian).

Fedotova N.N. (2014) Toward the Theory of Identity as a Process. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. No. 11, pp. 70–81 (in Russian).

Grigorieva E.A. & Stoyanov A.S. (2020) Awareness and Expectations when Choosing a University and Profession. *GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy*. No. 2, pp. 256–267 (in Russian).

Lapin N.I. (Ed.) (2016) *Atlas of Modernization of Russia and its Regions: Socioeconomic and Sociocultural Trends and Problems*. Moscow: Ves' mir (in Russian).

Lepskiy V.E. (2019) *Public Participation in Self-Developing Polysubject Environments*. Moscow: Kogito-Tsentr (in Russian).

Lepskiy V.E. (2022) Solidary Society as a Self-Developing Polysubject Environment (Harmony of Hierarchies, Networks and Environments). *Mestnoe pravo*. No. 3, pp. 11–20 (in Russian).

Markova L.A. (2012) Polysubjectivity as the Basis of Communication. *Filosofiya nauki i tekhniki = Philosophy of Science and Technology*. Vol. 17, no. 1, pp. 55–69 (in Russian).

Merzlyakov A.A. (Ed.) (2023) *Regulation of Interregional Inequality: From Diagnostics to Modeling*. Moscow: RAS Federal Center for Theoretical and Applied Sociology (in Russian).

Savelyev I.A. (2021) Content Analysis of Official Websites of Authorities and Management Bodies of the Russian Federation Subjects with Different Levels of Sociocultural Modernization as an Information Resource for Regional Group Formation. In: A.V. Tikhonov & A.A. Merzlyakov (Eds.) *Reforming the Power-Management Vertical in the Context of Implementing National Projects and Activating the Processes of Spontaneous Group Formation* (pp. 283–302). Moscow: RAS Federal Center for Theoretical and Applied Sociology (in Russian).

Savelyev I.A. (2022) Implementation of the Strategy of Socio-Economic Development of the Russian Federation Regions in the Context of Reducing the Negative Consequences of Socio-Economic Inequalities. *Voprosy upravleniya*. No. 6, pp. 36–47 (in Russian).

Smolina E.G. (2020) *Interaction of Local Executive Authorities and the Population in the Internet Space: Management Aspect (Based on Materials from Volgograd)* (dissertation). Nizhny Novgorod (in Russian).

Stepin V.S. (2013) Types of Scientific Rationality and the Synergetic Paradigm. *Slozhnost. Razum. Postneklassika*. No. 4, pp. 45–59 (in Russian).

Stoyanov A.S. & Filkova V.N. (2020) Factors of Negative Attitude towards Military Service (On the Example of Conscripts in Khimki). *Sotsiologiya*. No. 2, pp. 173–180 (in Russian).

Tikhonov A.V. (2015) Study of the Problems of Reforming the Power-Management Vertical. *Vestnik Akademii prava i upravleniya*. No. 39, pp. 163–175 (in Russian).

Vachkov I.V. (2014) Polysubject Interaction in the Educational Environment. Psychology. *Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 11, no. 2, pp. 36–50 (in Russian).

Yahyaoui Krivenko E. (2023) *The Logic of Human Rights: From Subject/Object Dichotomy to Topo-Logic*. Cheltenham, UK: Edward Elgar.

Инструментальный разум как третья субъектность в системе «Я – Другой»

А.Х. Мариносян

*Московский городской педагогический университет, Москва,
Россия*

Аннотация

В статье исследуется проблема достижения устойчивого медиационного равновесия в отношениях «Я – Другой». Отмечается, что только стремление участников диалога к взаимопониманию не гарантирует продуктивной коммуникации в ситуациях, если взаимодействие определяется борьбой за ограниченные ресурсы и возможности. В таких условиях субъекты рискуют оказаться в зависимости от инструментального разума – логики контроля и подавления, превращающей «Я» и Другого из полноценных личностей в функции овеществленной рациональности. В процессе анализа этой проблемы в статье вводится различие двух ролей индивида: человека как личности (носителя уникальных ценностей и смыслов) и человека как субъекта межличностных отношений, как актора, погруженного в практические взаимодействия. Показывается ограниченность контроля первого над вторым, зависимость взаимодействий не только от личностных качеств участников, но и от безличной логики инструментального разума. Последний трактуется как своего рода третья субъектность, опосредующая диалог «Я» и Другого. Достижение медиационного равновесия станет возможным через развитие автономии сторон, через их трансформацию, взаимное признание и поиск меры совместности. Этот подход прослеживается на примерах теории социокультурной медиации А.С. Ахиезера, концепции межсубъектного диалога А.П. Давыдова, а также теории трансформационной медиации Р. Буша и Дж. Фолджера. Ключевыми понятиями последней являются «развитие» (укрепление способности участников ясно осознавать свои цели и принимать ответственные решения) и «признание» (готовность услышать и понять перспективу Другого). Смысл трансформационной медиации состоит в переходе от навязывания одной из сторон своей позиции к совместному поиску новых возможностей, позволяющих реализовать интересы «Я» и Другого через диалог. В заключение утверждается значимость преодоления логики взаимных обвинений через перенос фокуса внимания с личности оппонента на безличные структуры, ограничивающие самоопределение всех участников.

Ключевые слова: социальная философия, социальное развитие, диалог, медиация, медиационное равновесие, трансформационная медиация, личность, индивид, личная ответственность, конфликт.

Мариносян Андреас Хачатурович – аспирант Московского городского педагогического университета.

a.marinosyan@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0577-2360>

Для цитирования: *Мариносян А.Х.* Инструментальный разум как третья субъектность в системе «Я – Другой» // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 117–134. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-117-134

Instrumental Reason as a Third Subjectivity in the Self–Other System

A.K. Marinosyan

Moscow City University, Moscow, Russia

Abstract

The article examines the challenge of achieving sustainable mediational equilibrium within the Self–Other relationship. It argues that the mere pursuit of mutual understanding among dialogue participants is insufficient to guarantee productive communication, particularly in contexts where interactions are driven by competition for scarce resources and opportunities. Under such conditions, subjects risk becoming dependent on instrumental reason – the logic of control and suppression – which transforms both the Self and the Other from fully-fledged personalities into functions of reified rationality. The analysis introduces a distinction between two roles of the individual: the person as a bearer of unique values and meanings, and the individual as a subject of social relations, an actor immersed in practical interactions. It is demonstrated that the capacity of the former to exert control over the latter is limited, and that interactions are shaped not only by the personal qualities of the participants but also by the impersonal logic of instrumental reason. This logic is conceptualized as a kind of third subjectivity that mediates the dialogue between the Self and the Other. Achieving mediational equilibrium becomes possible through the development of autonomy among the parties, through their transformation, mutual recognition, and the search for a measure of compatibility. This approach is traced through examples from A.S. Akhiezer’s theory of sociocultural mediation, A.P. Davydov’s concept of inter-subjective dialogue, and R. Bush and J. Folger’s theory of transformative mediation. Key concepts in the latter include empowerment (strengthening participants’

ability to clearly recognize their goals and make responsible decisions) and recognition (willingness to hear and understand the Other's perspective). The essence of transformative mediation lies in the transition from imposing one party's position to a collaborative search for new possibilities, allowing the realization of both Self and Other's interests through dialogue. In conclusion, the article asserts the importance of overcoming the logic of mutual accusations by shifting the focus from the opponent's personality to the impersonal structures limiting the self-determination of all parties.

Keywords: social philosophy, social development, dialogue, mediation, mediational equilibrium, transformative mediation, personality, individual, personal responsibility, conflict.

Andreas K. Marinosyan – Ph.D. Student, Moscow City University.

a.marinosyan@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0577-2360>

For citation: Marinosyan A.K. (2024) Instrumental Reason as a Third Subjectivity in the Self–Other System. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 117–134.

DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-117-134

Введение

Понимание социального развития как процесса качественной трансформации общественных отношений, институтов и ценностей предполагает использование адекватного методологического инструментария для его изучения. Эффективным инструментом для подобного исследования может служить система отношений «Я – Другой», позволяющая рассматривать индивидуальные и коллективные субъекты как полноправных участников социальных взаимодействий и процессов развития на основе принципов взаимодополняемости и равноправия. Ключевым механизмом социального развития в данной системе выступает диалог, направленный на поиск меры совместности – оптимального баланса между автономией и связанностью, своеобразием и общностью, частными интересами и общим благом. Через добровольные соглашения, достигнутые в ходе диалога и зафиксированные в форме явных или неявных общественных договоров, реализуется совместная деятельность автономных и равноправных субъектов.

Однако признание раздвоенности субъекта социального развития и исходного противоречия между индивидуальным и социальным началом неизбежно ставит вопрос о возможности продуктивного диалога. Абсолютизация любого из полюсов этой

оппозиции ведет к разрыву между ними, усилению конфликтности и прекращению конструктивного взаимодействия. Попытки утвердить безусловный примат индивидуального ведут к атомизации социума, разрушению устойчивых связей и институтов. Таким же деструктивным оказывается и растворение индивидуальности в надличностных структурах, подавление автономии и своеобразия личности.

Преодоление этой дилеммы, как показывает А.П. Давыдов, становится возможным через медиацию – поиск «третьего пути» в смысловом пространстве между крайностями индивидуализма и коллективизма. Медиация предполагает трансформацию пространства диалога, формирование новых оснований коммуникации, выходящих за рамки исходных абсолютизированных принципов [Давыдов 2020, 531–533]. В процессе медиации диалог перестает быть лишь противоборством антагонистов и становится совместным движением к новому синтезу, в котором односторонние позиции интегрируются в качественно иную целостность.

Вместе с тем отказ от мышления абсолютами сам по себе еще не гарантирует альтернативного продуктивного смыслообразования. Процессы медиации сопряжены с существенными рисками и противоречиями. Отрицание старых смыслов без созидания новых ценностей чревато появлением идейного вакуума, размыванием ориентиров человеческого существования. Место преодоленных противоположностей могут занимать эклектические химеры, возможной становится утрата позитивного содержания, «пустота в “сфере между”» [Давыдов 2020, 555]. В настоящей статье будут рассмотрены препятствия на пути медиации и диалога, связанные с установкой субъектов на рациональное действие, и проанализирован вопрос о том, каким образом стремление к рациональности может способствовать либо ограничивать медиацию-диалог.

Основные вопросы медиационного мышления

Особую сложность и противоречивость медиационные процессы приобретают в переходные исторические периоды, характеризующиеся масштабной ломкой устоявшихся форм жизни. В такие эпохи высока вероятность инверсионных срывов – попыток преодоления накопившихся противоречий через простую смену полюсов, зеркальное отражение прежних крайностей. Вместо подлинной медиации и диалога происходит циклическое колебание между полярными абсолютами, воспроизводство

старых антагонизмов в новой форме [Ахиезер 1997]. Трудность для медиации представляют и ситуации, в которых конфликт происходит за разграничение сфер влияния, за распределение ограниченных ресурсов, имеющих для сторон в их представлении жизненный интерес. Дефицит доверия и взаимное ожидание враждебных действий создают порочный круг, блокирующий конструктивное взаимодействие.

Устойчивость медиационного равновесия во многом зависит от целей, которые мы ставим перед процессом медиации, от вопросов, которые задаем себе в рамках такого процесса. В этой связи важно рассмотреть три ключевых вопроса медиационного мышления и диалогизации межсубъектного смыслового пространства. Они сформулированы А.П. Давыдовым:

1. В какой степени я могу изменить окружающую среду, чтобы удовлетворить свои потребности?

2. В какой степени я должен изменить свои цели, чтобы адекватно отвечать на новые вызовы?

3. В какой степени я способен участвовать в создании нового всеобщего особенного?

Как пишет А.П. Давыдов, ограниченность мышления поиском ответа лишь на первый вопрос чревата утратой творческого потенциала и социальной значимости личности. Именно готовность к самоизменению и сотворчеству, реализующаяся через поиск ответов на второй и третий вопросы, открывает путь к подлинному развитию [Давыдов 2020, 64–65]. То, какие вопросы медиационного мышления выходят на первый план, в свою очередь, определяется предметом диалога между «Я» и Другим. Можно выделить две основные предметные области.

Первая предметная область – диалог, ориентированный на обмен опытом, воззрениями и создание новых смыслов. Цель такого диалога – взаимное развитие личности «Я» и личности Другого через приобщение к иному жизненному миру, через обогащение индивидуальной перспективы постижением чужой субъективности. Речь идет не столько о прагматическом согласовании интересов, сколько о глубинной экзистенциальной коммуникации, в которой «Я» и Другой совместно порождают новые горизонты существования. Диалог в данном случае – это не средство достижения внешних целей, а самоценная форма самобытия, самопознания обоих, развивающая личностное начало во всех своих участниках.

Вторая предметная область – диалог, ориентированный на согласование позиций относительно вопросов рисков и контроля. Его цель состоит в обеспечении условий для удовлетворения собственных потребностей, управлении рисками через установление контроля за поведением Другого. Такой диалог носит преимущественно инструментальный характер, служит средством реализации стратегических интересов сторон. «Я» стремится не столько понять уникальный мир Другого, сколько вписать его в свою систему координат, сделать предсказуемым и управляемым. Хотя при этом неизбежен момент развития (через рационализацию своих интересов и постижение интересов визави), главный акцент ставится не на сотворчество, а на гарантии безопасности и возможности контроля. Диалог в контексте этой предметной области соотносится с первым вопросом медиационного мышления.

Две предметные области диалога могут находиться в противоречии друг с другом, поскольку они подразумевают разное отношение к Другому. В первом случае Другой – продолжение моей свободы, во втором – ее ограничение, угроза.

Инструментальная рациональность как субъект медиационного процесса

Инструментальная рациональность представляет собой тип мышления, ориентированный на поиск наиболее эффективных средств для достижения заданных целей. Она предполагает заданность цели, сосредоточена на оптимизации процесса ее реализации при минимальных затраченных ресурсах. В контексте инструментальной рациональности действия оценивают прежде всего с точки зрения их полезности, способности приводить к желаемым результатам.

Инструментальная концепция разума некоторыми исследователями¹ возводится к философии Д. Юма, утверждавшего, что «разум есть и должен быть лишь рабом аффектов и не может претендовать на какую-либо другую должность, кроме служения и послушания им», и потому разум может влиять на поведение человека только двумя путями: или сообщением о существовании того, что является объектом аффекта, или нахождением тех причин и следствий, с которыми связано проявление аффекта [Юм 1996, 457, 500–501].

Систематическую разработку концепция инструментальной рациональности получила в социологии М. Вебера, описывающего инструментально-рациональное, или целерациональное

---

¹ Вопрос о том, присутствует ли в действительности в работах Юма инструментальная концепция разума, обсуждается, например, в работах [Hampton 1995; Setiya 2004].

(zweckrational), действие как один из четырех основных типов социального действия [Вебер 1990]. Целерациональное действие, согласно Веберу, предполагает четкое осознание цели, расчет адекватных средств ее достижения и учет возможных побочных следствий. Именно распространение целерационального действия Вебер считал ключевой характеристикой процесса рационализации западного общества.

Однако, если инструментальная рациональность из средства превращается в самоцель, она трансформируется в то, что М. Хоркхаймер и Т. Адорно назвали инструментальным разумом. Концепция инструментального разума занимает важное место в их совместной работе «Диалектика Просвещения» (1947). Также эта тема подробно раскрыта в изданной сначала на английском языке книге Хоркхаймера «Затмение разума» (1947), немецкий перевод которой вышел позднее под названием «К критике инструментального разума».

В книге «Затмение разума» Хоркхаймер противопоставляет инструментальный (субъективный) разум, занятый поиском средств для достижения субъективных целей самосохранения, объективному разуму, стремящемуся укоренить истину и смысл во всеобъемлющей тотальности. По мере того, как самосохранение становится все более всеохватывающим, разум становится формальным и неспособным судить о целях [Хоркхаймер 2011]. В «Диалектике Просвещения» Хоркхаймер и Адорно прослеживают, как Просвещение, стремившееся освободить человечество с помощью разума, порождает новые формы господства. Инструментальный разум, пытаясь сделать мир калькулируемым и подконтрольным, нивелирует культуру и фрагментирует общество. Разум утрачивает критический потенциал и начинает работать против самого себя, поработая человека безличным императивам эффективности [Хоркхаймер, Адорно 1997].

В статье не будем рассматривать исторический план становления инструментального разума, но укажем следующее. В контексте отношений «Я – Другой» инструментальная рациональность выступает как один из возможных типов рациональности, используемых участниками диалога. Но, если она становится доминирующим и самодовлеющим принципом, происходит ее трансформация в инструментальный разум как относительно самостоятельную силу, третью субъектность, опосредующую коммуникацию между «Я» и Другим и подчиняющую их своей формализующей логике. «Я» и Другой рискуют превратиться из полноценных субъектов диалога в обычные функции овеществленного инструментального разума. Опыт, ценности и смыслы участников коммуникации вытесняются на периферию, уступая

место калькуляции соотношения выгод и издержек. Это чревато разрывом живой ткани социальности и угрожает перспективам социального развития.

Для дальнейшего анализа выделим две роли, в которых человек предстает в обществе: человека как личность и человека как субъекта межиндивидуальных отношений. Человек как личность – носитель уникальных смыслов и ценностей, субъект самосознания и саморазвития. Личность характеризуется способностью к рефлексии, автономией воли, моральной ответственностью за свои решения и поступки. Формирование личности является результатом внутреннего диалога и взаимодействия с внешним миром. Человек как личность способен задать приведенные выше второй и третий вопросы медиационного мышления в формулировке А.П. Давыдова.

Человек как субъект межиндивидуальных отношений – индивид, включенный в конкретные социальные взаимодействия и институты, занимающий определенные позиции и выполняющий определенные роли в отношениях с другими². Он характеризуется погруженностью в практическую деятельность, зависимостью от внешних обстоятельств, необходимостью решать проблемы в условиях ограниченных ресурсов и информации. Главный вопрос для него – это первый из трех приведенных вопросов медиационного мышления.

Ключевой момент состоит в том, что контроль человека как личности над самим собой как субъектом межиндивидуальных отношений не является абсолютным. Действия индивида в социальном контексте обусловлены не только его личностными качествами и ценностями, но и внешними факторами, включая логику инструментального разума. В рамках отношения «Я – Другой» инструментальный разум можно рассматривать как своего рода третью субъектность. В случае, если диалог происходит относительно второй предметной области, выделенной нами ранее в статье, инструментальный разум в значительной степени определяет логику взаимодействия между субъектами, влияет на характер и направление взаимодействий между «Я» и Другим.

Одной из причин неустойчивости медиационного равновесия является именно логика инструментального разума, требующего

---

² То, что мы понимаем под человеком как субъектом межиндивидуальных отношений, можно сравнить с актором (или «действующим лицом», как переведено слово «астейт» на русский Е.А. Самарской [Турен 1998]) А. Турена, с агентом, субъектом практики П. Бурдьё [Бурдьё 2001]. Но необходимо, конечно, принимать во внимание принципиальное различие в коннотациях и методологических установках.

перейти от диалога с Другим к действиям по контролю над ним. При этом существует тенденция переносить ответственность за нарушение такого баланса на личности участников диалога, а не на внеличные факторы, такие как инструментальный разум. Данная тенденция созвучна тому, что американский психолог австрийского происхождения Ф. Хайдер называл «фундаментальной ошибкой атрибуции» [Хайдер 2013]. Согласно Хайдеру, люди склонны переоценивать степень, в которой поведение других определено их устойчивыми личностными характеристиками, и недооценивать роль ситуационных факторов. Иными словами, мы чаще объясняем действия человека особенностями его личности, нежели обстоятельствами, в которых он находится. Приписывая негативные действия Другого его личностным качествам, рискуем разрушить пространство коммуникации, перейти от обсуждения конкретных проблем к конфликту идентичностей. Это уменьшает возможность совместного поиска решений и работы с объективными причинами трудностей в отношениях. Целесообразно признать ограниченность знания и самоконтроля индивида, его зависимость от логики той системы отношений, в которую он встроен. Это позволяет перейти от фиксации на негативных чертах Другого к обсуждению структурных условий взаимодействия.

Конечно, такой подход не означает полного снятия моральной ответственности с личности. Скорее, речь идет о более реалистичном взгляде на границы этой ответственности, на сложное опосредование связи между «Я» и его действиями. Признание ограниченности личного контроля над ситуацией должно стать не оправданием безответственности, а отправной точкой для рефлексии и работы над расширением пространства свободы. Вопрос о личной ответственности можно считать одним из ключевых в дискуссиях о нравственных основаниях человеческого поведения. Классическая позиция, выраженная, в частности, в работах М.М. Бахтина, исходит из полной и безусловной ответственности личности за свои поступки. Согласно Бахтину, ответственный поступок преодолевает всякую гипотетичность, он есть «осуществление решения – уже безысходно, непоправимо и невозвратно». В поступке личность полагает себя целиком, соотносит «и смысл и факт, и общее и индивидуальное, и реальное и идеальное» [Бахтин 2003, 29].

Безусловно, такое понимание ответственности задает высокий этический идеал, к которому должен стремиться каждый человек. Однако лишь утверждение этого принципа, его абсолютизация не решат проблему реализации ответственности на практике. Более того, использование постулата о полной ответственности личности как основания для осуждения и наказания Другого,

может быть контрпродуктивным, поскольку рождает resentment посредством перенесения негативных чувств, испытываемых по отношению к поступку Другого, на его личность. Концепция третьей субъектности не отменяет значимости персональной ответственности, но позволяет конкретизировать условия и механизмы ее осуществления в реальной сложности социальных отношений. Она ориентирует не на конфронтацию относительно меры вины «Я» или Другого, а на совместную работу по созданию пространства для ответственного поступка.

Психологические факторы, препятствующие диалогу между «Я» и Другим

Установление подлинного диалога между «Я» и Другим сталкивается не только с объективными социокультурными барьерами, но и с психологическими факторами, укорененными в структуре личности. Согласно А.П. Давыдову³, даже при наличии внешних условий для коммуникации психологические защитные механизмы могут блокировать открытость к восприятию иной перспективы и готовность к изменению собственной позиции. Известный психолог и психиатр Р.Д. Лэнг выделяет несколько ключевых психологических препятствий на пути к диалогу [Лэнг 1995, 30–43].

Первое препятствие – страх поглощения Другим. Диалог предполагает определенную степень открытости, готовности впустить в свой внутренний мир альтернативный взгляд на вещи. Однако такая открытость может переживаться как угроза целостности «Я», как риск раствориться в чужой субъективности. Особенно острым этот страх становится в ситуациях неравенства ресурсов и возможностей, в которых одна из сторон диалога занимает более высокий статус и претендует на доминирование.

Второе препятствие – угроза деперсонализации. Подлинный диалог требует от «Я» признания в Другом равноправного субъекта, а не просто объекта манипуляций. Однако такое признание может быть психологически дискомфортным, поскольку означает необходимость считаться с самостоятельностью Другого, невозможность полностью контролировать ситуацию взаимодействия. Гораздо проще и спокойнее воспринимать Другого как вещь, которой можно произвольно распоряжаться. Овеществление Другого избавляет от необходимости прилагать усилия для понимания его внутреннего мира, учитывать его интересы и ценности.

---

³ Источником в данном случае является устная и письменная коммуникация с А.П. Давыдовым, оказавшим существенную помощь в подготовке статьи.

Третьим препятствующим фактором, как формулирует А.П. Давыдов, является страх внутреннего раздвоения, раскола. В процессе диалога «Я» неизбежно сталкивается с аргументами и ценностями, противоречащими его исходным установкам. Под влиянием этой встречи устоявшаяся система взглядов может быть поставлена под вопрос, ее когерентность и непротиворечивость оказываются под угрозой. Осознание ограниченности собственной перспективы, необходимость интегрировать новый опыт могут быть переживаемы как болезненный внутренний раскол, утрата привычных ориентиров. «Я» может стремиться избежать этой внутренней трансформации, цепляясь за стабильность сложившейся идентичности и блокируя любые альтернативы.

В качестве четвертого препятствия можно выделить фактор, возникающий уже в процессе взаимодействия «Я» и Другого. Действия человека как субъекта межличностных отношений могут идти вразрез с его собственными представлениями как личности. И для сохранения целостности своего «Я», чтобы сохранить для себя иллюзию того, что он выступает субъектом собственных действий, человек (во многих случаях неосознанно) изменяет собственные ценностные установки и представления, чтобы обосновать действия, на которые вынужден идти как участник конфликта, взаимодействия с другими⁴.

Эти психологические факторы не являются случайными, внешними помехами коммуникации, а представляют собой аспекты человеческого самосознания, затрагивающие базовые механизмы поддержания идентичности. С одной стороны, ключевым условием для преодоления психологического сопротивления медиации и диалогу служит укрепление личностной автономии, способности детерминировать собственное поведение. Только «Я», уверенное в своей способности сохранять целостность и творчески перерабатывать новый опыт, может без страха открыться навстречу Другому. С другой стороны, в условиях конфликта, воспринимающегося сторонами как несущий для них крайне значимые или даже экзистенциальные риски, человек, оставаясь исключительно в рамках психологической работы над самим собой, не всегда способен демонстрировать установку, способствующую медиации. Возможно, принятие собственного раскола, признание самому себе в том, что он в качестве актора является лишь персонификацией тех диспозиций, которые образуют конфликт, и не отождествление

---

⁴ Этот процесс изменения своего «Я» для сохранения представлений о собственной субъектности интересно было бы соотнести с тем, что Ж.-П. Сартр обозначал как гипостазирование бытия-для-себя [Сартр 2009, 135] и интериоризация внешнего [Sartre 1968].

своей личности с этим актором будут способствовать тому, чтобы собственное самосознание было в меньшей степени ангажировано логикой конфликта, чтобы отдать во власть инструментальному разуму себя как актора, но себя как личность.

Трансформационная медиация

Теория трансформационной медиации, разработанная американскими социологами Р. Бушем и Дж. Фолджером, представляет собой один из возможных примеров того, как можно на практике воплотить идею смены фокуса⁵ с контроля над Другим на совместное преодоление ограниченности знания и самоконтроля. В отличие от традиционных подходов, стремящихся прежде всего к достижению формальных соглашений, трансформационная медиация видит главную цель в изменении качества взаимодействия, развитии способности к взаимопониманию и сотворчеству.

Ключевыми понятиями трансформационной медиации являются развитие (empowerment) субъектности сторон и признание (recognition) ими перспективы друг друга. Развитие подразумевает укрепление способности участников диалога четко осознавать свои цели, принимать решения и нести за них ответственность. Признание означает готовность услышать и понять точку зрения, интересы и потребности Другого, проявить уважение к его позиции. Эти два процесса взаимно усиливают друг друга: обретение субъектности создает основу для эмпатии, а признание Другого, в свою очередь, способствует более глубокому самоопределению.

Особенность трансформационного подхода состоит в том, что он смещает фокус с достижения конкретного соглашения по спорным вопросам на преобразование характера коммуникации между сторонами. Главная ценность медиации видится в улучшении взаимопонимания и формировании у участников диалога навыков конструктивного взаимодействия. Даже если непосредственное соглашение не достигнуто, но стороны обрели новое видение ситуации и новые поведенческие модели, процесс можно считать успешным.

Эта установка созвучна идее о необходимости трансформации ситуации, порождающей зависимость субъектов от инструментального разума. Медиация выступает не просто как техника урегулирования конфликта, но как практика преобразования социального контекста, расширения пространства личностной автономии и осознанной ответственности. Через развитие субъектности и взаимное признание «Я» и Другой обретают способ-

---

⁵ См. о смене предмета диалога как способе медиации: [Давыдов 2020, 555–557].

ность дистанцироваться от диктата отчужденных социальных сил и формировать новые, более гуманные основания своих отношений.

Такой подход созвучен идее коэволюции Н.Н. Моисеева, понимаемой В.А. Лекторским в качестве новой онтологии, противопоставленной антропоцентризму [Моисеев 1995; Лекторский 2004]. Речь идет о переходе от логики господства и контроля, характерной для инструментального разума, к партнерству и сотворчеству в отношениях «Я – Другой». Задача заключается не в том, чтобы победить противника, а в том, чтобы вместе создать такую реальность, в которой будут удовлетворены интересы и потребности всех участников диалога.

Практическая реализация трансформационного подхода может быть проиллюстрирована на различных примерах, от урегулирования конфликтов в организациях до разрешения противоречий на макросоциальном уровне. Буш и Фолджер приводят примеры межиндивидуального уровня. Например, сотрудник американской почтовой службы подал жалобу на начальника по поводу дискриминации. В ходе процесса медиации, следуя трансформационному подходу, стороны смогли открыто представить собственные позиции и эмоции. В результате сотрудник выразил свое желание получить продвижение по карьерной лестнице, а начальник изложил свои требования и ожидания к потенциальным руководителям. Постепенно напряжение стало исчезать, стороны начали лучше понимать друг друга. В итоге начальник и сотрудник договорились о том, что первый поможет второму пройти соответствующее обучение для дальнейшего продвижения [Bush, Folger 2004, 26–34].

Одним из примеров реализации принципов трансформационной медиации на макроуровне служит развитие общедоступных социальных институтов, способствующих преодолению классовых противоречий. Исторически отношения между буржуазией и пролетариатом рассматривались как непримиримый конфликт, обусловленный структурой капиталистического способа производства. Попытки разрешить это противоречие через простое перераспределение собственности приводили к насилию и революциям. Однако социально-экономические реформы, направленные на выравнивание стартовых возможностей индивидов, независимо от их происхождения, помогли сделать так, что противостояние утратило былую значимость. Развитие общедоступных институтов образования, здравоохранения и социальной поддержки позволило представителям низших классов улучшать свое положение за счет собственных усилий и способностей, повысило вертикальную социальную

мобильность, сделало границы между классами более пронизываемыми.

Концепция трансформационной медиации предполагает, что через развитие личностной автономии сторон и пространства их взаимного признания могут быть созданы условия для ответственного самоопределения в процессе сотрудничества, для перехода от логики раздела дефицитных благ к совместному поиску новых возможностей и ресурсов. Но стоит признать, что в условиях некоторых социально-политических и идеологических конфликтов практическая реализация программы трансформационной медиации вряд ли возможна⁶, поскольку в таких конфликтах, с одной стороны, во многих случаях в принципе не возможно присутствие третьей, находящейся над конфликтом стороны, с другой стороны, слишком высоки риски, что медиационная установка одной стороны будет воспринята другой стороной как слабость. Можно было бы высказать предположение, что в ряде случаев за конфликтами, которые презентуются сторонами как идеологические, кроется неспособность ни одной из сторон полноценно реализовать собственную идеологию, реализовать то, что образует их индивидуальное или коллективное «Я». И инвективы в адрес Другого – это способ сокрытия собственной неспособности освободиться от власти инструментального разума. Однако подобное предположение, вероятно, представляет собой слишком ненадежное обобщение, и тема диалога и медиации в рамках политических конфликтах требует более обстоятельного исследования, чем данная работа.

Заключение

В настоящей статье мы хотели продемонстрировать, что проблема достижения устойчивого медиационного равновесия в отношениях «Я» и Другого не может быть сведена только к преодолению взаимных предубеждений и иллюзий сторон. Даже при наличии искренней установки на диалог, отсутствии предрассудков и комплексов стороны могут оставаться в плену логики инструментального разума, диктующего им стремление к контролю и ограничению друг друга.

---

⁶ Стоит отметить, что концепция трансформационной медиации Р. Буша и Дж. Фолджера получила развитие в ряде изданий, в т.ч. практической направленности и адресованным тем, кто непосредственно осуществляет медиацию [Designing Mediation... 2001; Working through Conflict... 2021]. Но политическим и международным конфликтам в этих работах существенное внимание не уделяется.

В ситуациях, если конфликт затрагивает коренные интересы участников, связан с борьбой за распределение ресурсов и сфер влияния, даже искреннего стремления сторон к диалогу оказывается недостаточно. Необходима глубокая трансформация как среды взаимодействия, так и способностей сторон к достижению целей таким образом, чтобы устранить рациональные истоки противостояния.

Нередко стороны социальных и политических конфликтов убеждены, что их интересы состоят в получении того, чем обладает оппонент. Однако в действительности их подлинный интерес может заключаться в преодолении собственного незнания того, как достичь собственных целей без присвоения ресурсов другой стороны. Человеку как личности не имеет смысла всегда вменять ответственность за действия, которые он совершает как субъект межличностных отношений. Это часто приводит лишь к гипостазированию враждебных установок сторон конфликта, а не к тому, что стороны возьмут на себя ответственность за принятие сложных и непопулярных (в глазах сторонников) решений, которые приведут к разрешению конфликта.

Существенным барьером на этом пути часто становится неготовность сторон отказаться от логики взаимных обвинений и признать свою часть ответственности за эскалацию конфликта. Одна из сторон может возлагать на другую вину в целом за нарушение медиационного равновесия в прошлом, требуя подчинения и компенсации. Преодоление этого барьера требует смены фокуса внимания с личности оппонента на безличную логику инструментального разума, которой в определенной мере подчинены действия всех участников конфликта. Обида и претензии к Другому в данном случае могут трансформироваться в стремление ограничить власть инструментального разума над собственными словами и действиями. Речь идет о выработке новых моделей коммуникации и совместной деятельности, позволяющих реализовать интересы «Я» и Другого вне логики распределения ограниченных ресурсов и возможностей. Задача медиации в таком случае – помочь сторонам диалога прийти к теоретическому и практическому знанию, которое позволит найти пути реализации их интересов через сотрудничество, а не через конфронтацию. В таком случае инструментальный разум перестанет быть внешней, подчиняющей силой и трансформируется в инструментальную рациональность, подчиненную осознанной воле участников диалога.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ахиезер 1997 – *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта: социокультурная динамика России: в 2 т. Т. 1: От прошлого к буду-

щему / 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.

Бахтин 2003 – *Бахтин М.М.* К философии поступка // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. – М.: Русские словари, 2003. С. 7–68.

Бурдые 2001 – *Бурдые П.* Практический смысл / общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб. : Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2001.

Вебер 1990 – *Вебер М.* Основные социологические понятия // *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.

Давыдов 2019 – *Давыдов А.П.* «Неклассика» В.А. Лекторского и «медиация» А.С. Ахиезера в науке об обществе // Теория медиации Александра Ахиезера. Воспоминания. Библиография / отв. ред. А.П. Давыдов. – М.: Новый хронограф, 2019. С. 58–82.

Давыдов 2020 – *Давыдов А.П.* Методологическая «середина» как инструмент изучения социальной реальности // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 18 / отв. ред. М. К. Горшков. – М.: Новый Хронограф, 2020. С. 529–564.

Давыдов 2023 – *Давыдов А.П.* Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа (размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе») // Философские науки. 2023. Т. 66. № 4. С. 140–159.

Лекторский 2004 – *Лекторский В.А.* Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке? // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 44–49.

Лэнг 1995 – *Лэнг Р.Д.* Расколотое «Я». Антипсихиатрия. – М.: Академия; СПб.: Белый кролик, 1995.

Моисеев 1995 – *Моисеев Н.Н.* Современный рационализм. – М.: МГВП КОКС, 1995.

Сартр 2009 – *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничего: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл. В. И. Колядко. – М.: АСТ, 2009.

Турен 1998 – *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии / пер. с фр. Е.А. Самарской. – М.: Научный мир, 1998.

Хайдер 2013 – *Хайдер Ф.* Психология межличностных отношений. – СПб.: Питер, 2013.

Хоркхаймер 2011 – *Хоркхаймер М.* Затмение разума. К критике инструментального разума. – М.: Канон+, 2011.

Хоркхаймер, Адорно 1997 – *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – М.: Медиум; СПб.: Ювента, 1997.

Юм 1996 – *Юм Д.* Трактат о человеческой природе / пер. С.И. Церетели // *Юм Д.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1996. С. 53–656.

Bush, Folger 2004 – *Bush R.A.B., Folger J.P. The Promise of Mediation: The Transformative Approach to Conflict.* – San Francisco: Jossey-Bass, 2004.

Designing Mediation... 2001 – *Designing Mediation Approaches to Training and Practice within a Transformative Framework* / ed. by J.P. Folger, R.A.B. Bush. – New York: Institute for the Study of Conflict Transformation, 2001.

Hampton 1995 – *Hampton J. Does Hume Have an Instrumental Conception of Practical Reason?* // *Hume Studies*. 1995. Vol. 21. No. 1. P. 57–74.

Sartre 1968 – *Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique. Tome 1.* – Paris: Gallimard, 1968.

Setiya 2004 – *Setiya K. Hume on Practical Reason* // *Philosophical Perspectives*. Vol. 18. P. 365–389.

Working through Conflict... 2021 – *Working Through Conflict: Strategies for Relationships, Groups, and Organizations* / ed. by J.P. Folger, M.S. Poole, R.K. Stutman; 9th ed. – New York: Routledge, 2021.

REFERENCES

Akhiezer A.S. (1997) *Russia: Critique of Historical Experience: Sociocultural Dynamics of Russia. Vol. 1: From the Past to the Future* (2nd ed.). Novosibirsk: Sibirskiy khronograf (in Russian).

Bakhtin M.M. (2003) *Toward a Philosophy of the Act*. In: Bakhtin M.M. *Collected Works. Vol. 1: Philosophical Aesthetics of the 1920s* (pp. 7–68). Moscow: Russkie slovari (in Russian).

Bourdieu P. (2001) *Practical Reason: On the Theory of Action* (N.A. Shmatko, Ed., Trans. & Afterword). Saint Petersburg: Aletheia; Moscow: Institute of Experimental Sociology (Russian translation).

Bush R.A.B. & Folger J.P. (2004) *The Promise of Mediation: The Transformative Approach to Conflict*. San Francisco: Jossey-Bass.

Davydov A.P. (2019) V.A. Lektorsky's "Non-Classics" and A.S. Akhiezer's "Mediation" in the Science of Society. In: A.P. Davydov (Ed.) *The Theory of Mediation by Alexander Akhiezer. Memories. Bibliography* (pp. 58–82). Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Davydov A.P. (2020) Methodological "Middle" as a Tool for Studying Social Reality. In: Gorshkov M.K. (Ed.) *Reforming Russia: Yearbook* (Vol. 18, pp. 529–564). Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Davydov A.P. (2023) Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference "Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society"). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 140–159.

Folger J.P. & Bush R.A.B. (Eds.) (2001) *Designing Mediation Approaches to Training and Practice within a Transformative Framework*. New York: Institute for the Study of Conflict Transformation.

Folger J.P., Poole M.S., & Stutman R.K. (Eds.) (2021) *Working Through Conflict: Strategies for Relationships, Groups, and Organizations* (9th ed.). New York: Routledge.

Hampton J. (1995) Does Hume Have an Instrumental Conception of Practical Reason? *Hume Studies*. Vol. 21, no. 1, pp. 57–74.

Heider F. (2013) *The Psychology of Interpersonal Relations*. Saint Petersburg: Piter (Russian translation).

Horkheimer M. (2011) *Eclipse of Reason*. Moscow: Kanon+ (Russian translation).

Horkheimer M. & Adorno T. (1997) *Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments*. Moscow: Medium; Saint Petersburg: Yuventa (Russian translation).

Hume D. (1996) A Treatise of Human Nature (S.I. Tsereteli, Trans.). In: Hume D. (1996) *Works in 2 Vols.* (Vol. 1, pp. 53–656). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Laing R.D. (1995) *The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness*. Moscow: Akademiya; Saint Petersburg: Belyy krolik (Russian translation).

Lektorsky V.A. (2004) Is the Integration of Natural Sciences and Human Sciences Possible? *Voprosy filosofii*. No. 3, pp. 44–49 (in Russian).

Moiseev N.N. (1995) *Modern Rationalism*. Moscow: MGVP KOKS (in Russian).

Sartre J.-P. (1968) *Critique de la raison dialectique* (Vol. 1). Paris: Gallimard (in French).

Sartre J.-P. (2009) *Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology* (V.I. Kolyadko, Trans.). Moscow: AST (Russian translation).

Setiya K. (2004) Hume on Practical Reason. *Philosophical Perspectives*. Vol. 18, pp. 365–389.

Touraine A. (1998) *Return of the Actor: Social Theory in Postindustrial Society* (E.A. Samarskaya, Trans.). Moscow: Nauchnyy mir (Russian translation).

Weber M. (1990) Basic Sociological Terms. In: Weber M. *Selected Works* (pp. 602–643). Moscow: Progress (Russian translation).

Медиация и конвергентная социальность. К теории социального диалога

А.П. Давыдов

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию механизмов формирования нового качества социального развития в современной России в условиях нарастающих социальных вызовов. Автор рассматривает четыре ключевых механизма (медиацию, социальный диалог, полисубъектность и конвергенцию), анализируя их роль в поиске новых форм социальной интеграции и развития. Эти механизмы представлены как инструменты для изучения и формирования актуальной меры взаимопроникновения старого и нового, традиций и инноваций, культурной статики и социальной динамики в различных социокультурных ситуациях и переходных процессах. Автор анализирует посвященные этой проблематике работы участников Всероссийской научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе» и предлагает собственную интерпретацию, структурирующую и обобщающую эти исследования. В частности, отмечается, что концепция «надындивидуального как социального всеобщего» В.А. Лекторского является важным шагом в понимании формирования социоиндивидуальных смыслов и преодолении противопоставления личности и общества; подход А.А. Аузана к анализу двухъядерной структуры российской культуры точно отражает специфику проблем социального развития в нашей стране; анализ противоречивости субъекта социального действия в условиях технологизации общества, проведенный О.В. Аксеновой, раскрывает причины сложности совмещения свободы и необходимости, унификации и разнообразия в социальном действии; подход, предлагаемый В.М. Розиным, может способствовать созданию условий для медиационного социального диалога в российском обществе. Аргументирована авторская точка зрения о том, что ни индивидуалистическое, ни коллективистское ядра российской культуры по отдельности не способны обеспечить эффективную модернизацию страны. Предлагается идея конвергенции как способа преодоления крайностей эго-индивидуализма и тоталитарного коллективизма. Выделено три основных направления реализации конвергентных стратегий: синтез индивидуального и социального

в контексте социального действия и диалога, оптимизация взаимодействия между центром и периферией в системе государственного управления, а также разработка и внедрение моделей государственно-частного партнерства как формы экономической конвергенции. Обращено внимание на необходимость поиска новых форм социальной интеграции. Сделан вывод о том, что для устойчивого социального развития России требуется формирование интегративной социоиндивидуальной модели, сочетающей элементы индивидуальной свободы и коллективной солидарности.

Ключевые слова: социальная философия, социальное развитие, конвергенция, социальный диалог, полисубъектность, надиндивидуальное, социоиндивидуальное, унификация, дифференциация, медиационные процессы.

Давыдов Алексей Платонович – доктор культурологии, эксперт РАН по социологии, главный научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН.

apdavydov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6429-5758>

Для цитирования: Давыдов А.П. Медиация и конвергентная социальность. К теории социального диалога // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 135–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-135-159

Mediation and Convergent Sociality: Toward a Theory of Social Dialogue

A.P. Davydov

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article investigates the mechanisms shaping a new quality of social development in contemporary Russia amidst growing societal challenges. Four key mechanisms are explored: mediation, social dialogue, polysubjectivity, and convergence. These are analyzed for their role in fostering novel forms of social integration and development. The mechanisms serve as tools for studying and shaping the current interplay between tradition and innovation, cultural stasis and social dynamics across various sociocultural contexts and transitional processes. The paper draws upon works presented at the All-Russian Scientific Conference “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society,” offering an original interpretation that synthesizes and structures these studies. Notable contributions include

V.A. Lektorsky's concept of "the supra-individual as social universality," which advances our understanding of socio-individual meaning formation and transcends the individual-society dichotomy. A.A. Auzan's analysis of the dual-core structure of Russian culture aptly captures the unique challenges of social development in Russia. O.V. Aksenova's examination of the contradictory nature of social action subjects in an increasingly technologized society illuminates the complexities of balancing freedom with necessity, and uniformity with diversity in social action. V.M. Rozin's approach is considered for its potential to facilitate mediational social dialogue in Russian society. The author argues that neither the individualistic nor the collectivist cores of Russian culture can independently drive effective modernization. Instead, the concept of convergence is proposed as a means to transcend the extremes of ego-individualism and totalitarian collectivism. Three primary directions for implementing convergent strategies are identified: synthesizing individual and social aspects in social action and dialogue, optimizing center-periphery interactions in governance, and developing public-private partnership models as a form of economic convergence. The study emphasizes the need for new forms of social integration and concludes that Russia's sustainable social development requires an integrative socio-individual model, combining elements of individual freedom and collective solidarity.

Keywords: social philosophy, social development, convergence, social dialogue, polysubjectivity, supra-individual, socio-individual, unification, differentiation, mediation processes.

Alexey P. Davydov – Doctor of Cultural Studies, RAS Expert in Sociology, Chief Research Fellow, Center for Sociology of Management and Social Technology, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

apdavydov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6429-5758>

For citation: Davydov A.P. (2024) Mediation and Convergent Sociality: Toward a Theory of Social Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 135–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-135-159

Введение

В условиях нарастающих социальных вызовов, с которыми сталкивается современное российское общество, проблема соотношения индивидуального и коллективного приобретает особую актуальность. Последние три десятилетия характеризуются накоплением ряда острых социальных проблем, включая кор-

рупцию, социальное неравенство, угрозу ценностного раскола между текущими интересами и исторически сложившимися ценностями, доминирование синкретиза «власть-собственность», фактическое отсутствие разделения властей и высокий уровень бедности населения. Ввиду этого возникает настоятельная потребность в поиске новых форм социальной интеграции и развития, способных обеспечить единство общества перед лицом множественных вызовов.

Целью статьи является исследование механизмов, способствующих формированию нового качества социального развития в условиях современной России. В центре внимания находится анализ четырех ключевых механизмов: медиации, социального диалога, полисубъектности и конвергенции. Эти механизмы рассмотрены как инструменты, позволяющие изучать и формировать актуальную меру взаимопроникновения старого и нового, традиций и инноваций, культурной статики и социальной динамики в конкретных социокультурных ситуациях, переходных процессах и точках бифуркации.

В работе отражена познавательная установка, характерная для деятельности Института социологии ФНИСЦ РАН и российской социологии в целом. Эта установка направлена на изучение социального развития индивида и общества, что подразумевает анализ способности субъектов к формированию нового качества развития, социального действия и диалога. В исследованиях российских социологов внимание уделено рассмотрению социального субъекта в различных контекстах его проявления, от повседневных практик (частных разговоров и взаимодействия) до институциональных форм (торговли, спорта, науки). При этом учитывается, что указанные социальные группы могут быть как ситуационно рождающимися и распадающимися, так и более устойчивыми. Это создает сложную динамику социального взаимодействия. Методологический подход, применяемый в данных исследованиях, опирается на традиции, заложенные А. Шюцем, Б. Латуром и А. Туреном. Но в настоящее время требуется адаптация методов социокультурного анализа к реалиям современной России, находящейся в условиях глобального конфликта и поиска новой меры своего единства. Необходимы разработки новых методологических средств, пригодных для изучения сложных и противоречивых процессов в российском обществе.

Статья построена на анализе работ авторов-участников дискуссий, проведенных в рамках секции «Проблемы медиации и диалога» Всероссийской научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе» [Давыдов 2023]. Проанализированы ключевые идеи и подходы, предложенные участниками конференции и посвященные определению новых теоретических и методологических перспектив в исследовании социального развития индивида и общества. Критически анализируя работы коллег, автор стремится выявить в них то, что вносит вклад в исследование механизмов, способствующих формированию более интегрированного и устойчивого социального порядка, сочетающего индивидуальную свободу и коллективную солидарность.

1. Эпистемологические основания медиации, диалога и конвергенции

Надындивидуальное в межсубъектном медиационном. Фрейд – о неизбежности социокультурного раскола, Лекторский – о возможности синтеза. В центре внимания участников заседания секции и подготовленных ими работ оказалась тема индивида как субъекта социального развития. Ее представил академик РАН и РАО **В.А. Лекторский** (Институт философии РАН). В своем выступлении и впоследствии в своей статье Лекторский не только поддержал устремленность участников конференции прежде всего на прояснение логики формирования социоиндивидуальных смыслов в акте группообразования, но и внес в эту идею важный элемент, который оказался особенно полезным для реализации целей конференции, но не прозвучал четко в ее программе [Давыдов 2023]. Лекторский пишет: «Ценности носят надындивидуальный характер. Индивид не изобретает их, а обретает в рамках той или иной коллективной общности: культуры, страны, социальной группы. Это происходит в результате вхождения человека в тот или иной (большой или малый) коллектив. Особенность великой личности, отличающая ее от других, состоит не в том, что она не похожа на остальных людей, мы все не похожи друг на друга. Ее особенность заключается в том, что такая личность наиболее полно выражает и осуществляет всеобщие, надындивидуальные, сверхиндивидуальные смыслы» [Лекторский 2024, 17]. Из этого следует следующий вывод: надындивидуальное, сверхиндивидуальное как социальное всеобщее Лекторского находится не

в Сверх-Я Фрейда, а в самой сути Я, в ее культурном ядре, в культурном коде. Процесс конвергентного формирования социоиндивидуального – это не искусственное взятие немного от черного и немного от белого, чтобы получить серое, а процесс естественный, органический и творческий.

Изложенная идея Лекторского видится важной для отрасли социологии, которая изучает механизмы группообразования и интерпретирует т.н. философский парадокс: *чем более всеобщий характер имеет деятельность личности, т.е. чем более личность социальна, тем более она личностно индивидуальна. Дополним: и тем более она личностно социальна.* Каким образом этот парадокс разрешается в процессе современного социального развития?

Речь идет о том, что в настоящее время в социальных науках постепенно складывается точка зрения, согласно которой исторически сложившийся капиталистический свободный рынок и управляемая корпорациями Я(Эго)-демократия, как и управляемый государственно-партийной бюрократией централизованный советский Мы-коллективизм, в качестве доминирующих субъектов социального развития все менее адекватны вызовам времени. *Необходима конвергенция, т.е. медиационный (от лат. *mediana* – «середина»; от лат. *media* – «среда»; от англ. *mediation* – «поиск середины, медиация») отказ от мышления противоположными черно-белыми абсолютами как монологичными крайностями, и нужен диалогичный поиск некоторой третьей формы межсубъектных отношений, который взял бы все лучшее, что создали эти уклады, но развивался бы на собственном альтернативном основании.* Возникает вопрос о том, как создать медиационное основание и каким образом через социальный диалог может быть создан медиационный субъект социального развития, т.е. как получить конвергенцию? Ответа на этот вопрос в той форме, в которой он поставлен, пока нет.

Но в науках появляются формы, через контуры которых просвечивает общая идея будущего общественного устройства. Этим обусловлен и основной пафос заданной конференцией исследовательской программы, предлагающей ввести в научный оборот относительно новые понятия. Среди них – «социально ориентированный индивид», «индивидуализация социального» и «социоиндивидуализм». Перечисленные понятия не говорят о том, какое общество индивиду нужно. Они лишь призывают аналитиков осуществлять прагматический поиск индивида как

нового субъекта в рамках познавательной установки, нацеленной на социальное развитие общества, не уходя ни в академизм, ни в историзм, ни в ту или иную политизацию, не преувеличивая значимость индивидуализации, социализации и постоянно совершенствуя методологию поиска адекватной социоиндивидуальной меры взаимопроникновения смыслов Я, Ты, Мы. Лекторский предлагает свою форму поиска такой меры.

В данном контексте уместно вспомнить концепцию З. Фрейда. По мере развития индивида происходит становление Я и формирование Сверх-Я. Сверх-Я психоанализа Фрейда включает в себя мораль и социальные стандарты (Мы), находится вне Я(Эго), в обществе, которое подавляет свободу Я.

Я(Эго) Фрейда – посредник между Сверх-Я и Ид (носителем природных рефлексов, примитивных инстинктов и первичных позывов) путем создания защитных механизмов: вытеснения, проекции, регрессии, сублимации, рационализации и др. Эпицентр внутреннего диалога между всеми составляющими сложной сферы Я находится, по Фрейду, в области Эго [Фрейд 1999]. Аналогично определен эпицентр этого диалога и в классической философии, названной в ряде работ эгологией.

Введением представления о «надындивидуальном как социальном всеобщем» Лекторский не отменяет ни Фрейда, ни достижения философской классики, но существенно уточняет их: он частично переводит эпицентр диалога между составляющими Я из сферы Эго в сферу Над-Эго, т.е. в область «надындивидуального», в которой формируются Я-ориентированное социальное, социокультурное и Я-Ты-Мы социоиндивидуальные ценности¹. Исторически сложившиеся социальные стандарты, мораль, располагающиеся в Сверх-Я, противостоят Я(Эго) в схеме Фрейда, а социоиндивидуальное/социокультурное Над-Эго Лекторского – это суть Я, его культурное ядро, способное выразить себя в формируемом им социоиндивидуальном и не способное воспроизводить себя иначе. В теории конвергенции с помощью Лекторского образуется тем самым область социокультурного

---

¹ Следует отличать «надындивидуальное как социальное всеобщее» В.А. Лекторского от «сверхиндивидуального, абсолютного, чистого Я» как «абсолютного субъекта» Фихте, радикально отличного от эмпирического Я (т.е. от самосознания реального человеческого индивида). Абсолютный субъект Фихте полагает самого себя, т.е. творит самого себя, но вместе с тем полагает существование не-Я, которое таким образом оказывается условием бытия абсолютного Я.

диалога и полисубъектности, в которой через индивидуализацию социального стремятся к синтезу противоположности: *надындивидуальные текущие интересы личности (общество)* и *надындивидуальные базовые ценности личности (культура)*; снимается острота социокультурного противоречия. Теория З. Фрейда объясняет раскол между культурой и обществом в Я, теория Лекторского помогает понять, как его преодолеть. Фрейд говорит о неизбежности социокультурного раскола, Лекторский – о возможности синтеза.

Проницаемость границ между Я, Ты и Мы в акте конвергенции. Однако абсолютного синтеза не бывает. И при соединении противоположностей (в нашем случае интересов и ценностей, индивида и общества/культуры, морали и *ratio*, науки и мифа, своих и чужих, Я и Мы, центра и регионов) частный, казалось бы, вопрос о проницаемости границ между стремящимися к конвергенции Я-индивидуализмом и Мы-социальностью упирается в общий вопрос о разграничивающей функции между противоположностями в системе «Я – Другой». Философы России и Германии в коллективной монографии «Разум и экзистенция» подошли к проблеме границы, поставив вопрос о «скользящей» (термин В.А. Лекторского) и «мерцающей» (термин М.Н. Эпштейна) границе между верой и знанием: «Не назрела ли необходимость отойти от традиционных схем, в которых либо разуму, либо морали приписывается некая изначальная фундаментальность? Быть может эти “атрибутивные свойства человека” сегодня уже должны рассматриваться в нерасторжимом единстве: внеморальный разум неразумен, внеразумная мораль неморальна... Такое единство с трудом рационализируется в непротиворечивых понятийных системах, но явно ощущается на уровне экзистенциальной проблематики» как индивидуального, так и коллективного существования [Касавин, Порус 1999, 17].

Проницаемость границ между социальным и индивидуальным расширяет возможности конвергенции этих смыслов как путь в новый, третий и неведомый ранее, синтетический смысл. Но перспектива новой жизни чаще отпугивает субъекта, чем привлекает. Почему? Коммуникация, диалог, проницаемость границ, доверие, любовь, любая совместность резко расширяют рамки социального действия. Человек, однако, часто опасается признаться в том, что он испугался расширившихся масштабов ответственности, сознаться, что в нем рождается не радость

от появления новых возможностей самовыражения, и даже не столько опасение потерять имеющееся в наличии, сколько страх обнаружить свою неспособность адекватно ответить на новый вызов жизни, т.е. выглядеть неадекватом, трусом и, обнаружив себя истинного, потерять лицо. Что именно угнетает его? Он боится быть поглощенным новыми смыслами, угрозой деперсонализации, окаменеть (термин Р. Лэнга) перед лицом нового многообразия, потерять исторически сложившееся и замкнутое только на себе, локальное Я. В итоге возникают онегинщина, пилатовщина, шариковщина, подпольность подпольного человека, которые порождают в психике человека новую доминанту: отчаяние, депрессию, тоску, пустоту и страх жить. Конвергенция живет не в Ид, не в болоте Эго-Я и Сверх-Я Фрейда, она обитает в царстве надындивидуального как социального всеобщего Лекторского, и путь в такое царство не подарок. Медиация, социальный диалог, полисубъектность, конвергенция – это то, что можно только завоевать, овладеть и освоить, а значит, иметь мужество быть (П. Тиллих), т.е. бороться с собой сложившимся, рисковать, чтобы измениться и победить.

Противоречивость субъекта социального действия О.В. Аксеновой в условиях технологизации общества. Социализация индивида через универсализацию (унификацию) и дифференциацию (разнообразие). Интеграция индивида в социальное, о которой размышлял В.А. Лекторский, – необходимый, но сложный, противоречивый, опасный процесс, грозящий субъекту атомизацией, о которой предупреждает З. Бауман [Бауман 2005], и расколом². Субъект *О.В. Аксеновой* (Институт социологии ФНИСЦ РАН) погружен в эту опасную среду. Он вынужден интегрироваться в нарастающий процесс технологизации, цифровизации общества, но обнаруживает, что становится технологом-винтиком в машине. Об этом писал еще К. Маркс, исследуя первоначальное накопление и конвейеризацию капиталистического способа производства. Человек-винтик протестует: хочет ощущать себя творческой личностью, независимой от диктата, который подавляет свободу его творчества, стремится изменить технологию, принятую в обществе, т.е. не быть только субъектом-технологом. Аксенова тем самым присоединяется к негативным оценкам, которые дают технологизации общества

---

² О расколе см. мою статью «Россия весной 2022 г.: раскол в обществе как основание социокультурного кризиса» [Давыдов 2024].

К. Маркс, З. Бауман и В.А. Лекторский, акцентируя внимание на том, что технический прогресс может быть социально ущербен в индивидуализированном обществе.

Процессы стандартизации, препятствующие отклонениям от установленных норм и правил, Аксенова называет *унификацией* в контексте интерпретации А.С. Ахиезера³. И в технологизации производственного процесса, строительства, инженерии, масштабировании успешного эксперимента унификация видится оправданной. Но в сфере управления в условиях нарастания необходимости совершенствования связи «центр – регионы», в которых центр и регионы через диалог вместе ищут адекватную меру взаимопонимания и взаимодействия, унификация может способствовать развитию монологичных процессов в управлении и застойных процессов в динамике социального развития, подавлять дифференциацию и уничтожать разнообразие. Почему так происходит?

О.В. Аксенова размышляет о нарастающей атомизации как «редукции личностной сложности», «исчезновении индивидуальности» и «утрате субъектности» в социальном действии субъекта, погруженного в технологический прогресс. Действие технологической системы тотально: оно колонизирует общество, культуру, сознание человека. В условиях глубокой втянутости современного субъекта социального действия в технологии, осо-

---

³ А.С. Ахиезер, анализируя социокультурные процессы, обращал особое внимание на феномен унификации, рассматривая его как механизм, возникающий в ответ на чрезмерное с точки зрения существующей культуры разнообразие. По мнению философа, унификация выступает как своеобразная защитная реакция общества, стремящегося упростить и стабилизировать социальные отношения в условиях нарастающей сложности. Он делал акцент на том, что унификация может стать инструментом политики правящих элит, используемым для решения «медиационной задачи» – установления связи между властью и массовым сознанием. При этом указывал на потенциальные негативные последствия такой политики: «Унификация – преграда развития общества, предпосылка снижения его творческого потенциала, социальной энергии, уменьшения возможности отвечать на вызов истории» [Ахиезер 1998, 514]. Важно отметить, что Ахиезер рассматривает унификацию не как единовременное явление, а как постоянно действующий процесс, интенсивность которого может варьироваться в зависимости от уровня разнообразия в обществе: «Борьба за унификацию идет постоянно, и интенсивность ее может расти с ростом разнообразия общества. В каждый период, на каждом этапе могут появиться новые “враги” – кооператоры, арендаторы, предприниматели и т.д.» [Ахиезер 1998, 514].

бенно в новые технологии, колонизованное сознание оказывается фрагментированным, расколотым и неспособным интегрировать многочисленные, часто противоположно действующие фрагменты в виде единства Я. Возникает странный феномен: «субъектность в технологической системе переходит к самой системе» [Аксенова 2024, 86]. Аксенова фиксирует: российские социологи для обозначения этого опасного процесса в сферах образования и управления предлагают новые термины, такие как «бюропатология» или «менеджеризм».

Раздвоенность субъекта Аксеновой и две противоположно направленные подсистемы управления позволяют обнаружить, что в условиях отсутствия внутреннего диалога между ними одна подсистема становится управляющей, другая – управляемой. Как правило, управляющей является технологическая подсистема, успешнее решающая текущие проблемы, но не заинтересованная в изменениях стратегического характера. Замкнутая на себе, она выступает не только субъектом власти, силы, но и владельцем собственности, через институт «власти-собственности» единолично формируя и направляя ежедневную деятельность иерархически выстроенной системы управления в целом. Рано или поздно созданная монологичная монополистическая система становится неэффективной, и ее заменяют новой, включающей в себя открытость, инновацию и диалог. Именно таким образом происходил развал командно-административной системы управления в СССР.

Следовательно, современному обществу нужна целостная система управления, включающая в себя оба взаимодополняющих режима: управления и самоуправления, организации и самоорганизации, регулирования и саморегулирования, унификации и дифференциации. Необходимы конвергенция и *медиационный процесс*, нацеленный на поиск адекватной меры взаимопроникновения и взаимодополнения этих противоположностей. Обсуждавшаяся на заседании секции мера несет в себе двойственную функцию: *устойчивость и изменчивость*, нацеленность на дифференциацию и унификацию, способность к консерватизму и реформизму. *Сохранение баланса* между ними измеряется эмпирически и достигается через самокритичный внутренний диалог обеих подсистем управления социальным действием субъекта социального развития.

В состав эпистемологических оснований социального развития, как и социального диалога, по необходимости входит и культура.

Культурные основания экономики и социального развития исследует А.А. Аузан (МГУ имени М.В. Ломоносова).

От двухъядерности в культуре к конвергенции. Проблема перехода. А.А. Аузан исходит из существования в России двух культурных ядер: индивидуалистического («И-России») и коллективистского («К-России»). «И-Россия», по его наблюдениям, включает в себя мегаполисы, Урал, Сибирь и Дальний Восток, а также Сахалин как «столицу российского индивидуализма». Аузан утверждает, что индивидуализм развивается сильнее всего в ситуации, при которой человек выходит из привычной общины. Это происходит в двух случаях: при переезде в большой город или при освоении новых земель. Аузан подчеркивает, что наличие этих двух полюсов – индивидуалистической России в мегаполисах, а также к востоку от Урала и коллективистской России на остальной территории – создает спрос на разные институты, что представляет в действительности проблему для страны. Он также обращается к концепции С. Хантингтона о «разорванных» странах, которые в процессе противостояния экспансии Запада переняли его управленческую, военную, технологическую культуру и в результате обрели два культурных ядра [Хантингтон 2014]. К таким странам Хантингтон относил Японию эпохи Мэйдзи, Россию периода петровских реформ, Мексику времен революции 1910–1917 годов. Аузан дополняет к этому списку Турцию времен кемалистских реформ. Основная проблема, по мнению Аузана, заключается в том, что культура служит источником спроса на определенные институты, системы правил и механизмы принуждения к их исполнению. Два различных культурных ядра, существующих в России, генерируют разный спрос на институты, что создает сложности в управлении и развитии страны.

А.А. Аузан рассуждает о главной специфике России, в частности о ее двухъядерности, и об истории ее рождения. Он спрашивает: «На что генерируется спрос разными культурными ядрами?» И отвечает: «И-Россия предъявляет спрос на институты демократии, свободное предпринимательство, модернизацию. К-Россия предъявляет спрос на институты социальной защиты, перераспределения, государственной поддержки. Два сигнала поднимаются, происходит аннигиляция, мы имеем слабую институциональную среду и ручное управление со стороны власти, потому что в К-России это по существу политическая опора, это мощная

электоральная поддержка. А И-Россия – возможность реализации проектов развития. Это два мотора, каждый из которых способен обеспечить модернизацию»⁴.

С изложенной позицией трудно согласиться. Проблема России в этом и состоит: ни И-ядро, ни К-ядро, каждое в отдельности, как бы ни выглядели перспективно при взгляде со стороны не в состоянии обеспечить модернизацию России. Почему? Потому что К-ядро – исторически сложившийся культурный код России – ввиду специфики исторического развития и воспитания всегда отторгал идею частной собственности, индивидуализма, индивидуальных социальных отношений, независимости личности, самостоятельности социального действия, достоинства и прав гражданина. Смысл Я, если он предстает в качестве субъекта межсубъектных отношений в исторических документах, всегда интерпретирован через идеалы господства и подчинения. Поэтому модернизация развития страны, о которой говорит Аузан, возможна сегодня только через модернизацию этих отношений: 1) совместные усилия обоих ядер; 2) нахождение через диалог между ними адекватной меры совместности; 3) доминирование в социальных отношениях норм гражданского права. Кроме того, необходимо привести в действие некоторые социальные механизмы, которые до сих пор молчат. Это демократические механизмы, но приводимые в действие внешними, т.е. авторитарными усилиями, поскольку изнутри, «снизу», т.е. сами собой, стихийно эти механизмы в России, как правило, не начинают работать. О каких механизмах идет речь?

2. Основные механизмы конвергенции

Середина, поиск середины, медиация – это сфера спора и поиска баланса между обычаем/привычкой мыслить стереотипами, традиционно и потребностью субъекта в новом уровне свободы через способность мыслить инновационно. «Середина (медиация)-для» – представление о субъектности «сферы между» культурой и обществом, нацеленной на развитие обоих полюсов через раз-

---

⁴ Выступление А.А. Аузана «Индивидуализм и коллективизм как факторы спроса на институты» на заседании секции «Культура, общество, межсубъектные отношения в ракурсе медиационного мышления. Проблемы социального диалога» Всероссийской научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе» 24 мая 2024 года в Институте социологии ФНИСЦ РАН.

вите себя как основания этого развития. Такая метафора, описывающая механизм служения партнеров друг другу на общем основании, родилась в моем анализе под влиянием методологии В.А. Лекторского, анализировавшего концепты «Я-для-другого» и «Другой-для-меня» М.М. Бахтина [Давыдов 2021]. «Середина (медиация)-от» – представление о том, что «середина» раздвоена и амбивалентна. Принцип сотрудничества ее частей «друг-для-друга» М.М. Бахтина и В.А. Лекторского осуществляется, взаимодействуя с принципом «их независимости друг-от-друга» Р.С. Гринберга и А.Я. Рубинштейна. «Для» и «от» в данном случае тождественны, поскольку нацелены на решение общей задачи – поиск адекватной меры совместности в целях стимулирования социального развития [Давыдов 2020, 559–561]. *Медиационный процесс* – это динамика мышления и поведения социального субъекта (индивида и/или группы), освобождающегося от диктата монологичных соборно-авторитарных полюсов управления обществом и переходящего к методологии принятия индивидуальных решений в межполюсной «сфере между» на собственном основании; этот процесс имеет три этапа: 1) акт критики абсолютов; 2) процесс поиска индивидуальной альтернативы через диалог старого и нового, традиций и инноваций, культурной статики и социальной динамики в себе, исторически сложившихся ценностей и текущих интересов как нового (третьего) основания своего бытия; 3) поиск синтеза (конвергенции) индивидуального и социального в некоем социоиндивидуальном на новом (конвергентном) основании.

Основной вопрос медиации образуется из того, что она, как поиск середины, противостоит инверсии как метанию мысли между черно-белыми полюсами-крайностями по формуле «либо – либо». Инверсия и медиация взаимоисключают и взаимодополняют друг друга в смыслогенезе. Поэтому этот основной вопрос медиации заключается в том, как определить меру медиации в мышлении и принятии решений, нацеленных на социальное развитие.

Интерпретация идеи медиации и существа медиационного процесса. А.Х. Мариносян (МГПУ) изучает концепцию инструментального (субъективного) разума известных западных аналитиков мышления и социального поведения М. Хоркхаймера и Т. Адорно в их совместной работе «Диалектика Просвещения» (1947) и в книге Хоркхаймера «Затмение разума» (1947) [Хоркхаймер, Адорно 1997; Хоркхаймер 2011]. Он приходит к

выводу о том, что образ инструментальной рациональности в этих работах – эффективное методическое средство изучения динамики смыслов в культуре и обществе. Указанные авторы, исследуя работу европейского инструментального разума, дают ей отрицательную оценку, и Мариносян с такой оценкой согласен. По существу, Хоркхаймер и Адорно со своими критическими оценками просвещенческого культа рациональности встают в один ряд с такими выдающимися критиками европейского рационализма, как Ж. Руссо, И.Г. Гердер, О. Шпенглер и др. Хоркхаймер и Адорно полагали, что инструментальный разум, сводящий знание к техническим и утилитарным целям, приводит к отчуждению человека от природы и общества, а также к подавлению индивидуальности и критического мышления. Согласно их анализу, преобладание инструментального разума в культуре и науке способствует формированию тоталитарных тенденций и ограничивает возможности для подлинной эмансипации человека. Однако в статье Мариносян не ограничивается критикой, утверждая, что инструментальный разум одновременно вносит вклад в цивилизационное развитие человека, общества, производства, городской среды, европейской социальности, являясь фактором экономического и социального развития.

Каков же вывод? Как соединить противоположности? Это главный вопрос, который ставит Мариносян. Ответ найден в контексте медиационной теории, ставшей основной темой исследовательской программы нашей секции: чтобы уметь снимать противоречия, соединять несоединяемое, нужно осваивать межсубъектный диалог, учиться диалогу.

Вторая важная медиационная проблема, отраженная в работе А.Х. Мариносяна и находящаяся в центре цивилизационного мышления ученых и политиков, обеспокоенных судьбами мира, – способ общения между людьми, группами, народами. Как возникла эта проблема? Она вытекает из исторически сложившегося противоречия между колонизаторским мышлением представителей европейской культуры и слабым уровнем социально-экономического развития стран третьего мира, из постоянного стремления «золотого миллиарда» эксплуатировать население стран Азии, Африки и Латинской Америки, из привычки западного Я «дружить» со всеми, которые не-Я,

в основном методами овладения и контроля, игнорируя принцип равноправия и взаимной выгоды [Лекторский 2009, 43–44].

А.Х. Мариносян анализирует технологию равноправного общения, разработанную американскими социологами Р. Бушем и Дж. Фолджером [Bush, Folger 2004] и названную ими «трансформационной медиацией». Эта теория двухъязычная: она смещает фокус с достижения конкретного соглашения по спорным вопросам на преобразование характера коммуникации между сторонами. Главная ценность медиации американских авторов заключается в улучшении взаимопонимания и формировании у участников диалога навыков конструктивного взаимодействия: «Даже если непосредственное соглашение не достигнуто, но стороны обрели новое видение ситуации и новые поведенческие модели, процесс можно считать успешным... Медиация здесь выступает не просто как техника урегулирования конфликта, но как практика преобразования социального контекста, расширения пространства личностной автономии и осознанной ответственности. Через развитие субъектности и взаимное признание Я и Другой обретают способность дистанцироваться от диктата отчужденных социальных сил и формировать новые, более гуманные основания своих отношений» [Мариносян 2024, 129]. В этом выводе прослеживается шаг новизны в теоретизировании Мариносяна, состоящий во включении в диалог не только субъектов переговоров и предмета их спора, но в целом спектра атмосферы переговоров, доверия между переговорщиками как основания переговоров (диалога) и главного предмета переговоров. Не удалось договориться в этот раз – не страшно, родившееся доверие позволит договориться в следующий раз. О медиации как об отдельном процессе писал Ахизер, о диалогизации как об отдельном процессе размышлял Библер. Мариносян правомерно соединил эти процессы, создав новое теоретическое основание межсубъектного диалога.

Таких теорий, какую представили Буш и Фолджер, не бывает слишком много. Почему? Основной постулат их теории не является новым, но он всегда актуален. Этот постулат взят из теоретизирования выдающегося американского бизнесмена и ученого Д. Карнеги. Карнегианство и сегодня видится актуальным, и даже более, чем во время его зарождения, поскольку оно нацелено на формирование взаимопонимания людей между собой, на превращение врагов если не в друзей, то хотя бы в партнеров по диалогу [Карнеги 2024].

Суть основного вывода, сформулированного в статье Мариносяна, сводится к тому, что трансформационная медиация созвучна идее коэволюции Н.Н. Моисеева, в которой В.А. Лекторский видит новую онтологию, противопоставленную теории антропоцентризма [Моисеев 1995; Лекторский 2004]. Сегодня, когда мир стоит на пороге третьей мировой войны, Мариносян ведет речь о переходе от логики господства и контроля, характерной для инструментального разума, к партнерству и сотворчеству в отношениях «Я – Другой»: «Задача – не победить противника, а вместе создать такую реальность, в которой будут удовлетворены интересы и потребности всех участников диалога» [Мариносян 2024, 129].

Социальный диалог как проактивное социальное действие Я-субъекта. Согласно **В.М. Розину** (Институт философии РАН) социальный диалог формируется как реакция на образ жизни, на самовыражение Другого как субъекта своего социального действия, на его зов, призыв, который не адресован непосредственно кому-либо, а представляет собой публично выраженный способ мышления, образ жизни, переживания, метод принятия решений, вопрошание. Я-субъект может выразить свое отношение к этому социальному действию Другого, ответить на поставленный им вопрос, сформировав тем самым обратную связь, открыв диалог с ним, давно умершим (например, с Иовом или Иисусом). Этот продолжающийся веками многовекторный диалог может рассматриваться как социальный диалог, потому что его субъекты оперируют данными, отражающими различный накопленный веками социальный опыт. Следовательно, в этом типе связи работает философский парадокс: чем более общий характер несет аргументация индивида, тем более она лично индивидуальна (В.А. Лекторский) и лично социальна (А.П. Давыдов). Например, В.М. Розин приводит точку зрения одного из известных последователей Г.П. Щедровицкого, который «защищает российскую традицию, но не считает, что она сводится к тоталитаризму. По его мнению, тоталитаризм – крайний случай, наблюдавшийся в периоды правления Ленина и Сталина, но в целом “русская модель управления” представляет собой более сложное явление. <...> именно “авторитарные” Россия, Китай и другие страны мирового большинства через такие объединения, как БРИКС и ШОС, в настоящее время продвигают процесс формирования нового, более справедливого мирового порядка» [Розин 2024, 69].

Отражая точку зрения определенного слоя элитарного сознания России, этот методолог вступает в медиационный социальный диалог, дискуссию с ее слоями, которые защищают крайности, т.е. либеральный подход, призывая к модернизации западного типа, и с ее социальными группами, ратующими за реставрацию советских методов управления обществом.

Основной вопрос социального диалога состоит в следующем. Как элитарному сознанию определить свою политическую позицию таким образом, чтобы она отражала интересы населения и одновременно была нацелена на социальное развитие общества?

Полисубъектность как совместная субъектность двух и более субъектов социального действия, как новый методологический инструмент изучения процесса социального развития. Полисубъектность объединяет через медиацию и социальный диалог в некое ограниченное единство субъектные способности оппонирующих субъектов: индивида и общества, города и деревни, гражданского права и этнокультурных обычаев, власти и населения, власти и бизнеса, центра и регионов, крупного бизнеса и малого и среднего предпринимательства, управления и самоуправления, организации и самоорганизации, процессов дифференциации, нацеленной на стимулирование развития и формирование нового разнообразия, и унификации, ограничивающей масштабы и скорость дифференциации через идеал уравнительности, и т.д. Полисубъектность – способ превратить противников в партнеров, а спор – в продуктивный диалог. Совместное обсуждение/управление деятельностью со стороны субъектов полисубъектности по необходимости сопровождается постоянной верификацией и уточнением этими субъектами меры достигнутой совместности. В итоге поиск меры взаимодействия/совместности, как и межполюсная проблематика «между», обретает общенаучное значение, становится не только методологической, но и теоретической (логической, социально-экономической, социокультурной, психологической, политической) проблемой развития индивида и общества, генеральной темой социальных наук.

И.А. Савельев (Институт социологии ФНИСЦ РАН), предлагая свой ответ на предложенную конференцией исследовательскую программу соединения индивидуального и социального, обращается к полисубъектности, которую он понимает как диалогич-

ную форму медиационного процесса: 1) отказ от абсолютизации монологизма центра и регионов в контактах между ними как разрушительных крайностей; 2) через диалог между ними, формирование адекватной меры совместности в деле синергетического социального развития страны [Савельев 2024]. По мнению Савельева, полисубъектность – это способ дифференциации, т.е. способ формирования нового социокультурного и социально-экономического разнообразия в процессе совместного развития центра и регионов. Более того, И.А. Савельев обнаруживает закономерность состоящую в том, что уровень развитости региона по шкале, предложенной Н.И. Лапиным, и уровень развитости полисубъектности как адекватная мера совместности усилий центра и региона в управлении этим регионом имеют прямую зависимость: чем более развита полисубъектность в управлении регионом, тем более регион развит.

По существу, О.В. Аксенова и И.А. Савельев, изучая отношение «центр – регионы», работают примерно в одной социально-политической парадигме: «унификация через диктат (монолог) технологической системы, ведущая к унитарному государству, формированию “власти-собственности” и убийству гражданского общества – дифференциация, через полисубъектность и диалог центра и регионов, синергетически ведущая к новому социокультурному и социально-экономическому разнообразию». Или: «формирование медиации, диалога, медиационных процессов – разрушение медиации, диалога, блокирование медиационных процессов». Аксенова делает акцент на втором, Савельев – на первом.

Эти ученые описывают сложность и рискогенность процесса медиации и конвергенции. В чем состоит сложность и опасность социального бытия субъекта Аксеновой? Он должен совместить в себе не просто противоположности (свободу и необходимость), а такие смыслы, которые взаимоисключают друг друга. В инженерии, технологии такое совмещение становится несложным, поскольку оно вытекает из инструкции: в одних случаях субъект социального действия должен четко следовать правилу, установленному алгоритму, в других – самостоятельно принять оптимальное решение, опираясь на собственные способности, мастерство и опыт. Если применить методологию Аксеновой к социально-политическому изучению дихотомии «центр – регионы», то ситуация не покажется легко решаемой в рамках единой для всей системы управления регионом.

Безусловное достижение обоих исследователей видится в том, что их субъект – раздвоенный, противоречивый, а значит, живой, реальный, не голая социальная схема, а действительное социально-индивидуальное бытие. И этот бытийствующий раздвоенный и не способный преодолеть внутренний раскол «гадкий утенок» Аксеновой и Савельева упорно хочет выжить в отведенном ему «просвете бытия», пытаясь соединить противоположности в своем социальном действии. У субъекта Аксеновой это фатально не получается, и беспощадная практика, сваливаясь в диктат технократической односторонности, дает многочисленные примеры неудач в его социальном развитии. Раздвоенный субъект Савельева, ищущий способ преодолеть угрозу внутреннего раскола через диалогичную полисубъектность как форму медиации и диалога, также не приходит к конвергенции. Но существует множество примеров успешного синергетического развития. Методология обоих исследователей имеет большие резервы для совершенствования, и это дает основание полагать, что их «гадкий утенок» рано или поздно научится соединять несоединимое и вырастет в прекрасного лебедя.

Введение в научный оборот любой формы синтеза (конвергенции) индивидуального и социального, успешного и безуспешного требует главного изменения в методологии их изучения, в частности нового императива в понимании человека. Нужно отказываться от изучения абстрактного человека, который «звучит гордо» в его монументальной нововременной целостности, и переходить к изучению конкретного человеческого в человеке, т.е. изучать способность человека быть человеком в конкретных условиях. Другими словами, нужно измерять человеческое в человеке его способностью работать над своими способностями. Это диктуют нам неклассическая эпистемология и социальные науки в Европе и России в XXI веке, обязывает нас понимать человеческое в человеке конфуцианство, начиная от зарождения в V веке до н.э. Но, если конфуцианство за два с половиной тысячелетия не изменило отношение к проблеме человека, то европейско-российская наука существенно изменилась. Именно в парадигме такого изменения и находятся представленные исследования, связывая вопросы индивидуализации и коллективизма с теориями медиации и диалога и через эту привязку пытаясь внести вклад в удовлетворение нарастающей потребности представления о конвергенции. Основной вопрос полисубъектности: *как формировать адек-*

*А.П. ДАВЫДОВ. Медиация и конвергентная социальность. К теории социального...
ватную меру совместности различных субъектов социального
развития?*

Заключение

Поиск меры соединения противоположностей в условиях социальной динамики становится главным направлением современных социальных методологий. Последней областью, в которой ученые рассуждали о мере соединения несоединимого как методологии социального развития, была проблема конвергенции идей капитализма и социализма во что-то третье, объединяющее оба уклада, но развивающееся на собственном основании. Это направление исследования конвергенции в России, видимо, безвозвратно погибло⁵.

Вместе с тем актуален именно такой подход к проблеме соотношения индивидуального и коллективного в современном обществе, который предполагает отказ от крайностей эго-индивидуализма неолиберальной модели и тоталитарного коллективизма совет-

---

⁵ Уместно вспомнить о том, что роль теории конвергенции в развитии общества анализировал В.И. Дашичев, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отделения международных экономических и политических исследований Института экономики РАН; председатель Научно-консультативного совета при МИД СССР (1987–1989); профессор берлинского Свободного (1991), Мюнхенского (1992) и Мангеймского университетов (1996). Он критически оценивал подход советского руководства, отвергавшего принципы конвергентного развития. Дашичев писал: «Отбросив прочь принципы конвергентного характера развития человечества, объявив теорию конвергенции чуть ли не контрреволюционной, советское руководство исходило из того, что существующая советская система является верхом совершенства» [Дашичев 2011, 75]. В противовес этому ученый приводил в качестве примера успешный опыт Китая: «Китайский опыт продемонстрировал громадные преимущества использования теории конвергенции в реформировании экономики социализма» [Дашичев 2011, 77]. Дашичев обращал внимание на то, что идея конвергентного развития поддержана многими выдающимися мыслителями, включая В. Ойкена, П.А. Сорокина, Дж. Гэлбрейта и др. Среди российских ученых он выделял Н.А. Бердяева и А.Д. Сахарова. О взглядах других исследователей Дашичев писал: «Сорокин, Тинберген и Гэлбрейт рассматривали возможности конвергенции капитализма и социализма. Они считали, что... тенденции экономического, социального и структурного развития индустриального общества неизбежно порождают условия для сближения (конвергенции) планового и рыночного хозяйства» [Дашичев 2011, 79]. Таким образом, Дашичев в своих работах обосновывал важность теории конвергенции для понимания глобальных процессов развития общества и экономики.

ского типа. Следует рассмотреть возможности конвергенции в понимании таких ключевых социальных оппозиций, как общество и индивид, государство и гражданин, власть и человек. Целью конвергенции является формирование интегративной социоиндивидуальной модели, способствующей синергетическому развитию всех компонентов социальной системы.

В рамках этой парадигмы можно выделить три главных направления реализации конвергентных стратегий:

1. *Синтез индивидуального и социального в контексте социального действия и диалога.* Данное направление предполагает исследование взаимопроникновения процессов индивидуализации социального и социализации индивида, что нашло отражение в работах М.Ф. Черныша, В.А. Лекторского, В.М. Розина. Данный подход позволяет преодолеть традиционное противопоставление личности и общества, формируя более целостное понимание социальных процессов.

2. *Оптимизация взаимодействия между центром и периферией в системе государственного управления.* Указанное направление охватывает различные уровни социальной организации – от федерального центра до отдельного индивида. Конечной целью выступает совершенствование механизмов социальной политики на всех уровнях общественного устройства. Изучением данной проблематики активно занимаются сотрудники Центра социологии управления и социальных технологий, а также других подразделений Института социологии ФНИСЦ РАН.

3. *Разработка и внедрение моделей государственно-частного партнерства как формы экономической конвергенции.* Эта модель предполагает интеграцию элементов централизованного планирования и рыночных механизмов, при которой основными бенефициарами становятся все участники корпоративной экономической системы, а не отдельные акторы (государство или частные предприниматели).

Изложенные выше проблемы станут центральной темой исследований, представленных в следующих выпусках журнала «Философские науки».

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аксенова 2024 – Аксенова О.В. Индивидуализм и коллективизм в условиях технологического прогресса // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 81–96.

А.П. ДАВЫДОВ. Медиация и конвергентная социальность. К теории социального...

Ахиезер 1998 – *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 2: Теория и методология. Словарь / 2-е изд., переработ. и доп. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.

Бауман 2005 – *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005.

Давыдов 2020 – *Давыдов А.П.* Методологическая «середина» как инструмент изучения социальной реальности // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 18 / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2020. С. 529–564.

Давыдов 2021 – *Давыдов А.П.* Методологическая «середина-для» в ракурсе неклассики В. Лекторского, медиации А. Ахиезера и принципа комплементарности Р. Гринберга / А. Рубинштейна // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 191–202.

Давыдов 2023 – *Давыдов А.П.* Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа (размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе») // Философские науки. 2023. Т. 66. № 4. С. 140–159.

Давыдов 2024 – *Давыдов А.П.* Россия весной 2022 г.: раскол в обществе как основание социокультурного кризиса // VOX: философский журнал. 2024. Вып. 45.

Дашичев 2011 – *Дашичев В.И.* Теория конвергенции и путь России: от ошибок прошлого к выбору будущего // Пространство и время. 2011. № 4 (6). С. 72–87.

Карнеги 2024 – *Карнеги Д.* Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. – М.: АСТ, 2024.

Касавин, Порус 1999 – *Касавин И.Т., Порус В.Н.* От редакторов // Разум и экзистенция. Анализ научных и вненаучных форм мышления / под ред. И.Т. Касавина, В.Н. Поруса. – СПб.: РХГИ, 1999. С. 9–20.

Лекторский 2004 – *Лекторский В.А.* Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке? // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 44–49.

Лекторский 2009 – *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: URSS, 2009.

Лекторский 2024 – *Лекторский В.А.* Индивидуализация, коллективность, диалог // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 13–25.

Мариносян 2024 – *Мариносян А.Х.* Инструментальный разум как третья субъектность в системе «Я – Другой» // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 117–134.

Моисеев 1995 – *Моисеев Н.Н.* Современный рационализм. – М.: МГВП КОКС, 1995.

Розин 2024 – *Розин В.М.* Социальный диалог как проблема и условие медиации // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 65–80.

Савельев 2024 – *Савельев И.А.* Полисубъектность как фактор социального развития в контексте диалогизации и дифференциации отношений «центр – регионы» в федеративном государстве // *Философские науки.* 2024. Т. 67. № 2. С. 97–116.

Фрейд 1999 – *Фрейд З.* Я и Оно: сочинения. – М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 1999.

Хантингтон 2014 – *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ, 2014.

Хоркхаймер 2011 – *Хоркхаймер М.* Затмение разума. К критике инструментального разума. – М.: Канон+, 2011.

Хоркхаймер, Адорно 1997 – *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – М.: Медиум; СПб.: Ювента, 1997.

Bush, Folger 2004 – *Bush R.A.B., Folger J.P.* The Promise of Mediation: The Transformative Approach to Conflict. – San Francisco: Jossey-Bass, 2004.

REFERENCES

Aksenova O.V. (2024) Individualism and Collectivism in the Context of Technological Progress. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki.* Vol. 67, no. 2, pp. 81–96 (in Russian).

Akhiezer A.S. (1998) *Russia: Critique of Historical Experience. Socio-cultural Dynamics of Russia. Vol. 2: Theory and Methodology. Dictionary* (2nd ed.). Novosibirsk: Sibirskiy khronograf (in Russian).

Bauman Z. (2005) *The Individualized Society* (V.L. Inozemtsev, Ed. & Trans.). Moscow: Logos (Russian translation).

Bush R.A.B. & Folger J.P. (2004) *The Promise of Mediation: The Transformative Approach to Conflict.* San Francisco: Jossey-Bass.

Carnegie D. (2024) *How to Win Friends and Influence People.* Moscow: AST (Russian translation).

Dashichev V.I. (2011) Theory of Convergence and Russia's Path: From Past Mistakes to Choosing the Future. *Prostranstvo i vremya.* No. 4, pp. 72–87 (in Russian).

Davydov A.P. (2020) Methodological “Middle” as a Tool for Studying Social Reality. In: Gorshkov M.K. (Ed.) *Reforming Russia: Yearbook* (Vol. 18, pp. 529–564). Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Davydov A.P. (2021) Methodological “Middle-for” from the Perspective of V. Lektorsky's Non-Classics, A. Akhiezer's Mediation, and R. Grinberg / A. Rubinstein's Principle of Complementarity. *Voprosy filosofii.* No. 4, pp. 191–202 (in Russian).

Davydov A.P. (2023) Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian

А.П. ДАВЫДОВ. Медиация и конвергентная социальность. К теории социального...
Society”). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*.
Vol. 66, no. 4, pp. 140–159.

Davydov A.P. (2024) Russia in Spring 2022: The Split in Society as the Basis of Sociocultural Crisis. *VOX: Philosophical Journal*. Vol. 45 (in Russian).

Freud S. (1999) *The Ego and the Id: Works*. Moscow: Eksmo-Press; Kharkov: Folio (Russian translation).

Horkheimer M. (2011) *Eclipse of Reason*. Moscow: Kanon+ (Russian translation).

Horkheimer M. & Adorno T. (1997) *Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments*. Moscow: Medium; Saint Petersburg: Yuventa (Russian translation).

Huntington S. (2014) *The Clash of Civilizations* (T. Velimeev, Trans.). Moscow: AST (Russian translation).

Kasavin I.T. & Porus V.N. (1999) From the Editors. In: Kasavin I.T. & Porus V.N. (Eds.) *Mind and Existence: Analysis of Scientific and Non-Scientific Forms of Thinking* (pp. 9–20). Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute (in Russian).

Lektorsky V.A. (2004) Is the Integration of Natural Sciences and Human Sciences Possible? *Voprosy filosofii*. No. 3, pp. 44–49 (in Russian).

Lektorsky V.A. (2009) *Classical and Non-Classical Epistemology*. Moscow: URSS (in Russian).

Lektorsky V.A. (2024) Individualization, Collectivity, Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 13–25 (in Russian).

Marinosyan A.K. (2024) Instrumental Reason as a Third Subjectivity in the Self–Other System. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 117–134 (in Russian).

Moiseev N.N. (1995) *Modern Rationalism*. Moscow: MGVP KOKS (in Russian).

Rozin V.M. (2024) Social Dialogue as a Problem and Prerequisite for Mediation. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 65–80 (in Russian).

Savelev I.A. (2024) Polysubjectivity as a Factor of Social Development in the Context of Dialogization and Differentiation of Center–Region Relations in the Federal State. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 97–116 (in Russian).

Цели и задачи

«Философские науки» – ежемесячный рецензируемый научный журнал, публикующий статьи на русском и английском языках. Журнал был учрежден в 1958 г. как научное образовательное просветительское издание для системы отечественного образования. Статьи журнала посвящены как традиционным, классическим философским темам, так и актуальным проблемам современности и перспективам социокультурного и цивилизационного развития человечества.

Aims and Scope

Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki is a peer-reviewed monthly journal published in Russian and English languages. The journal was founded in 1958 as a scientific and educational periodical for the educational system. The papers of the journal are dedicated to classical problems of philosophy as well as to important issues of the modernity and prospects of sociocultural and civilizational development of humankind.

С условиями публикации материалов в журнале
и порядком рецензирования статей можно ознакомиться на сайте:
<https://www.phisci.info/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса Россия» – 45490

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77 – 15513 от 20 мая 2003 г.

Подписано в печать 15.06.2024 г. Формат 60x90/16. Печать цифровая.

Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в типографии Издательского дома «Гуманитарий».

E-mail: humanist@academyrh.info